

АЛЕКСЕЙ
УМАНСКИЙ

Легко
Видеть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Уманский

Легко видеть

«ЛитРес: Самиздат»

1992

Уманский А. Н.

Легко видеть / А. Н. Уманский — «ЛитРес: Самиздат», 1992

«Легко видеть» – первый из многоплановых по содержанию романов Алексея Николаевича Уманского. Главный герой книги – инженер и научный работник Михаил Горский – увлеченный спортивный турист и альпинист под конец жизни проходит сложные маршруты, которые нельзя было осуществить в прошлом. Сплав по горной таежной реке требует от героя предельного напряжения воли и физических сил, но отнюдь не препятствует работе мысли. События прошлого постоянно всплывают в памяти, нередко представая в новом свете и с более определенным смыслом. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	63
Глава 8	85
Глава 9	106
Глава 10	133
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Посвящается М. Г.

От автора

Читатель!

Данная книга – роман, а не буквальное описание реальной жизни главного героя. Просто в ней соединено бывалое с тем, что вполне могло бы быть. В ней действуют разные люди – и вполне реальные, выведенные под собственными именами, и вымышленные, чье появление в сюжете предопределило только авторское воображение. Последнее, правда, не исключает возможности появления неких ассоциаций между такими персонажами и существующими людьми. Но это может свидетельствовать только о том, что в мыслях и практике незнакомых друг с другом разных лиц действительно бывает много сходного. За такого рода случайные совпадения характеров и событий в реальном и виртуальном мире автор, естественно, ответственности не несет. Относительно же названия романа «Легко видеть», оно позволяет себе напомнить читателю, что это – излюбленное выражение математиков, традиционно используемое ими в ключевом, нередко самом головоломном месте доказательства их математического предложения.

И еще. Поскольку книга повествует о довольно продолжительной сознательной жизни главного героя, знакомиться с ее эпизодами можно почти с любого места – не обязательно начиная читать ее с самого начала.

«Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать!». Обращение лейтенанта Йохансена, сбитого с ног белым медведем, к своему спутнику Фритьофу Нансену, старающемуся выдернуть из нарт застрявшее ружье.

Ф. Нансен. «Фрам в Полярном море».

Глава 1

Михаил стоял на полосе галечного пляжа, которая упиралась в стену скального выступа уже метров через сто пятьдесят. Дальше река уходила в каньон, и надеяться вскоре встретить другое удобное причальное место, не успев детально познакомиться с рекой, мог только идиот, да и то лишь в хорошую погоду. Любой дождь мог сразу добавить столько воды, что она уже через несколько часов поднялась бы на целые метры. Крутые склоны из скальных пород и мерзлотных грунтов, ничего не впитав в себя, быстро спустили бы все осадки на дно ущелья.

Впрочем, весь этот поход он давно окрестил про себя мечтой идиота. Когда-то это была просто мечта – яростная мечта энтузиаста походной жизни, почти всегда существенно скованного в свободе выбора и осуществления своих грандиозных планов. Отпуск полагался один раз в году, да и длительность его не позволяла сделать многие возможные маршруты, от которых, глядя на карту, захватывало дух. Городские будни длились слишком долго – от летнего похода до майского, в который удавалось уйти дней на десять скорее неправдами, чем по закону, и который служил лишь отдушиной для человека, сдавленного принудительной силой обстоятельств и потому ведущего не тот образ жизни, для которого он был рожден.

Год за годом увеличивался список таких походов (лучше сказать сверхпоходов), особенно притягательных и недоступных как раз по причине нехватки времени и средств, покуда мечта об их прохождении не сублимировалась в почти невозможную абстракцию – вот если доживу до пенсии, тогда пойду. Деньги можно будет накопить, а во времени уже никто или ничто не ограничит – разве что ранние холода, при которых реки начнут замерзать. Да, проблема со временем была действительно менее разрешимой, чем проблема денег. Но по мере приближения той вожденной и почти невероятной даты, когда мечта могла начать осуществляться, он все более и более трезво оценивал свои собственные внутренние возможности и в результате вынужден был признать: надежда сделать нечто крупное и важное, очень сложное и ранее недоступное в возрасте, когда общество уже настолько выжало из тебя инициативу и жизненные соки, что сочло за благо позволить тебе удалиться на недолгое доживание за «его» счет – это и есть форменная мечта идиота. Тем не менее, список сверхмаршрутов из головы никуда не уходил, а всякая новая информация о любой точке, относящейся к ним, продолжала откладываться и в записях, и в памяти, словно он все время оставался прежним нетерпеливым скитальцем, каким был и в двадцать, и в тридцать, и даже в сорок с лишним лет. Но теперь даже от последнего из этих возрастов его отделяло уже более двадцати лет, и, мечтая, он из трезвости скорее полагался на накопленный опыт, умение и расчет, нежели на готовность переносить несусветные тяготы и нагрузки, выполнять громадную ишачью работу и идти на неведомый риск, который, конечно, не устраним из походной жизни в любом возрасте, но к которому молодость и старость относятся, как выяснилось ныне, очень по-разному. Большинство знакомых Михаила ушло из спортивного туризма как раз после того, как по мере усложнения походов риск все более отчетливо превращался из фактора, привносящего пикантную остроту в ощущение полноты жизни и окрыления своим собственным умением, в грубый фактор прямой и постоянной угрозы существованию. Одна Марина продолжала ходить с ним, и Михаил не уставал благодарить Бога за то, что Он дал ему такую вторую жену, хотя и с первой он тоже прошел многое и сложное. Но однажды, когда Марину не отпустили летом в отпуск, и Михаил отправился в поход в Карелию по Ваме и Водле без нее, только со своим колли, он, просматривая путь через загроможденный камнями Верхне-Вамский порог (вовсе не самый сложный на маршруте), вдруг ужаснулся, как он позволял себе рисковать жизнью любимой и в еще более опасных местах, особенно сознавая, что походы ей не были столь же необходимы, как ему. Совершенно неожиданно для себя он испытал яростный стыд за свой эгоизм, особенно непростительный, если принять во внимание хорошо известное ему обстоятельство – какой

замедленной реакцией в действиях обладала от природы жена, в то время как потоки воды и препятствия требовали маневрировать мгновенно. Счастье еще, что его команды доходили до Марины быстрее, чем осознание опасностей. И именно тогда на Водле у Верхне-Вамского порога он вспомнил и увидел совсем в другом свете случившееся на верхнем Кантегире, когда на стоячей волне после прыжка с водопадного порога из лодки одновременно вышвырнуло Марину влево, а их любимого колли Террюшу – направо, и он мгновенно ухватил руками и втащил на борт сначала Марину, потом огромного колли, хотя физически никогда не был силен и не мог рассчитывать на то, чтобы выполнять работу супермена. Понятное дело – психическое напряжение перед лицом опасности, случается, удесятерит обычные физические силы тела, но ведь так может и не случиться. Поэтому прежнее ощущение почти невероятной, но действительно имевшей место собственной удали вдруг полностью выпало из представлявшейся ранее картины, и она предстала ему такой, какой по сути и была – он мог и не ухватить Марину за спасжилет, а пса за ошейник, их тела могло безжалостно молотить по камням, да и сам он, отвлекшись на секунды от управления и бросив весло, мог сколь угодно просто опрокинуться вместе с лодкой и тоже получить от потока сполна.

И это памятное потрясение от стыда за себя, готового рисковать жизнями любимых существ, совсем не нуждающихся в рискованном сплаве по складу души (если не считать их любви и доверия к нему), заставило Михаила вычеркнуть и жену и собак (с тех пор у них ушло из жизни не одно поколение колли) из списка участников в обдумываемых гипотетических сверхмаршрутах. В других же спутниках сам он уже давно не нуждался.

И вот, когда Михаил почти совсем не верил, что сможет осуществить походную мечту – нет, разумеется, не всю, по полному списку-всего лишь мечту пройти ОДИН маршрут из прежде самому себе заявленных – она вдруг стала превращаться в явь. Он-таки достиг начала пути, который теперь надо было пройти или умереть. Впрочем, на Небесах ему могли дать сделать и то, и другое.

Да, раньше-то в мечтах такой дилеммы не существовало. Пройти, конечно пройти! – Что же еще? Риск риском, но все обязательно надо будет преодолеть и вернуться домой живым и здоровым, чтобы не огорчать любимую, родителей и детей. Однако такая презумпция безусловно устарела перед лицом простого факта предстоящей смерти по возрасту в достаточно близкое время. И если бы смерть от исхода сил пришлось на одиночное путешествие, возможно, это было бы далеко не самое худшее из окончаний затянувшейся жизненной – отнюдь не шахматной – партии.

Человеку, умирающему от болезней и немощей на глазах у других, особенно близких людей, трудно не являть собой жалкое зрелище. Так что может быть лучше, если агонию не увидит никто, а сама она будет недолгой. Ну, а если удалось бы пройти весь путь и вернуться домой, как встарь, в ореоле сознания, что выполнил нечто прежде недостижимое, тогда, возможно, появилась бы еще одна зыбкая надежда отправиться в еще один заветный маршрут, но только сейчас об этом не стоило и думать. Где-то все равно должен был настичь последний удар. Или скоро, или совсем скоро. В последнем, собственно, и заключался смысл изменения ситуации. Раньше конец маячил в сознании только в неопределенном абстрактном далеке.

Но даже в тех трех одиночных походах, которые Михаил прошел ранее среди прочих, он достаточно хорошо уловил их отличие от обычных походов в резком изменении ответственности перед собой. Без спутников приходилось постоянно контролировать каждый свой шаг, потому что при бездумном поведении он запросто мог стать фатальным, отчего и пустяки приобретали совсем другую цену. И все равно в нынешнем одиночном походе в отличие от прежних трех с фатумом пошли иные игры. В нем, если судить отвлеченно, несколько таял даже сам стимул непременно играть на выигрыш. Что толку было пытаться убежать от неизбежности при ее приближении? Только из-за страха потерять еще немного времени пребывания в этом вряд ли лучшем из миров? А если знать и не забывать из-за этого страха, что муки от болез-

ней, которые разом могут обостриться или проступить в любой момент в домашней или, того хуже, в больничной постели, на самом деле более страшны, чем мгновенный конец от разрыва сердца или от удара головой о скалу. Ведь даже для смертельного замерзания в нормальной сибирской воде достаточно двадцати минут. А ведь все маршруты из его заветного списка были сибирскими, горными, и все воды притягательных для Михаила рек текли в Ледовитый океан, не делая его особенно теплее, и на это обстоятельство их естества можно было положиться в полной мере.

И, тем не менее, глядя теперь на одну из тех Избранных Рек, Михаил снова пообещал себе и жене, нет – сначала жене, потом себе —стараться действовать так, будто ничего не изменилось за прошедшие десятилетия в понимании смысла сохранения брэнного земного бытия, иными словами – честно, со всем упорством делать все, что полагается человеку, желающему остаться в живых и победить.

Михаил распаковал лодку и накачал все четыре несущих баллона и два палубных отсека «Рекина». Эту байдарку он купил в командировке в Польше в расчете на будущий сверхпоход почти два десятилетия назад. Она была номинально двухместной и поэтому вполне подходила для одного в длительном автономном походе. Впереди, до конечного пункта маршрута, пополнять запасы было негде. На удачу в охоте и рыбалке он никогда особенно не рассчитывал, по опыту зная, что дичь, когда она бывает особенно необходима, как сквозь землю проваливается даже в самой безлюдной неэксплуатируемой тайге, а любой паводок делает бессмысленной ловлю рыбы на удочку или спиннинг. Тем не менее, он, разумеется, взял с собой и спиннинговую снасть и ружье, без которого вообще не мог себе представить полноценного самоощущения в тайге. Ружье давно уже перестало быть только инструментом добычи, оно сделалось частью менталитета, создавая мысленную дистанцию – когда действительную, когда только мнимую – между ним и опасностями в дикой природе. Это был атрибут его независимости и даже потенциальной возможности повелевать.

А что же на самом деле повелевало им самим? Почему в свои-то годы он, коренной горожанин, оказался на берегу одной из до сих пор совсем не населенных рек, пройти по ущелью которой можно было признать пристойным достижением для квалифицированных спортсменов даже в расцвете сил, да к тому же после того, как он твердо решил не делать ничего, что шло бы в разрез с интересами его жены?

Как получилось, что и она не стала возражать? Неужели ради того, чтобы он не перестал чувствовать себя человеком, способным мечтать и осуществлять мечту, и не превратился в старую рухлядь, не годящуюся ни на что? Конечно, он знал, что может рассчитывать на ее понимание почти так же твердо, как и на свою собственную решимость. Если он считал себя готовым к такому походу, она верила в это, как вообще верила в него. Короче, он сделал выбор, а она согласилась. Поэтому он и оказался тут, хотя решиться на это и ему самому, честно говоря, было непросто.

Как ни странно, проблема денег решилась легче, чем можно было когда-либо предполагать, тем более теперь, в экономически расстроенной стране. Неожиданно некоторую известность получила одна из тех работ, которые он делал преимущественно для себя. За те несколько десятилетий, что он трудился над ними, у него созрела полная уверенность, что они не увидят свет никогда или, по крайней мере, при его жизни. Следствием неожиданной публикации как раз и были деньги, достаточные для реализации мечты. С их помощью решалась проблема транспорта и особенно – аренды вертолета для заброски к начальной точке сплава взамен недельного (в лучшем случае) пешего подхода к ней от конечного пункта плохой автодороги, что в его возрасте могло стать критическим местом всего пути. Как-никак груз у него был около ста двадцати пяти килограммов в расчете на два месяца пребывания в тайге, хотя при определенных условиях он мог пройти маршрут и за месяц. Просто он знал, что теперь все делает

медленней, чем привык представлять себе по старой памяти, которая ныне могла достаточно крупно подвести.

Он долго решал, что брать с собой, от чего отказаться, в принципе не лишая себя ничего нужного из привычного. Однако с возрастом входило в привычку брать с собой все больше и больше разных вещей, из которых часть все-таки оказывалась лишней. В одиночном же походе кое-что следовало сознательно продублировать. Например, укрытие от непогоды на случай потери палатки, обувь, одежду, инструменты, источники огня и света.

Из этого следовало, что при себе всегда надо будет иметь трехметровой длины трубу из полиэтиленовой пленки шириной в сложенном виде 1.5 метра, а кроме основного топора с длинным топоричем надо носить вне бивака второй, чуть поменьше, равно как и патронаш «бурский пояс» с патронами в латунных или полиэтиленовых гильзах, а на голове поверх шерстяной шапочки вместо шлема полусферический котелок, «мамбрин», как это он носил на Кантегире. Гидрокостюм надо было обязательно дополнить кроссовками поверх гидрокостюмных колгот. Высокие сапоги требовались для пеших хождений в тайге, равно как и штормовой костюм. Еще нужны были запасные штаны, два свитера, два комплекта белья и четырехкратная смена носков. Вместо спальника Михаил решил взять длинный пуховик-пальто с капюшоном в комбинации со «слоновьей ногой», а для удобства сна – длинный надувной матрас. Из мелочей нужны были еще плавки, противорадикулитный (на всякий случай) пояс, поскольку в походной одежде поясница всегда хуже всего защищена, а от ее здоровья зависит слишком многое. Помимо лекарств, которые он привык брать – антиастматических, желудочных, сердечных и болеутоляющих, возможно, следовало бы взять и то, чему он не знал и названия и что могло бы облегчить или ускорить конец в случае полной безысходности. Михаил усмехнулся, представив себя в роли своей собственной сиделки над телом-банкротом. Правда, сама такая картина выглядела совсем невесело. Смешной представилась попытка как следует приуготовить все даже на такой случай жизни. Как будто Господу Богу будет трудно воспрепятствовать запасливому смертному покуситься на исключительную прерогативу Всевышнего в делах бытия-небытия. Вспомнив об этом, Михаил не стал добывать «душеспасительных» средств и перешел к обдумыванию продовольствия.

Помимо круп (гречки, «геркулеса», риса и пшена), корейки, мясных консервов, сахара, муки, соли, специй и карамели, он решил не отказывать себе в привычных яичницах по утрам и взять для них 120, 140 яиц. Подумав, он добавил к еде еще два литра вина типа «Кагора» – для сугрева и удовольствия – и спирта – тоже литра два на случай угощения встречного люда и в качестве платы за услуги: в тайге жидкая валюта ценится выше любой другой. Еще нужен был хороший чай – не менее килограмма – как-никак это лучший походный друг, который никогда не изменит, дающий возможность воспрянуть духом после трудов и невзгод.

Собственно, зачем ему было себя сильно ограничивать? Грузоподъемность байдарки – 200 кг. Вес единственного члена экипажа 65 кг в одежде. Если со всем барахлом уложиться в 35-40 кг, то на продовольствие останется аж 95-100 кг. Этого должно было хватить не на два, а на три месяца, если захочется странствовать так долго. Для начала пути, для подъездов-подходов такой груз, конечно, велик, но для сплава без волоков и обносов (их он до ужаса не любил и потому остановил выбор как раз на маршруте без волока) ничего страшного в нем не было. Можно было сделать один или несколько радиальных выходов в сторону, чтобы побывать в высокогорье и заглянуть в другие миры. Михаил не был уверен, что он очень уж рассчитывает на такую собственную прыть, но заранее отсекает от себя подобную возможность все-таки не хотел. Чтобы иметь свободу действий в темноте, он решил взять герметичный фонарь на три батарейки с тремя сменными комплектами элементов питания, а помимо них на всякий случай еще и пять штук свечей, способных гореть и тогда, когда все остальное вымокнет и придет в негодность несмотря на любые меры предосторожности. К тому же свечи могли и согреть. Из приборов требовались: компасы (обязательно с успокоением магнитной стрелки в жидко-

сти или с помощью индукционной катушки) – один постоянно на шее, два в запас в сменной одежде; часы-минимум двое, наручные и карманные, которым он особенно доверял. Маленький приемник можно было бы считать предметом излишним – сколько лет обходился без него, чтобы не нарушать звукового фона природы – если бы не могли вдруг понадобиться сигналы точного времени или даже политическая информация о родной ненормальной стране, где через пару месяцев могут внезапно вздуть в 2,5 раза тарифы на железнодорожные и авиационные перевозки – просто так, по шучьему велению, по номенклатурному хотению, или, того хуже, попытаются повернуть очередной коммунистический путч.

Из оптических приборов нужны были очки, подзорная труба и фотоаппарат – как можно более простой, легкий и компактный, чтобы его можно было без раздражения постоянно носить на шее, без задержки снимать и быстро прятать обратно за ворот гидрокостюма. Подзорная труба подходила лучше всего с трансфокатором, с нераздвижным тубусом, позволяющим быстрее изготовиться к наблюдениям, и с герметичным футляром для защиты от воды. Как раз такой – почти идеальной – была у него труба «Турист-П» с кратностями увеличения от 8 до 20. Очков Михаил решил взять три пары – одну на резинке на шее, как принято у альпинистов, для обозрения пространств с большей ясностью, и две пары более сильных по карманам для тонкой работы и чтения.

Подробные расчеты всего, что надо будет взять, Михаил не раз и не два прокрутил и в мозгу, и на бумаге. Байдарку он укомплектовал двумя насосами, двумя двухлопастными веслами, фартуком, накладным трубчатым каркасом (для придания судну большей жесткости, а также для облегчения закрепления груза, с чем всегда большие проблемы в надувных лодках), рулем и педалями для управления (они тоже навешивались на каркас).

Когда все воплотилось в реальность, Михаил оказался один на один с пятью упаковками – четырьмя рюкзаками весом около 25 кг каждый и чехлом с байдаркой около 30 кг. В Москве его провожали до самолета. Груз должен был в полной мере навалиться ему на плечи только в Сибири, когда начнется беготня по тамошним аэропортам и где о столичном сервисе не останется даже воспоминаний. Как ни странно, но ожидая больших препятствий на пути к исходной точке маршрута, он был приятно разочарован – в дороге нашлись добровольные помощники – то ли из почтения к его седой бороде, то ли к едва начавшейся известности.

То есть поработать на переноске рюкзаков пришлось и ему, но не на грани потери сознания, как нередко случалось на наших «терминалах» при отправлении в походы и возвращении из них, когда он в очередной раз с тоской обнаруживал, как далек от атлетического склада его организм.

На сей раз ему с избытком хватило денег на вертолетную заброску. Опять же помог случай. В последнем глухом аэропорту Михаилу удалось скооперироваться с небольшой компанией, которой надо было вернуться в мир из небольшого прииска, затерянного в тайге в соседней с рекой Михаила долине. Сделка была выгодна и ему, и приискателям, поскольку он платил за спецрейс туда, а они-обратно, хотя сперва летный отряд жаждал содрать с каждого пользователя за полет в оба конца.

Первый пилот сначала удостоил его удивленно-снисходительным взглядом как чудака, не понимающего счастья жить в нормальных цивилизованных местах, но все же на приветствие ответил без задержки. Второй пилот во всей своей надменности «небожителя» предпочел не отвечать, придирчиво взирая на кучу вещей, составляющих Михайлов багаж. Этому второму явно хотелось к чему-то придраться – например, к тому, что не весь вес груза оплачен, но для этого ему пришлось бы таскать рюкзаки на весы, и потому он вынужден был удовлетвориться предъявленной багажной квитанцией. Внутри вертолета командир подозвал Михаила к себе и попросил уточнить по своей карте, в какое место на Реке его надо доставить. Михаил указал на стрелку, образованную рекой и ее правым притоком, от которой, как он знал, уже

можно начинать сплав, и добавил, что если высаживать там будет неудобно, подойдет любая площадка вниз по течению на расстоянии до 10 километров. Пилот согласно кивнул головой.

Вскоре внутри машины все загрохотало, пилот повел вертолет вдоль полосы вперед-вверх, затем развернулся и лег на курс к перевалу через ближний горный хребет. Последний перелет на пути к мечте стал явью. Они шли с постепенным набором высоты, отдаляясь от отбрасываемой на склоны собственной тени, сначала над довольно широкой таежной речкой, затем над гольцами со снежниками в распадках, и Михаил ощутил, как его наполняет захватывающее ожидание близости таинственной и опасной страны, через которую ему предстоит пройти, если только вертолет не потерпит аварию до того, как донесет идиота – мечтателя до начала пути. Здесь уже не было видно ни дорог, ни троп. Впрочем дорог тут никогда не существовало, а тропы, пробитые и протоптанные лет около ста назад людьми, которых влек за великий водораздел призрак золотого счастья, либо уже заросли или обвалились, либо еще где-то скрывались в тайге. В случае чего выбраться отсюда было бы непросто, но для этого сначала еще надо было исхитриться уцелеть. Однако двигатели и редуктор несущего винта грохотали ровно, без перебоев, машину в полете без меры не трясло и мысли о возможности вынужденной посадки на вершины деревьев или на каменные развалы отступили на второй план, а впереди навстречу им выдвигались мрачные пустынные цирки под гребнями гор, ограничивающих кругозор, и это было прекрасно.

Распахнувшийся в обе стороны вид на гольцовое высокогорье напомнил ему сразу два дорогих ему похода – по Баргузинскому хребту, где подобные кручи приходилось преодолевать и переваливать пешком, и другой – по рекам бассейна Витима, когда они летели из Бамбуйки и Багдарина в Читу над Витимским плоскогорьем, которое сверху отнюдь не выглядело плоским, скорее наоборот.

Теперь Михаил с нетерпением ожидал, какой вид раскроется перед ним за перевалом, к которому они неуклонно приближались. Тень вертолета, бежавшая по скальному склону, стала быстро возвращаться назад, к ним. И вдруг новый мир распахнулся за какой-то миг до того, как вертолет скользнул мимо скал седловины в провал за хребтом и повис над бездной. Падение вниз, казалось бы, неминуемое, так и не произошло. Вертолет по-прежнему держал высоту и теперь устремился в пространство, которое было больше оставшегося позади, и в нем было больше хребтов, один за другим уходивших к горизонту, пока последние не истаявали в синеве. В нескольких километрах справа от их трассы вздымался выдающийся крутостенный голец в самом центре глубоко расчлененного ущельями горного узла, на который Михаил в прежние годы мечтал взойти перед началом сплава. Однако теперь такое восхождение требовало от него больше, чем мог сделать он, постаревший и одинокий, да к тому же не взявший альпинистского снаряжения. Все это заранее заставило его отказаться от мечты о восхождении уже не «до другого раза», а навсегда. Оставалось радоваться хотя бы тому, что он видит этот голец наяву, а не на карте. Михаил надел очки, с замиранием сердца всматриваясь в подробности рельефа и подыскивая пути для движения по гребням. О стальных маршрутах не стоило и думать – по опыту Баргузинского похода он хорошо знал, что вся поверхность скал разрушена морозным выветриванием, и в поисках надежных зацепок можно вынимать породу кусок за куском, покуда не надоест. Впрочем, даже подходы к горному узлу были немалой проблемой. Крутостенность ущелий, стланиковые заросли и крупнокаменные осыпи на пределе устойчивости по всей ширине некоторых склонов могли вымотать задолго до того, как начнется основная работа по набору высоты. Да и на обратном пути препятствий ожидало более чем достаточно – сначала выход к сплавному участку реки, на которую отправился Михаил, и спуск по ней до ближайшего жилья через семьсот километров от гольца. И это все-таки было легче, чем идти к цивилизации через водораздел, хотя и более рискованно.

Судя по всему, вертолет уже приближался к месту посадки Михаила. Он знал о Реке все, о чем можно было прочесть в книгах и отчетах, но только не о ее верховьях, где она еще не успе-

вала набрать много воды. Все же он надеялся, что глубины для сплава на том участке, который он показал пилоту, будет достаточно. Командира в это время интересовало другое – где лучше посадить пассажира.

Видимо, Реку оба они опознали одновременно по характерному S-образному изгибу русла на некотором удалении от подножия горного узла. Пилот повел машину на снижение, однако на стрелке реки и правого притока садиться не стал и пошел вниз по течению, к расширению горной долины и там, где ее борта стали положе, действительно обнаружил подходящий галечный пляж, на который можно было сесть, не рискуя зацепиться за что-то лопастями несущего винта. Пилот удивил Михаила тем, что после приземления выключил двигатель. Сквозь раскрытую дверь в фюзеляж рванулся свежий ветер и свист воздуха, рассекаемого все еще крутившимся по инерции винтом. Наконец, пилот показал Михаилу, чтобы тот выпрыгнул на землю и стал подавать ему первый рюкзак. Видя, чем занялся командир, второй пилот также начал подтаскивать вещи к двери, хотя в ином случае наверняка бы не сделал и шагу. Когда выгрузка кончилась, командир тоже выпрыгнул на землю, достал сигареты и предложил закурить.

– Я не курю, – ответил Михаил. – Однако спасибо.

Пилот прикурил от зажигалки, молча выпустил дым, потом сказал, показывая на вещи:

– Как вы со всем этим управитесь один?

Пассажир неопределенно пожал плечами.

– Соберу байдарку, в ней все разместить можно. А одному – тоже не привыкать.

– Вы с рекой-то поаккуратней, – посоветовал пилот. – Я над ней иногда пролетаю по разным случаям. Очень уж много на ней порогов и шивер. На соседних реках в этом районе – и то заметно меньше.

– Да, я знаю.

– Мне сказали, что вы – философ, – неожиданно выдохнул пилот.

Его слова прозвучали скорее как вопрос, а не утверждение. И за всем этим угадывалось сомнение в том, что философ годится для прохождения порогов и шивер.

– Надеюсь, вас не ввели в заблуждение, – ответил Михаил.

Точно подтверждая его догадку, пилот спросил:

– Как же вы тогда спуститесь вниз?

– Так я ведь не только философ, – усмехнулся Михаил.

– А кто еще?

– Инженер-механик. Пожалуй, еще и писатель. А, главное, странник до-моторной эпохи, как говорил Олег Куваев.

– А вы знали Куваева? – оживился пилот.

– Лично – нет. Однако нам с ним случалось переписываться.

– Понятно. Значит, вам не внове?

– Нет.

– Если будет по пути, я постараюсь найти вас где-нибудь на реке.

– Рад буду с Вами повидаться, – улыбнулся Михаил. – Спасибо, что доставили. Когда-то мечтал добраться сюда своим ходом.

В ответ пилот с сомнением покачал головой – мол, вряд ли.

– Да, сам вижу, что чересчур размечтался, – подтвердил Михаил. – Я вас попрошу, если не трудно, отправить это письмо.

– Отправлю, – пообещал пилот, взглянув на обратный адрес.

Он прочел его вслух:

– Горский Михаил Николаевич. – Потом добавил:

– Ну, нам пора, счастливого пути. Если с кем встретитесь, ссылайтесь на меня. Филатов. Меня здесь все знают. Помогут, если что.

– Спасибо, Николай Степанович!

– А, вы уже знаете?

– Подслушал разговор. Еще раз спасибо. И вам счастливого пути.

Они пожали друг другу руки, хотя еще совсем недавно вовсе не собирались делать этого. Пилот, – потому что ему не было дела до чудака из Москвы. Пассажир, – потому что знал, как к нему отнесется пилот. Второй, кстати, ни разу не вмешался в их разговор. Не вмешался и в их прощание.

Первый тяжеловато, но все же не без грации забрался внутрь машины. Второй закрыл дверь. Взревели двигатели.

Разогнав винт, командир оторвал вертолет, повернул его носом к оставляемому человеку и поднял в приветствии руку. Недавний пассажир сделал то же самое, машина отвернула в сторону и пошла вверх. Скоро ее уже не стало слышно.

– Все, – подумал Михаил. – Пора собираться в дорогу.

Теперь ему оставалось только идти и идти до конца.

Глава 2

Уже давно без благодатного вихря из-под винта вертолета крылатая нечисть стала из всех сил напоминать о себе. Ранне-июльский гнус был не очень слабее июньского. И Михаилу с тяжелой неотвратимостью вспомнилось начало другого пути – в походе по Кольскому в районе Монче- и Волчьих Тундр, куда они попали в период самого массового выплода крупной мошки, которая насмерть заела и отравила их молодого полуторагодовалого колли. До тех пор Михаил лишь по книгам знал, что случаются годы, когда гнус губит жизни молодых собак и оленей, но все же не представлял, как это может быть с детьми природы, покуда сам не столкнулся с таким ужасом. Они с Мариной слишком поздно обратили внимание на то, с какой страшной плотностью покрыта мошкой вся оголенная часть живота, пах, губы, уши и окологлазья их любимца Вэла, а, главное, какое беспредельное нежелание жить, терпя такие мучения ради совершенно непонятной цели, отражалось в глазах обреченного стойка. Пес уже не жаловался, как на первых порах, потому что скоро понял – никто ему не поможет и не увезет из этого ада. И не только страшная потеря крови, выпитой гнусом, и не только яд, который этот гнус впрыскивал ему при укусах под кожу, но и явное осмысленное от себя нежелание продолжения такого бытия привело его к смерти. Слишком запоздало, сорвав с себя штормовку, Михаил укутал собаку, уже настолько лишившуюся сил, что она уже не могла ходить, и отнес Вэла на руках в байдарку, а затем, после остановки на ночлег, тут же поставил палатку и перенес Вэла туда. Глубоко вздыхая – Михаил с Мариной надеялись, что от облегчения – Вэлушка провел с ними свою последнюю в жизни ночь, а утром после короткой агонии, когда Михаил безуспешно пытался делать ему искусственное дыхание изо рта в рот (ничего из этого не вышло, потому что Михаил сразу зашелся в астматическом кашле), пес испустил дух, так и не сказав ни одного слова упрека. В последующие дни, месяцы, годы Михаил сам во множестве говорил такие слова себе. Но в часы, следовавшие за этой смертью, он и Марина были просто раздавлены горем и сознанием вины. И еще – мысленными поисками причин, за которые им было ниспослано это новое смертное горе – всего-то через месяц с небольшим после того, как разбился в своем истребителе Коля, Маринин сын, и, как считал Михаил, его сын тоже.

– «И что на нас все катится и катится»? – высказала после похорон Вэла Марина, и Михаил ощутил в ее словах не только боль от продолжающихся утрат, но и несогласие с таким воздаянием. Понимая, что может случиться еще и при неприятии Воли Небес, Михаил тотчас взмолился:

– Боже, на все Воля твоя, но прости мою любушку и взыскивай за все только с меня! Я один виноват! Вэлушку мы потеряли из-за того, что пошли в чужой компании, с которой связался я, в это гнусное время, удобное не для нас, а для них, когда еще нет ни ягод, ни охоты, а есть лишь бесчисленная летучая нечисть. Неудобно, конечно, оставлять спутников после того, как договорились, но это несравненно лучше, чем потеря родных, а я не сделал и этого!

Смягчило ли небеса его запоздалое раскаяние и мольба, Михаил затруднялся сказать. Однако и всем участникам похода от гнуса досталось отчаянно. Михаил не видел такого за всю жизнь, чтобы вечером, отворачивая раструбы высоких сапог перед тем, как их снять, ему приходилось выгребать оттуда несколько полных гостей давленной мошки. Она лезла туда – и таки находила пути к голому телу, оставляя на коже жгучие следы. Лишь однажды в мае в дельте Волги, в узком ерике возле Большого Белинского банка ниже Макова в течение одного вечера случилось нечто подобное. Михаил тогда успел поставить палатку, втолкнуть в нее Марину, а сам остался снаружи доделывать бивачные дела. Это стоило ему сильно распухшей физиономии, но в остальном-то все-таки обошлось.... На Кольском же – нет.

Ну, а сейчас в отдаленном Забайкалье, к обычному составу гнуса — комарам и мошке – добавились еще и громадные слепни-пауты. Пропустить укус таких зверей было все равно

что прикоснуться к коже раскаленным стержнем. Само же место укуса долго не заживало, должно быть, оттого, что пауты старались отложить в ранку свои яйца.

Возиться на берегу предстояло достаточно долго, поэтому Михаил надел накомарник. Дышать под тюлем было тяжеловато, но это было лучше, чем постоянно думать о паутах и комарах, занимаясь подготовкой к сплаву.

Наконец, байдарка была надута, каркас на нее наложен, фартук надет и обтянут вокруг корпуса, и Михаил привычно залюбовался своим серебристым судном, в усовершенствование которого внес немало своего.

В таком виде «Рекин» был уже проверен в порогах Вамы и Водлы, многие из которых по сложности и мощи на удивление напоминали Кантегирские в Саянах.

Палатку, пуховик, «слоновью ногу» и надувной матрац Михаил упаковал в большой резиновый мешок, на котором собирался сидеть в лодке, и теперь задумался, в какой люк его поместить – в носовой или кормовой. Рулить педалями он мог с любого места. Привычной для него была корма, но сейчас он шел один и решил, что одному лучше сидеть возле миделя, то есть впереди. Перепаковав груз так, чтобы все боящееся воды не намокло, Михаил почувствовал голод. Он достал костровую треногу, поставил ее на галечный пляж и сходил за сушиняком немного выше по склону.

Вскоре над пламенем уже бурлила вода в чайном котелке, а сам Михаил уплетал яичницу с грудинкой, зажаренную на сковороде. Настроение от хорошей, к тому же вполне «джеклон-доновской» еды поднялось. После ее принятия полагалось совершать суперменские подвиги, конечно, не такие, какие были к лицу героям Лондона – во многом попроще. Но, в конце концов, дело было в не суперменстве, а в том, что теперь следовало приступить к главному, для чего он сюда явился. А именно – надо было начинать свой путь по воде.

Закончив погрузку судна, Михаил облачился в колготы гидрокостюма, потом, стараясь не дышать, сунул голову в противно пахнущее нутро гидрокостюмной рубахи. Главное было как можно скорей протиснуться головой через горловину и вынырнуть на свет Божий в отверстие для лица до того, как в легких кончится свежий воздух. Это удалось. Он закатал совместно верх колгот и низ рубахи, затем перекрыл образовавшийся на талии валик тугим и широким резиновым биндом. Поверх него Михаил надел «бурский пояс» с патронами, с прикрепленным охотничьим ножом и с малым топором, вставленным топоричком в специальную скобу. Теперь он был готов, если не считать «мамбрина». В загиб шерстяной шапочки перед лбом он засунул полоску пенополиэтилена (чтобы уберечь мозги от возможного удара) и надел котелок на голову, вновь, как и без малого четверть века назад, во втором Кантегирском походе, подумав, что со стороны это, наверное, очень смешно. Но, как и тогда, ему это было безразлично. Защищать «мамбрин» мог не хуже хоккейной каски, а пользы от котелка было больше, чем от нее. Осталось только столкнуть байдарку на глубину. Почувствовав, что она уже всей длиной на плаву, Михаил шагнул в передний люк, вытянул ноги, нашел ими педали руля, и сразу взялся за весло, чтобы не дать течению нанести судно на берег. Лишь отойдя от него и развернувшись носом по течению, он устроился поудобнее. Вот теперь он готов был к встрече с препятствиями. Еще не с любыми, конечно, для этого надо немного обвыкнуться, да и просмотрами с берега в сложных местах не пренебрегать, но все же со многими. Он попробовал делать маневры, хотя ситуация на воде этого еще требовала. Получалось неплохо, байдарка сразу слушалась и весла, и руля, и это придало ему уверенность в себе и своем судне. Оставалось только привыкнуть к заметной валкости, но это означало лишь, что придется думать о ней и следить за своими движениями, пока не выработается автоматизм.

Через минуту он уже был втянут в сужение русла, которое пытался просмотреть в трубу со своей стоянки, так толком и ничего и не увидев кроме того, что уровень воды падает, а что тут-шивера или наклонный лоток – было пока неясно. Вышло второе, и, хотя он не ждал особо высоких валов, они покачали байдарку изрядно, сильно напомнив прохождение послед-

них ступеней Вельминских порогов на Подкаменной Тунгуске. Михаил с удовольствием отметил, что байдарка хорошо отыгрывается на волне, не зарываясь в нее носом, но он тут же одернул себя напоминанием, что это еще не те препятствия, к которым следовало приготовиться, ибо стояки были высоки, но относительно пологи и ни один из них не относился к тем, которые называются «белая стена». Да, ничего серьезного еще не встретилось, но расслабляться все равно было нельзя. Скорость потока стала вполне приличной – десять, местами пятнадцать километров в час, и надо было держаться подальше от вогнутых берегов, чтобы не попасть в прижим и особенно – в завал. По вероятности летального исхода завал при попадании в него был на первом месте, с ним в этом смысле не могло соперничать никакое другое препятствие, кроме, может быть, высокого водопада или не очень высокого, но бьющего прямо в каменную стену.

И ему сразу вспомнилась река Улита на Кольском, по которой они сплавлялись через пару недель после гибели Вэла.

В то утро Михаил словно чувствовал, что что-то может произойти, но позаботился только о том, чтобы ничего не случилось с Мариной. Тот участок он проходил тогда в надувной лодке один.

Миновав два несложных порога, повернув вправо к третьему под углом в 90°, он вдруг услышал свист и оглянулся. Свистел Димка, взрослый сын Коли Кочергина, с которым Михаил в прошлом году ходил по Сон-реке и Беломорью. Едва вытащив пальцы изо рта, Димка сразу перекрестил перед собой руки и показал вперед, но Михаил еще ничего не видел, только понял, что Димка даром бы останавливать не стал, и тотчас бросил лодку на окатанный камень, торчавший в пороге прямо по курсу в надежде прочно застрять и успеть выяснить, в чем дело и что к чему. Но прочно застрять не получилось, хотя навалился он как будто бы удачно, потому что ускорившееся течение сперва развернуло лодку, а затем стащило ее вниз, и только тогда, когда Михаил оказался под стеной правого берега в небольшом бассейне, из которого река вытекала, вновь повернув на 90°, но уже влево, он увидел, что она совсем рядом полностью исчезает из вида, а снизу до него донесся тяжелый грохот падающей воды. Вот, оказывается, о чем предупредил Димкин свист, но Михаил понял, что ему уже ничего не успеть.

Он попытался отгрести назад от линии слива байдарочным веслом. Как ни странно, но лодка остановилась, правда, не под тем углом, под которым была бы должна, принимая во внимание направление водотока и его, Михаила, усилий. Он быстро взглянул на свой левый борт и увидел, что короткое запасное распашное весло отсутствует на месте, а страховочный линь, к которому оно было привязано к резиновой проушине, уходит с баллона вниз. Весло было неплавучим. Оно в самый критический момент соскользнуло в воду и застряло в донных камнях как якорь и теперь удерживало его пока еще по эту сторону жизни. Еще не веря до конца в такую удачу, Михаил шагнул в воду и почувствовал, что может стоять, а вода даже не заливаает в ботфорты. Взяв причальный конец и байдарочное весло, он вскарабкался на довольно крутую стенку, прочно пришвартовал лодку к сосне и прошел несколько метров к обрыву над сливом.

Вся вода не такой уж скромной реки, собравшись в узкую – метров семь-восемь – струю, падала вниз в квадратный колодец, из которого вынули одну-левую – стену. Фронтальная же стена была образована отвесной базальтовой скалой, поверхность которой одновременно напоминала и очень крупную терку, и дробильную доску с выступами сантиметров по пятнадцать-двадцать высотой. Струя после падения метров с четырех – пяти била прямо в нее. Михаил представил, как свалился бы вместе с лодкой туда вниз, причем сперва вылетев бы из лодки головой вниз и спиной к стене прямо как был – то есть без жилета, в высоких сапогах и без каски, которая бы, впрочем, не спасла. Если бы даже он не был убит первым ударом, его, переломанного и оглушенного, утащило бы на дно. Он вспомнил, как утром сознательно не надел спасжилет, повинуясь потребности искупления вины перед погубленным Вэлушкой.

Только в Высших Сферах могли дать ему ответ, имеет ли он право существовать в мире дальше. И ответ был ему Дан. Теперь это стало очевидным. Иначе не смог бы он обозревать с безопасной позиции место своей несостоявшейся гибели. Свесившись вниз, он смотрел глубоко вниз под ноги на кипящую и бьющую в стену воду. Сосна, которую он обхватил обеими руками, была сейчас его единственной опорой над страшной бездной, куда он лишь чудом не загремел. Ноги держали плохо. Наконец, заставив себя унять дрожь в коленях, он выпрямился и вышел наверх. И только там возблагодарил Вседержителя судеб за спасение, думая уже не о себе, а о Марине. Пять лет спустя они оба снова были настолько близки к гибели, что она казалась совершенно неотвратимой, но чтобы вот так рядом, как здесь, на Улите, остановиться в потоке в каких-нибудь нескольких метрах от последнего впечатления от жизни – никогда. В дальнейшем Михаил уже не пренебрегал спасжилетом.

Сейчас же вид склонов, спускавшихся прямо к воде, напоминал ему многие другие горные реки, и все же эта Река его мечты была особенной, неповторимой. Мощь воды казалась здесь сродни могучей сплоченности тайги, по преимуществу листовенничной. В этой гармонии проявилась особая светлая прелесть. Выходы скал не поражали воображение причудливостью форм, как на Подкаменной Тунгуске, но своими строгими объемами, вторгавшимися прямо в воду, они впечатляли не меньше знаменитых столбов. По пути Михаил все время прикидывал, насколько здесь проходимы склоны. Местами да, можно было траверсировать их без особых ухищрений или по крайней мере подняться до гребня, но сквозного пешего пути вдоль долины определенно не существовало иначе, чем по воде. Одновременно он с радостью продолжал отмечать, что завалов даже на крутых поворотах Реки не было. Видимо, мощные струи загладили каменные берега, и плывущим бревнам не за что было зацепиться.

Каньон был достаточно узок и глубокий, поэтому значительная часть пути проходила в тени, и Михаил в гидрокостюме пока не перегревался. Впрочем, он и не особенно спешил, больше стараясь поскорей привыкнуть к лодке и к себе в лодке, и к особенностям русла, но прежде всего к характеру воды. Река была глубока и многоводна. Блуждающие струи, сталкиваясь где-то в глубине, то тут, то там выталкивали воду над поверхностью заметными выпорами. За скальными выступами кружились улова. Но пока еще не было ни крутых перегибов русла вниз, ни нагромождений камней по всей его ширине.

Через два с половиной часа сплава ему пришлось искать место, где было бы удобно пристать к берегу. Он всегда жалел, что у него не такой же накопитель отработанной воды, о каком, например, с удивлением и не без зависти узнал герой романа Грэма Грина «Наш человек в Гаване» мистер Уормолд, пораженно пробормотавший: – «Ну и мочевые пузыри у этих кубинских агентов полиции»!

Наконец в небольшом улове за выступом правого берега он увидел подходящее место и успел войти в противоток прежде, чем его пронесло мимо. Пришвартовав байдарку двумя фалинями, он поднялся по склону метров на десять вверх и обнаружил над скалой довольно широкую и почти горизонтальную площадку, на которой вполне можно было устроить бивак. Здесь, в каньоне, такие находки следовало ценить, и действительно уходить отсюда не захотелось. За два с половиной часа он прошел больше тридцати километров, и форсировать движение дальше не имело смысла. Лучше было пораньше остановиться на отдых после долгой дороги из Москвы через шесть часовых поясов. Найденная площадка находилась достаточно высоко, чтобы ей не угрожал внезапный дождевой паводок. Только лодку следовало обязательно поднять к себе.

В пять приемов он перетаскал все свое добро наверх и приступил к оборудованию бивака. Михаил без уныния подумал о предстоящей работе, потому что обычно она ему нравилась, правда, только в хорошую погоду и не в темноте, то есть когда не было риска в считанные секунды утратить драгоценную сухость ночного покоя и не требовалось действовать на ощупь. Расчистив площадку от мелкого мусора – дно палатки было нежное, и Михаил всегда старался

его щадить – он достал из мешка свой дом, расстелил его и стал проталкивать в тканевые пазы дуги, составленные из титановых трубок. Палатка была арочная, красного цвета, покупная, правда, улучшенная самим Михаилом. Он взял именно ее, а не свою любимую самодельную двускатную палатку, поскольку для установки покупной требовалось меньше места, да и растяжки не надо было выносить далеко по сторонам. Для установки на крутых склонах такая подходила больше.

Поставив палатку, он достал насос и накачал надувной матрац, затем затолкал его в палатку. Поверх него он разложил «слоновью ногу» и пуховик. Затем, прихватив котелки для каши и чая одной рукой, «мамбрин» – другой, Михаил спустился к воде. Наклонившись к темной поверхности, он увидел свое отражение. Снизу смотрел на него бородатый... (он замялся, решая, за кого его приняли бы со стороны – за мужика или старика?) старик в камуфляжной штормовке, чем-то поглощенный – не то мыслью, не то сомнением. – «Одиночеством», – наконец догадался он и черпнул котелками воду. Отражение исчезло. Сполоснув котелки, он набрал воду снова и отнес наверх. Готовить он откровенно не любил – исключением была только яичница – зато возня ему в общем-то нравилась, опять-таки в отсутствие дождя и при достаточном запасе дров. Ну, чего-чего, а дров здесь хватало, притом покамест сухих. Зная, как хрупка в этих краях может быть жаркая или хотя бы недождливая погода, он решил заготовить небольшой запас сухих наколотых дров и постоянно возить его с собой. Пока варилась каша, Михаил обобрал ягоды с нескольких кустов жимолости рядом с палаткой. Ему всегда нравился чуть горьковатый вкус этой ягоды, которая постоянно подкармливала и разнообразила меню в сибирских походах. Почему-то в европейской части страны эти кусты с разломаченной корой ему почти нигде не встречались. Особенно много жимолости удалось поесть – и явно на благо – во время первого похода по Кантегиру на байдарках и десятидневного пешего возвращения от этой реки через Саянские хребты, во время того голодного похода, который на десять лет раскаленной занозой засел в мозгу Михаила непройденным до конца маршрутом – до тех пор, пока он не прошел его снова целиком от начала и до конца. В первом Кантегирском походе он был еще с первой женой Леной в компании общим счетом восемь человек, во втором только со второй женой Мариной и с их первым колли —Террюшей – великим и мудрым патриархом всех их собак.

До основательного голодания в первом Кантегирском походе дело дошло не случайно, несмотря на то, что компания, по крайней мере, ее ядро было вроде достаточно опытным и готовились к нему вполне серьезно. Адмиралом как всегда в последние пять лет шел Вадим, старший по возрасту, физически наиболее сильный, достаточно ловко владеющий своим телом, но еще больше – искусством манипулирования общественным мнением внутри компании.

Словом, в лице Вадима они имели естественного лидера, если исходить из характеристики лидера, данной Гербертом Уэллсом в романе «Когда спящий проснется»: организатор и демагог. Впрочем, он был не только организатором и демагогом. И Михаил и Лена вполне признавали, что индивидуальные туристские умения были у него в основном не хуже, чем у любых других членов компании, а как рыбак он вообще не имел себе равных. Однако в стараниях Вадима действовать только в общих интересах они усматривали на самом деле хорошо упрятанную фальшь и эгоизм. Само по себе ни такое поведение лидера, ни его человеческая суть не были новостью для любого типа человеческой общности с древнейших времен. Однако в спортивном туризме такое допускалось не всеми и не всегда, поскольку в этой сфере, как, может быть, ни в какой другой, лидерство в компании могло и даже должно было порой переходить от одного лица к другому (возможно и обратно) в зависимости от того, кто именно из участников в наивысшем состоянии воли, знаний и духа приходил к очередному этапу фактической борьбы за выживание, в которую нередко превращался сложный поход. Вадим, безусловно, понимал, что поддерживать свое реноме лидера непросто и для этого надо стараться. Однако со временем свои основные усилия он стал употреблять не на то, чтобы стараться пер-

венствовать во всем, а на игру в демократию. В его стиле было последовательно уединяться с каждым из спутников и якобы советоваться по тому или иному поводу, но потом он собирал сразу всех и решал поставленный им вопрос как хотел с самого начала (и далеко не всегда наилучшим образом), пользуясь тем, что спорить с ним находилось мало охотников. Михаилу случалось возражать, и изредка он даже переубеждал Вадима, но тот слушался его, пожалуй, только тогда, когда речь шла об ориентировании. Может быть, только за это ценное свойство определять направление пути при пешеходных переходах в глухих местах Вадим и не выпер Михаила с Леной из компании за критицизм, неприятный для любого авторитета. А авторитет у него, несомненно, был, и только Михаил знал ему истинную цену. Даже Лена не сразу согласилась с мужем. Однако настал момент, когда он получил доказательства своей правоты, достаточные уже и для Лены.

Дело было за три года до Кантегира, на Приполярном Урале, во время волока из верховьев Подчерья в верховья Щугора через Понью. Сначала они сделали заброску груза из долины Подчерья к верхней границе леса – уже не смешанной тайги, а к зарослям корявых каменных берез под перевал на приток Поньи – Пеленью. За две ходки было поднято почти все: лишь Арсен, разделив выделенный ему груз не на две, а на три ходки, отправился в последний раз вниз. Арсен пару раз ходил с Михаилом и Леной в подмосковные походы и попросился уже в этот серьезный поход (тогда он считался пятеркой) в надежде на исключительную рыбалку в ненаселенных местах, о которой мечтал всю жизнь. Действительность оказалась не такой, как он ожидал: пришлось подниматься сто тридцать километров по обмелевшей несмотря на частые дожди полугорной реке, промокать, приходиться на ночлег почти без сил – это повторялось изо дня в день. К тому же рыба ловилась в основном у Вадима, Арсену же его опыт здесь, в приполярных широтах, не помогал, и очень скоро поход превратился для него скорей в отвратительное испытание его терпения, нежели в поприще обретения своими трудами и любовью к природе новых свойств души и приятных впечатлений. Виновниками своего разочарования Арсен считал Лену и Михаила, особенно последнего, наверное потому, что именно его энтузиазм (нет, не уговоры – их не было) подвел и обманул Арсена. Винить его за то, что иногда Арсен позволял вести себя на переходах не так, как все, было бессмысленно. Ну, не смог человек перемогаться, потому что не хотел и не видел в том смысла. Не устраивать же свару, особенно зная наперед, что она ничего не даст. Короче, когда они остались у верхней границы леса впятером, а не все вшестером, и надо было решать, что делать дальше – сделать ли ходку за перевал, оставить там женщин – Лену и Наташу – устраивать бивак, остальным вернуться назад, к Арсену, и вместе с ним сделать еще одну ходку – или ждать всей компанией, когда подойдет снизу Арсен. Первое всем – в том числе Михаилу – показалось разумнее, поскольку они уже и так опаздывали, потратив на подъем по Подчерью на три дня больше запланированного, и время уже подпирало – дело пахло опозданием на работу из отпуска. И тем не менее Михаил не мог отделаться от чувства, что даже временное разделение с Арсеном, остающимся по другую сторону хребта до их возвращения, обязательно обернется какой-нибудь неприятностью. Однако груза было много, волок длиной восемнадцать километров, и время терять не годилось. Только они начали подъем, как к ним неожиданно быстро из своей последней ходки спустилась обогнавшая их туристская компания свердловчан, которой вроде уже незачем было возвращаться. Оказалось, что погода наверху испортилась, и они, достигнув перевального плато, в облаках и тумане сделали полукруговую дугу и вместо Пеленьи свалились обратно к Подчерью. Обидно им было до крайности. Их тоже было шестеро, среди них одна женщина, все помоложе и, судя по экипировке, победнее всех из команды Вадима. Спешили они еще и из-за того, что у них было мало продуктов. Правда, меньший груз позволял им двигаться быстрее. Еще одним виновником их неудачи с последним переходом через перевал было то обстоятельство, что свой единственный компас они утопили еще где-то в устье Малого Емеля, и в первую ходку на Пеленью они одалживали компас у Михаила. Тогда они

шли еще в условиях хорошей видимости и установили, какими курсами и сколько времени надо двигаться к тайге по ту сторону хребта.

Теперь обе компании решили подниматься вместе. Путь по крупноглыбовым россыпям – курумам, без видимости и с тяжелым грузом, да еще под мокрым снегом занял куда больше времени, чем они рассчитывали, и потому, когда обе команды добрались до первого же леса за перевалом – точнее – его подобия в виде все той же каменной березы – и сбросили с плеч ненавистные рюкзаки, стало ясно, что не только вернуться после первой ходки за новым грузом и придти сюда, на Пеленью, но и просто засветло добраться до Арсена им уже не успеть. Однако Михаил твердо знал, что обратно идти придется. Будь там достаточно опытный путешественник, он бы сообразил, что произошло в такую погоду, и стал бы ждать, не особенно кляня обстоятельства, в которых сам же отчасти был виноват. Правда, у Арсена не осталось палатки – ее уже перенесли за перевал, но была полиэтиленовая пленка, спальник и достаточно много теплых вещей. Однако в том-то и была заковыка, что положиться на понимание Арсена было нельзя. Ко всем его разочарованиям в спутниках и походе (только о Вадиме он теперь думал хорошо) должно было присоединиться еще одно – его бессовестно бросили одного в глухой тайге в ужасную погоду без надежного крова над головой, о чем он впоследствии с полным правом мог бы вспоминать в Москве годами. Поэтому, когда Вадим подошел к Михаилу с вопросом, как быть с Арсеном, Михаил твердо сказал: «Надо к нему идти. А то потом не оберешься». Было видно, что Вадиму совсем не хочется идти, и на сей раз Михаил был с ним абсолютно согласен, но положение обязывало, и возможные негативные последствия были слишком очевидны им обоим. А потому они стали срочно собираться – вытряхнули принесенное из рюкзаков, поддели по свитеру под насквозь промокшие штормовки, и, выслушав последние навигационные наставления от предводителя встреченной компании, который хоть один раз видел путь через перевал, вдвоем двинулись вверх. Сережа остался с Наташей и Леной. Идти в облаках, причем не по прямой, предстояло семь километров. Минут через пятьдесят, двигаясь точно на запад, они достигли перевального плато. Михаил все время контролировал направление, особенно после того, как кончился распадок ручья, питающего Пеленью из большого снежного забоя, и потому не осталось уже никакого видимого ориентира. Плато они пересекли по тому же азимуту, но, как только почувствовали ногами – а сумерки к тому моменту сгустились почти до темноты – что попали на склон, идущий вниз, решили, что пора менять курс на север. Идти было очень скверно, особенно по скользким курумам. Там можно было запросто сломать не только ноги, но и шею, однако, к счастью, падения, которых они не могли избежать, кончались благополучно. Синяки были не в счет. Так на спуске прошел еще один час, и тут, словно в полном соответствии с расписанием, они различили во тьме перед собой корявые стволы каменных берез. Здесь предстояло искать Арсена, и трудно было себе представить, как и где. «Надо покричать», – предложил Михаил, но кричать не пришлось. Метрах в пятидесяти от них послышался удар топора. – «Арсен!» – окликнул его Вадим, и тот сразу с радостью отозвался.

Когда они подошли к нему, Арсен перво-наперво высказал именно то, что они от него ожидали: «А я уже думал, что вы бросили меня на ночь одного». – «Ну как же бросили, – успокаивающе возразил ему Вадим. – Сделали ходку к лесу на той стороне и вот сразу пошли с Мишей к тебе». Михаилу стало ясно, что Арсен сразу и бесповоротно решил для себя, что возвращение к нему было предпринято исключительно по инициативе и настоянию Вадима, и что сам Вадим именно такого эффекта и добивался. Однако Арсен оказался выше ожиданий Михаила в смысле обустройства ночлега для себя. Оглядывая при свете спички сооружение, сделанное Арсеном из байдарочных мешков и полиэтиленовой пленки, Михаил не без сарказма подумал, что если бы они могли рассчитывать на спокойное восприятие Арсеном его ночного одиночества, тот провел бы ночь с гораздо большим комфортом, нежели вме-

сте с двумя спутниками, пришедшими на поддержку, потому что троих человек укрытие вместить не могло. Теперь холодная ночевка была обеспечена всем.

Под сильным ветром с мелким стылým дождем как следует распалить сырую березу никак не удавалось. Затея с костром выглядела безнадежной, но оказалось, что Вадим думает иначе. Используя бересту и наколотые Михаилом полешки, он с трудом, но разжег растопку и, суя поверх нее сырые дрова, дул в тлеющий огонь с неизбывной силой как воздуходувная машина.

Когда на короткое время костер выдал, наконец, приличное пламя, Вадим сделал нечто, в принципе ожидаемое от него Михаилом и все-таки в конкретике неожиданное. На согнутых ногах, наклонив голову и грудь, он встал над костром, чтобы производимое дровами тепло доставалось исключительно ему одному. Все стало пронзительно ясно. В критической ситуации Вадим забудет даже говорить о всеобщем благе и станет спасать себя как наиболее достойного и жизнеспособного представителя породы, заслуживающего право на дальнейшее существование в отличие от слабаков, которые ничего для собственного спасения сделать не могут или не хотят. Сейчас ему был нужен весь костер, который он раскошегарил, в другом случае ему потребуется вся имеющаяся еда, и Михаил с уверенностью заключил, что удержать Вадима от узурпации общественных ресурсов можно будет только взяв его на мушку, то есть под угрозой немедленной физической смерти – или чего-то эквивалентного ей. Зрелище выглядело омерзительно, и Михаил даже отступил на шаг дальше от костра, чтобы никаким боком не вписываться в эту картину, хотя и без того никакое тепло к нему не доходило. А вслух он иронично предостерег Вадима, чтобы он поберег штаны, не то прожжет. Однако Вадим ничуть не почувствовал иронии и ответил, что ничего не случится, ведь штаны у него мокрые насквозь. В том, что они мокрые насквозь, сомневаться не приходилось – и тем не менее он их действительно прожег. Да настолько капитально, что все оставшееся время похода он мог мочиться, не расстегивая ширинки. Дыра была слишком здоровой, чтобы ее можно было заплатать. Во многих случаях это было даже удобно, и это в очередной раз подтверждало справедливость пословицы, что худа без добра не бывает.

В общем-то та памятная ночь была из серьезных. Температура – возле нуля, все трое не ели с раннего утра и изрядно устали. Ветер выдувал остатки тепла. После того, как прогорели его штаны, даже Вадим прекратил борьбу за огонь. Однако он не прекратил борьбу за жизнь. Он порылся в вещах и достал лабораторную посудину со спиртом. Это добро принесла со своей работы Наташа: – «Сейчас нам обязательно надо выпить,» – объявил Вадим, – «А что? – поддержал Арсен, – без этого в таких условиях трудно». На фронте, еще совсем молодым, он был водителем танка и вспомнил, наверное, именно те времена. Михаилу пить никак не хотелось. Во-первых, потому, что завтра после «приема» будет тяжелей тащить груз. Во-вторых, спирт был ему противен сам по себе. Но выпить все же пришлось. Пока Вадим и Арсен, приняв дозу, рассуждали о том, каково в экспедициях застигнутым непогодой геологам и геодезистам, и Вадим, со слов своего дяди, известного писателя и топографа, передавал, как много экспедиционного народу замерзает без огня или без спирта в такие вот ночи, Михаил еще колебался, пить или не пить, но, представив себе сколько еще придется без сна бороться с холодом, решил, что не обойтись.

Вадим налил ему в кружку, и тогда Михаил спросил: – “ А чем разбавляли?” – «Да вот водой с полиэтиленовой крыши,» – ответил Вадим, кивая на убежище Арсена, но тут Арсен виновато сказал, что только что вымыл в этой воде руки с мылом. Другой воды для питья взять было негде. Михаил еще ни разу не принимал спирт без того, чтобы развести или запить его водой. Но на сей раз решился. Было действительно ОЧЕНЬ противно, но глотку, по счастью, не обожгло, и немного легче стало, когда он разжевал и проглотил шоколадно-ореховую конфету «Грильяж», данную ему перед тем Вадимом. Пока из тел не ушло внесенное спиртом тепло, надо было устроиться спать. Вадим вытащил не то свой, не то Наташин свитер (его отно-

шения с Наташей позволяли ему обращаться с ее вещами, как со своими). Михаил взял себе отсыревший ватник кузена Сережи, которым собрался было укрыться поверх своего спальника Арсен, решив, что с Арсена хватит и спальника. Затем Вадим и Арсен втиснулись под крышу убежища. Михаил улегся на мешок с байдарочной оболочкой, подложив под голову другой рюкзак – спать в тесноте ему не улыбалось. Вскоре, несмотря на дрожь, он заснул.

Утром, едва начало светать, они были уже на ногах. От выпитого накануне спирта, слишком куцега сна и вчерашней изнурительной работы всем им было достаточно не по себе, а потому груза с собой наверх они взяли немного-всего килограммов по двадцать. И снова пошли к перевалу по скользским каменным развалам вне видимости. Для Вадима и Михаила это было уже третье прохождение вслепую через перевал. Перед выходом Михаил отозвал Вадима и попросил его проинструктировать Арсена, как держаться, ступать и подстраховываться на каменистых склонах, показав Вадиму, что именно надо передать. Вадим с готовностью выполнил просьбу. Для Вадима это был удобнейший случай подтверждения своего авторитета в глазах Арсена. Для Михаила же это был единственный способ довести соответствующие знания до Арсена – Михаила бы он не послушал. Теперь ему оставалось только с улыбкой поглядывать, как Арсен старательно выполняет то, чему его «научил Вадим».

Подъем давался тяжело, однако компас и часы вновь вывели их куда надо. Михаил вздохнул спокойней, когда ниже и впереди забелел снежный забой, из которого тек ручей в Пеленью.

Вскоре они подошли к палаткам. Лена, Наташа и Сережа спали каждый в своей. Никто их не ждал и не приготовил еду, о чем Михаил и Вадим для повышения бодрости всю дорогу говорили Арсену. Теперь он снова был очень разочарован отсутствием обещанной теплой встречи. На сей раз Михаилу это было более чем понятно. Все они, даже люди с большим походным опытом, едва находили в себе достаточно силы воли, чтобы преодолевать трудности пути, ставящие их на грань выносливости и выживания. Чего же тут было требовать от Арсена, который, тем не менее, держался достаточно стойко, не скрывая, правда, насколько ему отвратительно тратить свой единственный отпуск в году на добровольное мучительство тела и воли – всего такого он в избытке нахлебался еще на войне.. Короче, на биваке было тихо, мокро и обидно. Михаил, раздеваясь, коротко поговорил с сонной Леной и залег в спальный мешок греться и спать. Но прежде чем он сделал это, ему было дано испытать одно незабываемое ощущение, которое не оставляло его во всю последующую жизнь. Только что стянув с себя мокрое и надев не идеально сухое, но все же приятное белье, он сунул руку внутрь резинового мешка с жестянками, в которых хранились патроны, достал одну из них и, держа в ладони пару патронов, которыми собирался на всякий случай заменить слегка отсыревшие в ружье, неожиданно ощутил кожей ладони как нечто совершенно невероятное их абсолютную сухость, просто категорически невозможную в данной обстановке, и изумленно пробормотал вслух:

– «Даже не верится!»

Позже, после сна и еды, он рассказал Лене, как они сверх всех ожиданий, вышли в облаках и темноте точно к Арсену, как Вадим завладел костром и какие выводы он, Михаил, из этого сделал. На сей раз Лена поверила. Но до остальных членов компании еще долго не доходило, какова хорошо замаскированная глубинная Вадимова суть – целых три года.

Для этого понадобился Кантегирский поход.

Глава 3

В те годы по Кантегиру еще почти не ходили – известна была лишь одна попытка туристского сплава до устья. Подходы к началу маршрута, да еще с полным грузом, справедливо считались слишком долгими – минимум сорок километров от ближайшей дороги, да еще и через высокий горный хребет. Даже прежний рекордный для них по протяженности и трудности волок с Подчерья на Щугор сильно поблек в сравнении с подходами от притока Абакана-Кара-сибо через перевал Кантегирского хребта, затем по Самбылу до его впадения в Кантегир.

За три года, прошедшие со времени похода по Приполярному Уралу, Вадим еще больше укрепился в амплу адмирала и решил, что уже больше незачем так старательно играть в демократию, как в прежние времена. Наташа Фюрстенберг не пошла в Саяны, потому что незадолго до этого родила от Вадима дочку (впрочем, в тот же месяц другую дочку Вадиму родила его вообще не ходившая в походы жена). Теперь в одном экипаже с Вадимом шла Вера Соколик, пропустившая Уральский поход. Полтора десятка лет назад Михаил и Вера учились в одном институте, только Вера была двумя курсами старше его. Познакомились они на занятиях в альпинистской секции – там не имело большого значения, кто с какого курса. Особенно после того, как они вместе прошли майский тренировочный поход. Двигались они тогда длинной цепочкой – совсем как альпинистский отряд в горах, и первым был будущий корифей альпинизма Эргали Рыспаев (к сожалению, погибший на пике Победы всего через два с небольшим года), за ним председатель альпинистской секции института – длинный, с оттопыренными ушами, но деловой Юрка Плискин, далее командир отделения Сашка Поляков и Вера – первая из участниц, а за нею – Михаил. Вера, как и Эрг Рыспаев, шла в горных ботинках с триконями – то была величайшая редкость среди студенческой бедности, но не эта деталь постоянно привлекала внимание Михаила, а то, как движется потрясающе крупное Верино тело – размеренно, легко, но не как машина, а как дивный организм, в котором даже по отдельности все было прекрасно и разумно. В целом же, особенно если смотреть на нее не только сзади, но и видеть лицо, ею можно было любоваться как античной богиней, сочетающей в себе мощь постоянно тренированной на охоте Артемиды, совершенство черт великолепной лепки лица, достойного Афродиты, и чем-то незримым умудренные большие выразительные карие глаза Афины Паллады. Короче, внешне она была очень близка к совершенству, но, казалось, несколько холодна. К ее достоинствам можно было добавить звучный, чистый голос, который действовал на слушателей впечатляюще, когда она говорила и пела. Откровенно любуясь Верой, Михаил, тем не менее, легко избежал какой-либо зависимости от ее чар. Он даже нашел чужое подходящее выражение своему чувству к этой девушке (прежде чем сумел найти его сам) в романе «Жесткость» прекрасного писателя Павла Нилина, второстепенный герой которого так высказался предмету своего восхищения:

– «Я тебя, Клавдия, люблю не как женщину, а как изображение». Да и то верно – Михаила в то время больше интересовала шедшая в другом отделении Ира Савельева. После этого тренировочного похода они с Верой не виделись семь лет, покуда Михаил неожиданно не столкнулся с ней в компании, куда его ввели новые туристские знакомые. Вскоре там появился и Вадим. Михаил был вполне уверен, что если бы Вера Соколик дала Вадиму хоть малейший намек на особо благосклонное отношение к нему, то никакой связи с Наташей Фюрстенберг у него бы не случилось, хотя Наташа безусловно была хорошим человеком и несомненно приятной женщиной. Долгое общение с Верой в походах позволило Михаилу выяснить ее характер – как и ее красота, он был непреклонным. В каждый данный момент Вера либо кого-то или что-то поддерживала, любила и одобряла, либо столь же горячо и непреклонно кого-то или что-то отвергала, презирала и обличала (как со временем разобрался Михаил – руководствуясь больше чувствами, чем разумом, хотя часто внешне выглядело, что как раз разумом). Ино-

гда – и не очень редко – объекты ее любви и неприязни менялись местами, причем для этого не обязательно требовались причины, понятные окружающим. Но каков бы ни был характер Веры, она всегда представляла женщиной и человеком, которого стоит любить. И потому Вадим чрезвычайно воодушевился тем, что Вера согласилась войти к нему в экипаж, а, стало быть, и в палатку. Правда, это еще не означало ее согласия занять место Наташи в адмиральской постели, но теперь у Вадима на этот счет появился отнюдь не иллюзорный шанс.

Как раз незадолго до Кантегирского похода Вера решительно поменяла положительную настроенность к Сергею, с которым была близка года два назад (а заодно и к Михаилу и Лене как его родственникам), на резко отрицательную. Близость к адмиралу позволяла Вере успешно отвергать все инициативы и предложения Михаила. Разумеется, сам Вадим делал это и из собственного удовольствия, но главным было другое: Верой ну никак нельзя было овладеть без ее согласия – мыслимым оставался только один путь – заинтересовать собой, уговорить или ублажить, но ни в коем случае не использовать силу. Силовое соперничество с богиней исключалось совершенно. И Вадим горячо поддерживал даже Верины глупости, лишь бы Вера была им довольна. Правда, ей пришлось об этом сильно пожалеть, но это произошло тогда, когда исправить положение стало крайне сложно. А пока Вера с успехом утверждалась при поддержке адмирала в управлении ходом всех дел с целью свести на нет какое-либо влияние Горских.

Вера заведовала продовольствием, и на первых порах еды готовилось так много, что половину ее приходилось выливать на землю. Это содействовало облегчению рюкзаков, но было чревато неприятностями в дальнейшем. Михаил считал, что к продуктам надо относиться бережней, однако Вера закусила удила и на практике ничего не меняла до тех пор, пока задержки в пути не приобрели угрожающий характер. Перевалив через хребет, они решили сплавиться к Кантегиру на байдарках прямо от верховьев Самбыла. Против этого решительно возражал один Михаил. На дневке он не поленился посмотреть путь по этой речке, пройдя дальше других, обнаружил, что водность ее ничтожна, а потом еще и очень осложняется маловодными же многокаскадными порогами и понял, что как ни прискорбно, но гораздо удобней и быстрее окажется пронести упакованные байдарки по тропе, нежели делать непрерывную проводку и обносы собранных судов. Когда он сообщил компании свои выводы, Вера, даже не спрашивая Вадима, отрезала: «Все смотрели Самбыл и сказали, что можно пройти, один ты заявляешь, что нет». Михаил твердо знал, что он прав, а все остальные вместе взятые (Лена не в счет) – вполне заблуждаются. Но остальным это стало ясно лишь через два дня, в течение которых они прошли всего четыре километра. Пешком они бы уже достигли Кантегира, а так корячились на Самбыле еще в течение трех дней. Сначала Самбыл почти иссяк как ручей, затем все-таки возродился, но вступил в зону такого падения, какого в их практике еще не бывало. Там, где согласно карте-километровке средний уклон Самбыла был шестьдесят метров на километр, они еще кое-как прыгали со ступеньки на ступеньку в тощей струе воды, частично с обносами, но когда уклон Самбыла достиг девяноста метров на километр, вся работа свелась к обносам, причем без троп. Последние километры по Самбылу мучили камнями при совершенном обмелении. Короче, на подходы к месту начала сплава они затратили десять дней. А остальные резервы времени и продуктов питания взыскал уже сам Кантегир. Здесь Вера с Вадимом отвергли еще одно – пожалуй, самое важное требование Михаила – сплавиться только после просмотра каждого участка с берега, потому что это был уже мощный поток, камней в нем было великое множество, а уклон составлял десять метров на километр пути. Практически горная река представляла собой почти сплошной порог, и только дураку могло показаться, что можно сэкономить время, если он будет сплавиться в них без просмотров на таких уязвимых судах как байдарки. Вера специалистом по водному сплаву не считалась, но Вадим, обычно достаточно осторожный перед лицом реальных угроз, все равно решил предстать перед Верой мужчиной, достойным ее ожиданий и готовым к любым импровизациям

на воде. И тут уже Михаилу осталось только теряться в догадках, отчего адмирал так поглупел: действительно ли только «от любви» или еще от приобретенного на высоком посту свойства потери ответственности перед спутниками, в том числе перед Верой и даже перед собой.

Первый день сплава на Кантегиру, когда на борту находились только рулевые, а матросы шли по берегу пешком, сплав без просмотров еще кое-как сошел им с рук. Но стоило на второй день начать сплавление полными экипажами, случилось то, что заставило их сперва потерять кучу времени, а затем и свои суда. В самой же первой шивере Вадим и Вера проскакали в своей байдарке сверху донизу по окатанным валунам как по камнедробилке, в которой разбили на куски буквально весь каркас – кильсон, шпангоуты, стрингера и фальшборты. Практически к концу шиверы добралась аморфная оболочка, наполненная вещами, водой и обломками каркаса. Сутки с лишком ушли на его ремонт, точнее на полное возрождение из руин посредством различных импровизаций, поскольку таких поломок еще никогда не бывало. Но и эта авария ничему не научила. Вадим даже стал торопить еще больше, поскольку катастрофически приближился контрольный срок.

Следующей была очередь Михаила. Он первым выскочил из стремительной узкой протоки Кантегира на простор вновь собравшей все свои воды реки и слишком поздно увидел, что она бьет в завал у левого берега. Михаил все же попробовал причалить выше завала, и это у него получилось, но выскочив на берег, он не сумел удержать байдарку на месте – течение прямо стаскивало ее вместе с ним, и у него остался лишь миг для выбора – отпустить байдарку и устоять самому или вместе с судном устремиться к завалу, от которого уже вряд ли можно было успеть отвернуть. Он предпочел второе. В нескольких метрах от нагроможденных друг на друга и уже оголенных, побелевших стволов и ветвей, сквозь которые фильтровался мощный поток, Михаил догадался, что если хочет остаться живым, нельзя оказаться между судном и завалом – коли его сразу не проткнут насквозь один или несколько суков, из него в два счета выжмет весь сок под давлением навалившейся лодки – как из зверька в ловчей пасти под бревном – давком. И он изловчился-таки повалить байдарку на борт перед самым завалом так, чтобы вывалиться прочь от него. И тотчас ощутил, что ее прочно припечатало килем к бревнам. Ухватившись за них, он вытянулся из воды наверх, успев порадоваться, что капкан выпустил его живым, и сгоряча сделал ошибку, которая дорого обошлась им с Леной. Он попытался выяснить, прочно ли прижата к завалу байдарка и с этой целью нажал ногой на косо выступающий из воды борт. В тот же миг байдарка легко совершила три четверти оборота, погрузившись глубже, а, главное, обратившись кокпитом, из которого он не догадался сразу достать все мешки, к бревнам завала. Теперь байдарку припечатало намертво. Подошедшие один за другим спутники, видя, что стало с Михаилом, сумели избежать опасности, но все старания восьми человек, направленные на то, чтобы отжать байдарку от завала, в тот день оказались тщетными. Завал мгновенно сделал Горских нищими и плохо одетыми. На Михаиле остались высокие сапоги, штормовой костюм с десятком патронов, трусы и рубашка, на Лене еще тонкий свитер, легкий болоньевый плащ и ружье, с которым она шла по берегу. В ту ночь они ощутили на себе, что значит пользоваться приютом из милости – и не потому, что пришлось об этом просить – нет, их, конечно, позвали – Михаила к Сергею с Володей, а Лену к Вадиму и Вере, но одеться и укрыться от холода тем, что им смогли выделить спутники, было явно недостаточно. Угнетало сознание неполноценности и дискомфорта. Когда Михаил не спал и не задремывал, он неотрывно думал, что предпринять.

На следующий день ему дважды пришлось нырять в пугающий холодный поток возле форштевня байдарки, чтобы завести за него петлю основной альпинистской веревки. Чувство, особенно перед погружением, было омерзительным из-за невозможности предугадать, прижмет ли его под водой течением так, что он не сможет подняться к поверхности, или нет. Но и после того, как конец с петлей был уже заведен – нет, не им – со второй попытки Володей,

байдарку не удалось оттащить от завала до того, как у нее, отжимая от бревен вагами, не разломали на части почти весь каркас – без малого так же, как у байдарки Вадима.

Из вещей ничего не было потеряно, но даже в прорезиненных мешках все промокло насквозь. Весь день и следующее утро потратили на ремонт, и поэтому ни их палатку, ни тем более их спальные мешки не удалось как следует просушить до ночи. Однако они с Леной дружно отказались от приюта в чужих палатках и ночевали в своей на высохших надувных матрацах и укрывшись сверху еще сырыми простыночными вкладышами. Снова было холодно и неудобно, зато к ним вернулось чувство людей, потерпевших аварию, но не потерявших достоинства.

Закончив сборку байдарки и еще раз критически оглядев результаты ремонта, Михаил понял, что прочность каркаса, несмотря на все их старания, далека от прежней, в то время как нагрузки, которым должен был вновь подвергнуть его Кантегир, могли только возрасти из-за увеличения водности и мощности потока. Теперь стало ясно одно – если байдарку разломает еще раз, восстановить ее в виде, сколько-нибудь пригодном для дальнейшего сплава, будет уже невозможно. Это означало, что перед прохождением любого участка, любого препятствия надо будет обязательно просматривать весь путь, но Вадим опять был глух даже к таким доводам. Он был в ужасе от задержек, представляя, что после истечения контрольного срока их могут начать искать со всеми вытекающими и в высшей степени неприятными последствиями, особенно для него, «адмирала». Вера же впервые за весь поход осознала, что если дело пойдет так и дальше, ей вскоре станет нечем кормить людей. Вывод из всего этого был сделан один – надо очень спешить – поэтому предварительно разведывать путь некогда.

Однако, едва они продолжили сплав, случилась очередная катастрофа. Идя первым и совершая прыжок в пороге – полуводопаде высотой около двух метров, Вадим приложился дном прямо на камень и даже с берега было видно, что каркас по крупному изломан в двух местах. Остальные капитаны проскочили сбоку от аварийной байдарки удачно. Перекинув веревку с берега, они легко сдернули ее с камня, и, глядя на Вадима, который молча вылез из судна, держась за руки Веры и Гури, Михаил мгновенно понял, что перед ними уже не адмирал и даже не будущий капитан, а вообще больше никто в сложном спортивном туризме. Трудно было определено назвать все причины, заставившие Михаила сделать столь определенный вывод, но взгляд Вадима, потухший и устремленный куда-то внутрь, уже ничуть не твердый, не раздосадованный, ни даже не обещающий себе поправить, выполнить в будущем неудавшееся сейчас, говорили о том, что это больше не занимает бывшего лидера, а сознание его поглощено какой-то новой идеей – отнюдь не той, которая привела его сюда во главе компании. Он больше не надеялся, что им не будет преград в любом походе, какой они выберут для себя.

О том, какова именно новая идея Вадима, все узнали достаточно скоро, однако не в этот день.

А на следующее утро, когда вновь первым проходил очередной участок Михаил, и ему пришлось распрощаться с байдаркой. Все крушения происходили именно с первыми, – так сказать – при чтении Кантегирской партитуры «с листа». Проскочив достаточно обыкновенный слив, Михаил не успел отвернуть подальше от скального берегового выступа, нос байдарки и утянуло за него в улово. Он сразу стал табанить, чтобы выйти из водоворота, и это ему удалось, но вновь оказавшись кормой вперед в основном потоке, он не успел еще развернуться носом вниз, как байдарку прямо миделем навалило на торчавший из воды здоровенный валун и тотчас сломило пополам. Он запоздало осознал, что надо было двигаться со струей улова, пока она не вернется к скальному мыску, и тогда резко развернуться носом вниз и проскочить мимо валуна. Теперь же ему осталось только выйти на его пологий купол и выгрузить в последний раз вещи. Его судно кончилось, так же как и Вадимово. Пол-флота коту под хвост из-за нежелания считаться с реальностью обстоятельств, главным из которых была небывалая

скорость и сила воды. Решать задаваемые задачи экспромтом было невозможно – во всяком случае на каркасных байдарках пятиметровой длины.

Камень, на котором стоял Михаил, находился метрах в двадцати пяти от правого берега Кантегира, по которому сейчас двигалась пешая партия – Лена, Вера, Гуря, Володя и Вадим. Вскоре они поравнялись с местом аварии. Основная альпинистская веревка была у них, и Михаилу предстояло перебросить им легкий шнур, чтобы за него вытянуть к себе веревку. Михаил действовал быстро, но с оглядкой, потому что соскользнуть с валуна самому или столкнуться в воду мешки было совсем несложно. Подготовив к броску бечеву, Михаил стал судорожно соображать, к чему можно было бы привязать ее, чтобы метнуть на берег, как камень из пращи. Взгляд его шарил по байдарке в надежде что-то найти. Внимание привлек обломок деревянного фальшборта длиной сантиметров сорок, державшийся на последних волокнах. Михаил нагнулся и отломил его до конца. Все равно он уже был ни на что другое не годен. Раскрутив брус за бечеву над головой, Михаил метнул его к берегу, до которого тот чуть-чуть не долетел, но, заступив в воду, его там все-таки поймали. Когда Михаил начал перетягивать веревку, она значительной частью своей длины стала полоскаться по поверхности воды, и сдергивающее усилие оказалось опасно большим. Балансируя и укладывая бечеву поверх камня так, чтобы она не путалась и в свою очередь не сползла в воду, он, наконец, подтянул к себе начало основной веревки, продел его сквозь обвязки всех мешков, завязав булинем петлю, Михаил проводил глазами путь переправляемого груза, который ему вскоре предстояло повторить самому. Глядя, как пришлось упираться находившимся на берегу и удерживающим веревку людям, покуда мешки маятником не поднесло к кромке воды, он невольно подумал о том, какое давление придется вынести его брэнному телу.

Михаил еще раз перетянул за бечеву конец веревки на опустевший камень, отвязал тонкий шнур и, напомнив себе, что грудную обвязку надо завязать узлом не спереди, а сзади, чтобы не полоскаться в воде вниз лицом – передвинул завязанный на груди булинь за спину. На случай непереносимости давления на грудь он достал из кармана складной нож и раскрыл его, чтобы было чем перерезать веревку. Теперь можно было переправляться, но он вдруг почувствовал острую необходимость облегчить мочевой пузырь перед тем, как окунуться в воду. Неловко отвернувшись от ждавших на берегу, он излил то, что обязательно требовало выхода. Мысль о том, чтобы сделать это под водой в штаны, отчего-то претила сильнее, чем неловкость отливания на виду у женщин. Закончив, он застегнул штормовые штаны и дал сигнал, что идет.

Ухнув в холодную воду, Михаил сразу понял, что действительно не холод, а дикое давление обвязки на грудь представляет главную угрозу его жизни. Его в самом деле несло маятником к берегу лицом вверх, но дышать все равно было почти невозможно, словно на нем висели всем весом еще несколько человек, и он понял, что если через несколько секунд не ухватится за берег, ему придется резать веревку, невзирая на последствия. К счастью, его поднесло к берегу чуть раньше, чем потребовалось вдохнуть, и Вера с Гурей подхватили его за руки. – «Спасибо, девочки!» – поблагодарил их Михаил, нисколько не думая о том, уместно ли в такой обстановке проявлять явно не ожидаемую дамами воспитанность. И все-таки оказалось, что она произвела впечатление. Уже в Москве Вера призналась, что и Гуря, и она в один голос отметили тогда, что Вадим и не подумал их благодарить, и обе поняли, что Михаил остался, каким был прежде, несмотря на все произошедшее.

С того момента спасения из Кантегирских вод для Михаила начался долгий путь возвращения на эту дивную по красоте и могуществу реку на другом судне – и снова в роли капитана. Но сперва надо было мысленно попрощаться с судном, так верно служившим ему в течение десяти лет и которое он не сумел уберечь и спасти. Михаил думал, что так и придется уйти, оставив в памяти байдарку, обнявшую валун, но получилось иначе. Кантегир шевельнул потерявшую привычную форму оболочку и стянул ее с камня в сторону. Погибающее судно само

пошло вниз в свой последний путь к Енисею и Ледовитому океану. Михаил провожал байдарку взглядом, покуда мог видеть, и странным образом укоренился в уверенности, что действительно остался капитаном, хотя только что видел, как кончился его корабль, а для капитана хуже гибели его судна вряд ли что-то бывает. Но доказать себе и другим (прежде всего себе), что он действительно способен пройти весь прерванный маршрут, он сумел лишь десять лет спустя вместе с Мариной и Терри. Все эти годы, когда ходил в другие края, его не оставляло сознание долга вернуться на Кантегир и сделать то, что надо. И все это время он искал и анализировал все ошибки – свои и чужие – и продумывал способы исключить их. Кантегир влек его к себе как сильнейший магнит, и Михаил ощущал себя не только должником, но и очарованным странником, ради однажды увиденной красоты обязанным вернуться назад в Саянскую тайгу.

Однако в тот день крушения он напомнил себе, что для этого надо сначала не загнуться в данном походе. А выжить и вернуться домой было теперь совсем непросто, хотя Михаил и ни на секунду не позволял себе усомниться в том, что задача посильна, и поход, несмотря на потерю половины флота, будет завершён, пусть, конечно, и не так, как планировалось. С сознанием ущербности и в памяти и в душе.

Возвращение и выживание давалось всем им очень дорогой ценой. Груз за плечами был изнуряюще тяжел для постоянно и очень сильно недоедающих людей, несмотря на то, что Сергей Горский и Слава Пономарев оставили на Кантегире возле устья Красной Речки те части каркаса своих уцелевших байдарок, которые можно было без труда изготовить в Москве.

Богатейшая горная тайга, в которой они почти не встречали дичи, выставляла на их пути одно препятствие за другим. И Михаил все мучительней переживал свое несоответствие давней и очень дорогой, лелеемой в глубине души мечте – свободно существовать в тайге, как это умеют эвенки или даже русские – уроженцы глухих таежных мест. Но факт оставался фактом – жить в тайге сколько-нибудь пристойно городской турист, даже мастер по прохождению любых маршрутов, мог лишь за счет ресурсов, приносимых с собой из жилых мест. Это стало ясно как никогда раньше – и все же мечта не обесценилась и отнюдь не перестала быть мечтой, а тайга как и прежде представлялась ему далекой прародиной, в которой когда-то сформировался его менталитет. Несмотря ни на что, из тайги не хотелось уходить. Это просто стало необходимо.

Вадим же считал, что убраться из тайги не просто необходимо, а остро необходимо – и как можно скорей. И вот именно это «как можно скорей» стало его новейшим кредо, которым он хотел наделить каждого человека в компании, но неожиданно для себя наткнулся в этом деле на полное неприятие и неповиновение. Когда они готовились уходить от устья Красной Речки на север через хребты «к жилухе», Вадим уже понимал, что его приказы, в какой бы форме он их ни отдавал – в императивной (как требовали обстоятельства) или в прежней псевдодемократической – не будут выполняться никем и ни за что. И это вынудило его пытаться убеждать, а точнее – пугать, сначала кое-кого по отдельности, затем всех вместе. Он говорил, что с таким грузом они никогда отсюда не выйдут, что лучше его бросить сразу – черт с ними, с вещами – пусть пропадут, но зато не придется бросать их по пути по мере истощения сил – ведь сколько народу в экспедициях погибало именно из-за этого, так зачем повторять их ошибки, за которые люди расплачивались жизнью? Да, Вадим безусловно и искренне верил в то, о чем говорил. И Кантегир с его беспощадной водой и безлюдная бездорожная тайга испугали его не на шутку. Он чувствовал дыхание смерти если не на своем затылке, то на затылках большинства спутников. И Михаил обрел, наконец, полную уверенность в том, что единственное, что удерживает Вадима от бегства из компании глупцов, так это его прежний (ныне только номинальный) статус руководителя, адмирала. Об этом хорошо знали оставшиеся в Москве, и в случае чьей-то или всеобщей гибели в этом обязательно и прежде всего обвинят именно его. И тогда прощай его карьера в академическом институте после того, как она успешно нача-

лась. Но если выяснится, что он бросил погибающих в тайге, то будет и вовсе гроб. И потому, к его величайшему огорчению, индивидуальный путь спасения – единственный, в который он теперь верил, – начисто исключался.

Михаил в ответ на его призывы бросить все, в чем нет острейшей необходимости (то есть кроме палаток, спальников, теплой одежды и остатков еды), заявил, правда, только от себя, что уже достаточно натерялся в этом походе и не собирается терять еще. Оказалось, что так же считали и остальные. В отчаянии Вадим продолжал крутить вслух пластинку на тему «все мы останемся в тайге», пока Гуря, жена Славы, самая малоопытная и потому, наверное, самая наивно-откровенная, не заткнула его одной-единственной фразой: «Ты просто не имеешь права нас пугать!» – которая раздалась в его ушах будущим прокурорским обвинением. С этой идиотской догмой, действующей в советских и партийных органах в качестве непреложного правила и гласящей, что руководитель всегда обязан вдохновлять и организовать коллектив на преодоление трудностей, а не пугать и деморализовывать, воевать было бессмысленно. И Вадим замкнулся в себе, чувствуя себя почти обреченным на ту же участь, которая ожидала остальных, и судорожно пытаюсь все-таки найти какой-нибудь способ обмануть безнадугу.

Впрочем, позже, в Москве, выяснилось, что мысль как можно скорей бежать с Кантегира родилась у него еще до безвозвратных потерь флота. Вера, уже в середине похода вернувшаяся к Лене и Михаилу, рассказывала, как Вадим приставал к ней по ночам с просьбами отдался, объясняя, что нет смысла уклоняться – все равно они живыми отсюда не уйдут. Почему-то он был уверен, что не отдался перед смертью особенно глупо, просто непростительно глупо – ведь такого удовольствия уже больше не будет никогда. Вера вздрагивала от омерзения, и ей больше всего хотелось врезать Вадиму по морде и еще по одному месту, а потом уйти из его палатки прочь. Это можно было сделать. Но беда, как понял Михаил, состояла еще и в том, что Вера сознавала свою вину, помня как подыгрывала Вадиму, а он ей, как она делала глупости, а он их поддерживал. И за все это она обрекла себя на такое искупление, наложила на себя такую епитимью – оставаться в обществе презираемого ничтожества до конца похода. Ночные страдания дополнялись ежедневными – чем кормить людей. Оставалось чуть-чуть вермишели, немного сахара, чай и шесть банок превосходного вологодского консервированного масла, какого ни до, ни после Кантегирского похода они никогда не имели. Но масло без хлеба как-то не шло. Выручали кедровки. Это была единственная дичь, которую им удавалось без особого труда добывать по пути. Однажды их удалось настрелять шестнадцать штук – по две на брата, и из них даже приготовили в чесночном соусе «кедровок табака», но чаще кедровок бывало три или четыре. А один раз – так и вовсе одна. Хорошо еще почти у каждой в подъязычном мешке было битком набито кедровых орехов. У одной из них Михаил посчитал, сколько именно. Получилось сто шестьдесят штук. Другим подспорьем служили грибы. Их встречалось немало, но в истощенных телах, видимо, не хватало каких-то веществ для их успешного переваривания, и они плохо усваивались в кишечнике.

Михаил замечал, как день ото дня ускоряется похудание и изнурение в его организме, и, раздумывая, на сколько его еще может хватить, решил, что на всякий случай надо кое-что сэкономить для Лены – чтобы хоть она-то гарантировано дошла. Вера выдавала каждому по три кусочка сахара на день. Два он решил сохранять. При этом он ничуть не отступился от своей позиции, что они должны выйти из тайги живыми и обязаны это сделать сами (однажды он с такой резкостью отверг предложение Володи остановиться и ждать, не двигаясь с места, пока их не спасут, что больше к этой мысли никто не возвращался). Однако на тот случай, если он окажется неправ, и голодная патология возьмет над ним верх, ему надлежит сделать все, чтобы жена смогла вернуться к их десятилетней дочери. В Москве, правда, ждала не только дочь, но и замечательная по своей притягательности любовница, с которой они уже думали соединиться в новом семейном союзе. Тяга к Оле тоже служила мощным стимулом для преодоления немощи, но, как выяснилось, совсем не мешала абсолютно искренне поддерживать

Лену. И то и другое он считал одинаково естественным. В походах Лена всегда была на высоте, и уважение к ней у него никогда не пропадало, хотя со временем очень сильно пострадала любовь. И теперь ему оставалось, исподволь подкармливая Лену сахаром, истово стараться дойти и до Олиной постели. Оба стремления не требовали от него никаких особенных волевых усилий, не вызвали никакой внутренней борьбы – и это приятно удивило Михаила. Оказалось, достаточно было сознавать, что в данной ситуации он поступает правильно. А дальше как Бог даст. И Бог Дал. Уже во второй половине того памятного десятого дня пешего пути от Кантегира в долине Тебы, когда отдыхать приходилось особенно часто, они вновь сидели на рюкзаках, обессиленные и мрачные, Володя, прошедший немного вперед, видимо, по нужде, вдруг вернулся назад с сияющим лицом, пряча что-то у себя за спиной. – «Угадывайте, что у меня?!» – радостно выпалил он и, не в силах сдержаться, выхватил из-за спины то, что там прятал. Это был плакат «Берегите лес от пожаров». – «Дорога! – разразился воплем Володя, – Там, в пятидесяти метрах! Я думал – вы не поверите! Мы вышли!»

До поселка Чехан оставалось, правда, еще несколько километров, но они действительно вышли, в этом больше не осталось сомнений, поскольку дальше путь был уже по автодороге, а не по тайге. Однако, и здесь их ждало еще одно испытание. Рядом с глубоким автомобильным бродом для пешеходов с одного берега реки Чехан на другой был свален гигантский кедр больше метра в диаметре. И идти по нему над быстрой и опасной водой, чувствуя, как вибрирует ствол под ногами других людей, было непросто, но они постарались и не упали, и это добавило им хорошего настроения.

Незадолго до поселка им встретился человек, которого тоже звали Михаил и который сразу смекнул, как давно они нормально не ели. Он отвел их за собой прямо в магазин. Поселок как раз к их приходу накрыли ранние сумерки. По позднему времени магазин уже не работал, однако встреченный Михаил знал, где искать продавщицу, и вытащил ее из-за праздничного стола. Они сами услышали, как, выходя из дома, эта женщина сообщила кому-то:

– «Всего два стакана успела выпить»!

В магазине они вели себя как дети, попавшие в страну чудес и не верящие своим глазам. Они тихо переговаривались, показывая друг другу: – «Смотри, есть то, и то, и то!...» – и продавщица из деликатности их не торопила. Постепенно магазин начал заполняться людьми, смотревшими на то, как они смотрят на полки, наконец, поговорив между собой, они стали называть, что возьмут, и продавщица пару раз успокаивала их: – «Да куда вам столько, вы ведь завтра уедете!...», – но они отвечали, что нет, ничего, все понадобится. Надо думать, продавщица беспокоилась, чтобы они не объелись с голодухи, но они твердо знали, что обилие пищи им неопасно (и они действительно не объелись, хотя съели больше, чем посторонние люди могли бы считать безопасным). Только Вадим съел заметно меньше прочих и первым отошел от стола. Вера тогда сказала Славе Пономареву, проявившему самый несдержанный аппетит: – «Пономарев! Вон Вадим насколько меньше тебя съел. Смотри, проживет дольше тебя!» – На что Слава под общий хохот резонно ответил: – «А я что, спорю?».

Казалось, все кончилось: и неудавшийся сплав, и переход от устья Красной Речки через три перевала (после первого они оказались в долине Калган-Сука, по которому Вадим собирался спуститься вниз, обратно к Кантегиру, не понимая, что надо идти на северо-запад, а не на восток – Михаил тогда с трудом доказал, что это ошибка; после второго очень крутого перевала они перебрались из верховьев Калган-Сука к подножью красивейшего хребта, по гребню которого плавной дугой прошли километров семь среди редко стоящих на высоте кедров под основной перевал через водораздельный Саблинский хребет, с которого спустились уже в долину Тебы); и, наконец, трехдневный переход по долине Тебы длиной в тридцать километров (на счет него Михаил из Чехана сообщил, что по Тебе уже лет десять после пожара никто не ходит, там ведь сплошные лома – и уж это-то они и сами узнали. Причем не только лома, но и сплошная молодая поросль, буйно разросшаяся за эти годы на удобренной пеплом

земле, а им, по словам Михаила, следовало из верховьев Тебы еще раз перевалить в верховье реки Чехан – там хорошая тропа, а затем дорога. Словом, вся их Саянская эпопея, в основном бесславная, но все-таки завершенная в сознании того, что, потерпев поражение, они не сдались и кое-чего достигли, казалось, ушла в прошлое.

Однако выяснилось, что это еще не все. На станции Абаза, до которой они доехали из Чехана на автобусе, Вадима ждало еще одно испытание. В вокзальной кассе спросили его фамилию, а, узнав, отказались продать билеты, сославшись на указание милиции. В милиции же, куда он тут же пошел выяснять причину, ему сказали, что по имеющимся сведениям в их группе погиб один человек. Вадим клялся, что все живы, и милиция, пересчитав их по головам, вынуждена была согласиться. В конце концов выяснилось, что гибель туриста произошла в другой группе, но то, что фамилия Вадима оказалась на заметке у милиции, свидетельствовало о том, что в Москве уже подняли тревогу, и что теперь неприятности не будут исчерпаны задержкой в приобретении билетов.

Поэтому в поезде Абаза-Абакан Вадим попытался как бывший адмирал договориться со спутниками, о чем и как им рассказывать, а о чем – нет, когда начнутся расспросы. Лена прервала его словами: «Если будут спрашивать, что произошло, я скажу все как было». Вадим тотчас изобразил на лице оскорбленное достоинство: «Во-от оказывается, какие вы друзья!» – «Да, такие!» – последовал ответ, и Вадим умолк, уже самостоятельно соображая, как выходить из положения, если его будут атаковать не только извне, но и изнутри компании.

А на вокзале в Абакане их встретил знакомый Веры Гена. Они работали на одном предприятии. Два года назад Гена ходил из поселка Арбаты на Кантегир с кем-то из местных и тем же путем вернулся обратно. Оказалось, что по просьбе родственников пропавших туристов он согласился отправиться в Сибирь для организации спасаловки. Михаил, правда, подумал, что Гена и сам бы оказался здесь ради одной Веры. В распоряжении Гены находилась некоторая сумма денег, собранных родными, которую Гена хотел потратить на аренду вертолета, но, к их счастью, еще не потратил, поскольку из Москвы, куда пропавшие телеграфно дали знать о себе, сообщили ему в Абакан, что все слава Богу. Гена не являлся официальным представителем спасательной службы (которая, кстати сказать, отреагировала на сигнал невозвращения туристской группы к контрольному сроку только одним вопросом: кто будет платить?). Тем не менее Вадим из вполне разумной предусмотрительности постарался составить у Гены приемлемое для себя мнение о событиях похода и причинах задержки. При этом он учитывал, что Гена был лично знаком с условиями пешего перехода к Кантегиру и обратно. Рассказ Вадима был одобрен умеренной самокритичностью. Да, была серьезная задержка на подходах – так уж больно подходы длинны и изнурительны. Да, была недооценка препятствий на Кантегире (но о них вообще никто толком не знал до сих пор). Да, предварительно не продумали как следует запасных путей выхода с маршрута, но ведь прошли же такой путь, причем без потерь.

Официально поход не оформлялся, они уже много лет ходят слаженной компанией как самостоятельные туристы. Руководителем он, Вадим, тоже был неофициальным и ничего не предпринимавшим без согласия большинства участников. Если лично он и допускал ошибки, то по сути точно такие же, как и остальные участники похода.

Гена еще до разговора с Верой успел составить собственное представление о том, каковы были отношения между Вадимом и остальными людьми. Выглядел Вадим наименее изнуренным из всех. С ним никто из спутников не разговаривал. Его даже не замечали. И он чересчур явно поспешил дать Гене свою версию происшедшего – прежде, чем тот послушает кого-то еще. Так что откровения других участников похода Гену не удивили. Внешне он выглядел сдержанным человеком, и все же было понятно, что он больше всего радовался тому, что они вышли сами, и спасаловка, которую он уже начал раскручивать, обратившись в партийные органы, стала не нужна.

Впервые Михаил увидел собственное отражение в зеркале только в Абаканском аэропорту. На него смотрел настолько исхудавший лицом человек, что даже несмотря на небритую щетину под кожей явно вырисовывался череп. Правда, на Веселого Роджера Михаил еще не тянул, но ему все же стало ясно, почему случайные люди, встретившись с ним взглядами, спешили отвернуться. В его глазах действительно появилось нечто, ранее им не свойственное, словно они и впрямь заглянули за пока недоступный другим смертным барьер. Это удивило его, ибо сам он так не считал. Но факт оставался фактом. Глаза выдавали изменения, которых он за собой не замечал.

А еще ему, как и всем остальным, очень хотелось есть независимо от количества и качества уже поглощенной еды. Позже, в Москве, Вера с улыбкой напомнила ему, как всего через час после великолепного очень обильного, да еще с добавками обеда в лесорубной столовой Чехана, во время остановки автобуса по дороге к Абазе на четверть часа в каком-то поселке Михаил спустился от дороги к реке с полукилограммовой пачкой сахара в старомодной синей бумажной обертке и долго пил воду, отправляя в рот кусок сахара за куском. Михаил и сам нередко возвращался в мыслях к этому случаю. Синяя обертка сахарной пачки остро напомнила еще довоенное детство как почти утраченную, но все еще дорогую реликвию бытия. Да, потянуть за собой нить воспоминаний нередко могла какая-нибудь полузабытая мелочь. А там, глядишь, возникала целая вереница столь ярких картин, словно в памяти воспроизводилось что-то совсем недавнее.

Более ранившим было воспоминание о вмятине на стволе ружья. Это случилось в долине Тебы на второй день. Михаил уже не чувствовал ни всю свою левую руку, ни даже левую половину груди. Началось, конечно, раньше – с возникновения бесчувственности под грузом, но уже очень скоро она перестала проходить и после снятия рюкзака. Команды из головы на поднятие руки, на сжатие в кулак левой ладони проходили очень медленно, и мышцы ослабели, но Михаил еще не привык постоянно учитывать это — и потому однажды не сумел удержать ружье, переложив его из правой руки в левую. Так и не подхваченное левой ладонью, оно рухнуло на землю, приложившись к ней всей длиной, и Михаил, похолодев от ужаса в предчувствии повреждения, поднял ружье, которое, Славу Богу, от встряски не выстрелило. Однако на левом стволе осталась заметная вмятина, которая непрерывно терзала его сознание до тех пор, пока, возвратившись в Москву, почти бесследно не устранил повреждение любимого оружия.

Михаил хорошо помнил, как в последние дни стрелял из него кедровок. Наверное, со стороны было чудно смотреть на ходившие ходуном вверх-вниз стволы, когда он прицеливался, но еще удивительнее было то, что несмотря на слабость рук, он при этом не мазал в надрывно орущих птиц. Жаль, что мяса в каждой из них было совсем немного. Вот Сергею однажды больше повезло. На соседний с ним кедр присел ястреб-тетеревятник. Всех тогда изумило, что его мясо оказалось нежнее и вкуснее куриного, не говоря о том, что самого мяса было не меньше, чем в хорошей курице. Правда, несравненно труднее, чем курицу, было ощипывать пух и перо.

И еще одно не забывалось – последние километры до Чехана ружье несла уже Лена. У Михаила появилась боль в сердце, и Вера дала ему валидол. Он впервые в жизни принял это лекарство и обнаружил, что там почти сплошная глюкоза. Поэтому по пути к поселку он с удовольствием рассосал во рту таблетки три или четыре.

В общем, тот Саянский поход заставил их по-новому взглянуть на многое. Пришлось переоценить умение и кажущиеся вполне привычными отношения друг с другом. Каждый показал, чего он стоит и в чем относительно слаб. Однако в итоге серьезной девальвации подверглась только репутация Вадима. Его даже не пригласили следующей весной в майский поход, появиться же без зова он не рискнул, хотя, безусловно, знал, когда и по какой реке они на сей раз отправятся.

Как всегда, собралось много народу за счет тех, кто только в майские дни присоединялись к ядру компании, не в силах противостоять зову весны и освободившейся ото льда воды, даже если они уже не ходили в дальние походы.

На одной из первых стоянок вспомнили, что адмирала теперь у них больше нет, и поэтому надо выбрать другого. Михаил уже забыл, кому пришло в голову назвать кандидатуру их с Леной уже одиннадцатилетней дочери Ани. Ни она, ни родители не возразили, и ее единогласно выбрали, представляя, как покривится физиономия бывшего мэтра, когда он узнает, кого нашли взамен ему. А что узнает, ни у кого сомнений не было. Но удивительней всего оказалось то, что Аня, к которой с шутейной серьезностью по разным делам обращались взрослые, выносила вполне разумные и уместные решения. Вот тогда-то Михаил и понял, что, по крайней мере, в простых обстоятельствах бесхитростный ребенок, открытыми глазами смотрящий на окружающий мир и людей, способен предлагать целесообразные действия не хуже старших, если определенно представляет себе ответственность за свои слова.

Глава 4

Михаил глядел на Реку и еще некоторое время думал об Ане. Теперь ее сыну было больше, чем ей самой при получении «адмиральского» звания. Они с Леной брали свою дочь в походы с двух с половиной лет, и Аня сама с увлечением ходила с ними до тех пор, пока родители не разошлись. А потом она совершила всего два похода с Леной и ее новым мужем в другой компании и больше не ходила. А зря. Правда, родителям выпало счастье застать менее расстроенную, разграбленную и нарушенную природу, но и следующим поколениям еще оставалось где ходить без расстройств по поводу губительного действия цивилизации. Цивилизации, позволяющей до поры все более комфортно жить в городах и все ненадежней везде на Земле. Наверно, большинству населения планеты следовало бы побывать в туристских походах, чтобы понять, что собой представляет Природа и что в сравнении с ней представляем собою мы. Но даже собственная дочь Михаила, которой он с малых лет привил навыки походной жизни и даже как будто любовь к самодеятельным, а не переносным – в автомобилях, самолетах, теплоходах и поездах – путешествиям, и сама больше не ходила, и своих детей не думала учить. Она жила далеко в загородном доме, поэтому дед никакого влияния на развитие туристского мышления внуков так и не оказал. Им была уготована другая гамма удовольствий: курорты, поездки за границу, в скором будущем танцульки под бесцветный и одуряющий рок, почти круглосуточное облованивание телевизионными передачами и компьютерными играми. Виртуальная реальность с помощью Интернета уже настолько глубоко проникла в сознание юных, что уже почти на сто процентов заменила собой потребность к пребыванию в первородном естестве. Им это было интересней, чем ощущать себя частью Мироздания, гармонично связанной с ним.

Хорошо хоть сам Михаил на закате жизни снова вернулся к этому главному источнику своих сил, вдохновения и любви. Здесь естественно все осталось почти таким же первозданным, каким его застали русские землепроходцы, впрочем, так и не укоренившиеся на берегах именно этой реки. На всем ее протяжении от верховьев до устья не было не только постоянных селений, но даже гидрометеопостов.

День подходил к концу. Скоро должны были наступить сумерки, сначала легкие, потом более густые, но пока – в середине лета – довольно долгие, прежде чем стемнеет совсем. После чая Михаил посидел у костра, поддерживая огонь для уюта и для отпугивания гнуса, – здесь это в определенной степени помогало.

По прежнему опыту Михаил знал, что в походе без любимой обречен на постоянные думы о ней. Стоило освободиться от дел, даже совсем ненадолго, как сами собой возникали мысли о Марине. Вовсе неотступными они сделались тогда, когда он забрался в палатку и удобно устроился на своем ложе – один, по своей воле один! И теперь ему некуда было деться от сознания собственной глупости. Одиночество, как ничто другое, прояснило, что / на самом деле важней всего на свете для человека, если он не псих. Правда, совершенным психом Михаил себя пока не считал. Раз уж он запретил себе рисковать сверх меры жизнью жены, одиночество в сложных походах было неизбежным. И все-таки – если положить на одну чашу весов любовь и желание оставаться с женой, пока Небеса даруют счастье и взаимность с ней, а на другую – стремление продолжать утверждаться в жизни в качестве не вышедшего в тираж путешественника домоторной эпохи, у человека здравого рассудка перевесило бы первое. Подавляющее большинство его бывших спутников и туристских знакомых давным-давно так и поступили, а он все упрямылся, свято веруя, что, начни он пятиться от походов, в нем угаснет и способность творить что-то серьезное, и мужские способности радовать любимую и, в конце концов, самоуважение, согласись он отступать, отступать и отступать под напором лет. Так что,

как ни растревляли его теперь мысли о Марине, они все равно не могли совсем перечеркнуть смысл его пребывания здесь.

Но сейчас, когда он вполне уютно подготовил ночлег и попытался заснуть, стало ясно, что уйти от желания представить жену такой, какой она должна быть в сознании любящего и охочего мужчины, он больше не сможет. Обычно он представлял себя с Мариной, но не только с ней. Влечение к женщинам даже при Марине выходило за пределы влечения к никогда не приедающейся близости с женой. Посторонние дамы все равно будоражили. Единственное, чему Михаил научился, так это сублимировать вождление к ним и преломлять его в пользу Марины.

Еще при Лене его долго занимала проблема использования валентностей, остающихся незанятыми в главной любви. Тяготение к другим женщинам само по себе не являлось в его глазах грехом, поскольку такова была природа мужчин, обеспечивающая гарантированное покрытие самок во всем животном мире. Другое дело было прояснить для себя, является ли грехом то, что отдается другим партнерам из невостребованного основными. С одной стороны, а именно с внешней – это определено была измена, нанесение ущерба самолюбию и достоинству самого дорогого существа, то есть грех по всей форме. С другой, глубинной и сущностной стороны все представлялось иначе. Если кто-то страдает от любви и страсти к тебе, а ты остаешься глух, даже если этот кто-то очень нравится тебе, но ты держишь верность из принципа, хотя можешь дать то, чего у тебя осталось в избытке, то это тоже правомерно рассматривать как грех, правда, другого рода – не поделился со страждущим и нуждающимся в тебе при полной возможности сделать это. Как можно решить такую проблему, не впадая ни в ханжество, ни в формализм, ни просто во всегда удобное самооправдание? Или, тоже, как надо поступать, чтобы благо не превращалось в пороки, а внешняя безгреховность не оборачивалась бы преступной черствостью в глазах Творца?

Михаил не знал, появились бы у него мысли о сторонних связях, если бы Лене требовалось все, чем он обладал. Но свободные валентности, не замкнутые на жену, у него всегда оставались, и поэтому вопрос не выходил из головы. Тот опыт, который он приобрел в первые годы семейной жизни с Леной, ни в теоретическом, ни в практическом плане ответить с безошибочностью и определенностью на данный вопрос не позволял.

А между тем Михаил сознавал, что любить больше, сильнее и безоглядней, чем любили его, мучительно и ущербно. Он уже давно отбросил как ложное представление о том, что любовь можно заслужить, что своей любовью можно растопить в партнере остающийся холодок, что своей любовью можно уничтожить дистанцию, сохраняющуюся между неодинаково любящими супругами даже при неограниченности физических слияний – нет, он последовательно укреплялся в убеждении, что любовь дается Небесами только такой, какой она изначально проявила себя – не больше. Ее надо было все время подпитывать сознательными действиями – это да, чтобы она не ушла совсем или не стала меньше. Но завоевывать то, чего тебе не дали и дать не могли, было бесполезно. Поэтому хотелось лучшего и большего, на первых порах хотя бы при Лене.

И все же изначальный запас его любви был таков, что излишки ее семь лет никому не отдавались, а ведь было кому. Сознание еще не стало столь властным, чтобы одолеть неразумность, несправедливость любовного неравенства и несоответствия. Оно лишь подавало сигналы об отсутствии желанной гармонии, но этого было недостаточно до тех пор, пока не умерилась любовь. И вот тогда в ней появились трещины, может, пока только трещины. Но этого оказалось достаточно, чтобы обаяние равнодушных к нему женщин не просто впечатляло его, но и пробивало любовную броневую защиту, воздвигнутую им в интересах Лены (впрочем, Михаил вполне допускал, что вовсе и не им).

И первой открывшейся возможностью воспользовалась Наташа.

Она появилась среди других молодых женщин, с которыми Михаил водил знакомство в своем ОКБ, и сразу выделилась среди них. Тогда были в моде итальянские фильмы и их героини, которых играли безусловные красавицы вроде Джини Лолобриджиды или Сильваны Пампанини. Так вот – лицом Наташа была вроде как их сестра – средиземноморская, но все же и московская, доступная для общения. Фигура, правда, оказалась менее эффектной, чем у суперзвезд, но впечатления от красоты лица не портила. Лицо же действительно было почти ударным. И все-таки Михаил, скорей всего, устоял бы против Наташиных чар, если бы и ей в его лице не почудилось нечто долгожданное. И она взялась за дело со своей стороны, а он, увидев это, пошел навстречу. А выглядело это так.

В комнату, где работала Наташа, Михаил частенько заглядывал и до нее. Потрепавшись там с девушками когда больше, когда меньше, уходил к себе. В его комнату эти девушки не заходили. А Наташа пришла. За несколько дней знакомства выяснилось, что им приятно и рассказывать, и слушать друг друга.

Видимо, этого оказалось достаточно, чтобы однажды ночью он неожиданно проснулся и, лежа рядом со спящей Леной, стал смотреть над собой во тьму. И вдруг перед его глазами возникла Наташа. Она сидела в кресле среди незнакомой ему обстановки и беззвучно плакала, время от времени вытирая платком глаза. Михаил был глубоко озадачен. Видение (не сон!) казалось очень странным. Во-первых, потому что подобных видений прежде никогда не бывало. Во-вторых, он не понимал причин, по которым она плакала, тем более, что он ни разу не видел ее такой.

На следующий день Наташа заглянула к нему и на сей раз застала совсем одного. Поэтому Михаил решил рассказать, что прошедшей ночью представилось ему. Наташа слушала его с напряженным, пожалуй даже болезненным вниманием и ни разу не перебила, пока он не кончил.

– Ты видел меня во сне? – спросила она тогда.

– Нет, не во сне, – возразил он.

– А как же? Ведь меня не было там. Значит, во сне.

– Нет, я не спал. Говорю тебе – не спал.

– Ну, а как же тогда? Не понимаю.

– А я не понимаю, что тут не понять. Просто видел тебя. Вот и все.

– И я плакала?

– Да, плакала.

– Почему?

– Не имею представления. Ты ничего не говорила.

– А ты меня утешал?

– Утешал. Тебе трудно поверить?

– Ты мне что-нибудь говорил?

– Нет, молчал.

– Что же ты тогда делал?

– Гладил твою голову, чтобы успокоить. Постепенно ты начала успокаиваться. Так мне показалось.

– Больше ты ничего не видел?

– Ничего.

Наташа помолчала, потом, с сомнением покачав головой, словно выдавила из себя:

– Все же это был сон.

– Да нет же, я прекрасно знаю, что не спал. Совершенно в этом уверен.

– Мне кажется, ты просто морочишь мне голову.

Михаил поднял глаза и встретился с ней взглядом.

Возмущение, которое поднялось было в нем, отчего-то растаяло.

– Мне незачем морочить тебе голову, – серьезно ответил он. – Может быть, вообще не стоило об этом говорить. Но это другое дело.

– А тебе было очень жалко меня? – спросила она дрогнувшим голосом, от которого у него захватило дух.

– Да, **ОЧЕНЬ**, – сказал он, не узнавая себя.

Ее рука метнулась к волосам Михаила. Она очень быстро, умелым женским движением растрепала, взъерошила и пригладила их. Несколько секунд они смотрели друг на друга прямо в глаза. Потом она легко провела ладонью по его лицу, повернулась и быстро-быстро ушла.

– Почти убежала, – подумал он и тут же сказал себе. – Началось.

Он понял, что рад этому. И отчего-то сразу ощутил усталость.

Минут пятнадцать-двадцать, возможно, и полчаса спустя, Михаил по-прежнему находился в комнате один, но напряжение не проходило, и он мгновенно повернулся к двери, едва услышав, что ее открывают. Предчувствие не обмануло. Это была Наташа. Почти с самого порога она крикнула:

– Вот тебе за то, что ты пожалел меня во сне! – и одновременно кинула ему конфету.

Пока конфета описывала пологую кривую, а он ждал ее с поднятой ладонью, он успел подумать, что Наташа разволновалась еще больше, чем он, что она заранее приготовила слова, не только конфету, и он, в нужный момент сжав ладонь, а затем почувствовав, что поймал брошенное ею, крикнул:

– Но это был не сон!

Наташа в этот момент уже закрывала дверь. Не разобрав, что он сказал, она повернулась в дверном проеме. К нему лицом.

– Что?

– Это был не сон.

– Хорошо, пусть не сон!

– Не уходи!

– Я приду. Ты будешь один?

– Да. Если только кто-нибудь случайно не заглянет. Но ты все равно приди.

Наташа закрыла дверь, и Михаил разжал ладонь. Конфета была большая и дорогая. Вполне соответствующая подарившей ее женщине. Вполне.

Она пришла со словами:

– Зачем я к тебе пришла?

– Ты знаешь, зачем.

– Но нас же могут застать вдвоем. Будет неудобно.

– Могут. Но разве это повод не видеться? – возразил он.

После этого случая они уже не прятали своих устремлений. Наташа была второй раз замужем и всего два года назад родила ребенка. Первый брак был у нее по любви, но совсем неудачным; второй же, как понял Михаил, ее просто устраивал. Ее первый муж, офицер и слушатель Военно-Воздушной академии, спился то ли сам по себе, то ли из-за Наташиного романа с его другом и сокурсником, который, если тоже не спился совсем, как ее муж, то, по крайней мере, запил, когда Наташа на время вернулась к мужу. Так что клеймо роковой женщины на ней уже стояло определенно. Но Михаил не собирался расплачиваться алкоголизмом за связь с такой женщиной, как и второй ее муж – уравновешенный, выдержанный человек, который оказался в состоянии любить Наташу, отнюдь не безумствуя. Ей же, видимо, требовалась страсть, не только прочный фундамент. Но если со стороны Наташи следовало чего-то опасаться, то скорее того мастерства, которое проявилось в награждении его конфетой за видение и жалость. Тем не менее, Михаил решил не тормозить, еще не представляя, как сможет совмещать Наташу и Лену. Одну вместо другой он не хотел совершенно, а иметь их обоих вместе оказалось непосильной задачей, но это выяснилось только потом, хотя срав-

нивал он их с самого начала. Никакая близость по внешности к итальянским кинозвездам не могла быть решающим фактором в пользу Наташи. По уму, по человеческой содержательности, да и по фигуре и грации ей было далеко до Лены. Бойкость языка, уверенность в том, что уж она-то как никто может быть интересной собеседницей, раз ей известно из польского журнала, кто такая Ава Гарднер или Лана Тернер, а другим – нет, не могли замаскировать заурядность Наташиного ума, да и интересов тоже. Нет, ум у нее, конечно, был, но она совсем не стремилась развить его больше, чем требовалось для искусства обходить соперниц и увлекать мужчин. На Лениной стороне было еще одно бесспорное преимущество – она любила природу и походы почти так же, как Михаил. Наташе же такая увлеченность была не то что неизвестна, но даже чужда. Ей нравились курорты, пляжи, рестораны и даже шумные компании как поприща, где она могла бы блистать. Лене не требовалось демонстрировать, что она умна. Наташе же без апломба и безапелляционности суждений в обществе нечего было бы делать. Красота, конечно, придавала убедительности ее высказываниям, но не до такой степени, чтобы, не возражая ей вслух, изменить свое собственное мнение. Но несмотря на это, Наташа все-таки была хороша, а наедине с любимым становилась искренней, отвечающей лаской на ласку. Что еще срабатывало в пользу Наташи? Новизна? Да, конечно. Новизна обращения к нему за помощью со стороны красивой женщины, вроде бы созданной для счастья, но в основном несчастливой по жизни. Она взывала о помощи именно в этом деле. Так как было не помочь?

Кризис в отношениях Михаила и Лены все равно должен был когда-то произойти – неравенство чувств, различная зависимость друг от друга просто предопределяли появление нового романа. Вот он и появился, хотя Наташа не была его идеалом – это он знал с самого начала. Но в том, что она вторглась глубоко в те области, где должна была царить, но не царила Лена, сомневаться тоже не приходилось, и Михаил позволил Наташе вторгнуться туда, несмотря на то, что терпеть не мог косметики и курения, а Наташа и не мыслила себя без накрашенных губ и подведенных глаз, да и без сигаретного дыма и поз, позволяющих с «выгодой» преподнести себя. Лена свободно обходилась и без того, и без другого. В глубине души Михаил признавал, что если женщина ради него не бросит курить и мазаться, она им надолго не завладеет. Однако сколько времени продлится «недолго», он и сам еще толком не представлял.

Кстати, он с удивлением для себя обнаружил, что видимая неустроенность, несбалансированность, даже несчастливая судьба красивой женщины могут срабатывать в ее пользу не хуже, чем ее действительные достоинства, а то и сильнее. Видимо, мужчину подвигала к даме даже не жалость к ней, а возникающая сама собой иллюзия, что уж ему-то удастся достичь того, что не смогли достичь предшественники, которые попались ей прежде его. То, что это именно иллюзия, он начал подозревать почти сразу и даже проводя много времени в обществе Наташи, к которой его тянуло, он сознавал, что напрасно ступает по слишком тонкому льду, и что постоянному вранью дома о причинах задержек после работы убедительности надолго не хватит, а потому попытку сохранить для себя и Лену, и Наташу непременно ожидает провал.

Но прежде чем это произошло, он побывал у Наташи дома, когда она находилась одна, а ее сын спал. Наконец-то у них появилась возможность сблизиться до предела, их давно уже просто разрывало от желания перейти от объятий и поцелуев к самому главному.

В тот день им обоим было не по себе от ожидания и волнения. Первые ласки, прежде чем они опустились на диван, показали Михаилу, что жгучего желания к Наташе они, против обыкновения, сегодня не порождают. Это было странно, поскольку с Леной он очень редко насыщался вполне, да и с Наташей Михаил обычно не упускал случая показать ей, как хочет ее.

Однако сегодня Наташа явно его не возбуждала. Она была расстроена, как и он, но, вопреки огорчению, проявила такт и ничем не попрекнула Михаила. Он же не понимал что произошло и в чем искать причину неожиданной осечки. Понимание пришло через много лет, когда он подверг системному философскому анализу весь свой любовный опыт – и поло-

жительный, и отрицательный. Ответ на вопрос оказался очень прост: когда на Небесах одобряли его выбор, все получалось хорошо и как надо, когда не одобряли, все двигалось со скрипом либо никак, даже если накануне решающей встречи с дамой имелись недвусмысленные свидетельства желания с его стороны. Все иные гипотезы отпали одна за другой. Только эта соответствовала действительному положению вещей. Но чтобы придти к данному выводу, ему предстояло совершить еще достаточно много проб и ошибок.

Молодости неоткуда было узнать это сразу. Чужой опыт либо недоступен, либо не усваивается. Свой накапливается постепенно и куда неспешней, чем следовало бы, исходя из практических потребностей.

Да, физблизость (так говорила сама Наташа, любившая щеголять модными словечками) у них не состоялась. Пробовать вновь им было негде. Но он все еще любил ее и по-прежнему возвращался домой ненормально поздно. В конце концов Лена все поняла, и Михаил не стал опираться. Единственное, на чем он твердо стоял во время тяжелого для обоих объяснения, что он как любил Лену, так и продолжает любить, Наташа на это никак не повлияла. Лена поверила. Он же пообещал, что больше не будет видеться с Наташей в свободное время. И сделал это не из-за ультиматума «Я или она», а по той причине, что окончательно убедился – нельзя посвятить себя одновременно двоим, если они не согласны делить любящего их между собой, ибо тогда, в случае упорства в раздвоенности, возможен лишь один конец – самому уйти из жизни, как это сделал герой романа Грэма Грина «Суть дела» майор Скоби. Михаил на своей шкуре убедился, что Грэм Грин не выдумал ничего и с тех пор особенно заужал этого писателя. Но в случае гибели человека, раздираемого двумя любовями, выход был ущербным для всех троих.

Отказ от одной любви наносил ущерб одному или двоим. В данном случае Михаил пожертвовал любовью к Наташе, потом и Наташа отказалась от своей любви к нему. Однако чувства нельзя было унять в одночасье. Наташа, которой он все рассказал, с одной стороны, не хотела поверить в свое поражение, но была и не против наказать его немедленным разрывом – с другой, однако, враз не смогла. Она не раз восклицала вслух: «Господи, какая я была дура, что влюбилась в тебя!» – и пыталась оттолкнуть Михаила, когда он по старой памяти ее обнимал: «Уйди от меня! Ты грязный!» – поскольку знала, что в постели с Леной у него все хорошо. Вскоре Михаил с Леной уехали в свой излюбленный альплагерь «Уллу-Тау» кататься на горных лыжах. Вернувшись оттуда, Михаил узнал, что Наташа не теряла времени даром и закрутила другой роман на работе с известным сердцеедом Львом, бывшим морским офицером. Михаил испытал болезненное ощущение, однако весьма кратковременное, подавив в себе и любовь, и неприязнь. Он совсем перестал заходить в Наташину комнату и странным образом перестал даже встречаться с ней в коридоре, хотя и не предпринимал для этого никаких специальных мер. На месте любви образовалась пустота, но она, в отличие от испытанных после юношеских утрат, почти и не саднила. И тут случилось нечто странное. По вечерам домой Михаилу почти каждодневно кто-то звонил, не говоря ни слова тому, кто брал трубку, и Михаил, взявший за правило первому к телефону не подходить, был уверен, что это пытается хоть как-то добраться до него Наташа. Пыталась ли она о чем-то поговорить, условиться ли о встрече или просто услышать его голос – этого Михаил так и не узнал. Знал, правда, что со Львом она больше не встречалась. Но и это больше не интересовало его. Он изживал из себя остатки чувств к Наташе, и это ему хорошо удавалось, поскольку теперь он полностью держал себя в руках. Постепенно Наташа уходила из памяти, а потом и вовсе исчезла оттуда, иногда появляясь раз в несколько лет как некий знак того, что когда-то она для него все-таки существовала и немало значила. Но в это верилось уже с трудом.

Кстати сказать, в свое время Наташа в его глазах не выдержала еще одного важного теста. Он дал ей прочесть свою первую повесть, над которой упорно и долго работал, стараясь как можно полнее вложить в нее себя самого, и в конце концов заслужил право признать,

что сделал задуманное именно так, как хотел, и достиг желаемого. Реакция Наташи показала, что написанное оставило ее почти равнодушной. Ее интересовали совсем другие дела. Единственное, что Михаил смог зачесть в свою пользу, так это ее слова, что как человек он гораздо интереснее и богаче своего героя. Михаил не стал с ней спорить, только невесело усмехнулся. И сделал вывод, что ни о какой общности вкусов и взглядов у них и речи не может быть. И это сказалось на его охлаждении к Наташе гораздо сильнее, чем ее нежелание перестать красить губы и курить.

В итоге он никогда не жалел, что они с Наташей расстались.

Глава 5

Работа в ОКБ ознаменовалась не только романом с Наташей. В бригаде Николая Васильевича Ломакина, которого Михаил всю жизнь почитал своим учителем, работали еще две девушки. Мила Чумаченко поступила туда раньше Михаила, Вера Разумова – позже, так что к приходу Веры отношения Михаила с Милкой уже полностью определились и вылились в веселое необременительное приятельство без всякой примеси секса – по крайней мере, с его стороны. Милка числилась техником-конструктором, но никаким конструктором она на самом деле не была и работала на подхвате – что-то напечатать, что-то немного почертить. Сама же себя она считала только поэтессой и с удовольствием читала Михаилу свои стихи. Одну неполную строфу он даже запомнил на долгие годы:

Пусть будет все – и слезы, и разлуки
И там-там-там-там-там-там-и ты
И грубоватые мужские руки,
Нежней которых не знавала ты!

Насчет знания нежности грубоватых мужских рук вожделевших к ней ухажеров Милка не преувеличивала, но из ее рассказов однозначно вытекало, что всерьез до себя она не допустила никого, однако ко времени их знакомства как раз и собралась допустить, поскольку твердо решила оставить невинность на родине до предстоящего вскоре брака с гражданином Чехословакии – не везти же это добро за границу, будто на нее не было спроса среди соотечественников. Она даже заранее предупредила жениха, что у нее «был мальчик», хотя «мальчику» еще только предстояло появиться и сделать ее женщиной. Михаилу тогда даже в голову не приходило, что Милкины рассказы допустимо было считать не только дружеской откровенностью, но и приглашением на означенную роль. Он с искренним интересом слушал ее, по ходу дела подтрунивая над ее планами и над персонажами ее рассказов. Милка была невысока ростом, но при этом имела очень рельефное сложение. Демонстрируя различие между ней и собой, Михаил показывал, как стряхивает крошки с груди после еды он (при этом ладонь совершала движения в вертикальной плоскости) и как это делает Милка (тут ладонь двигалась горизонтально). Оба они при этом смеялись. Дома у поэтессы было неблагополучно. Свою мать она любила и жалела и даже свои стихи подписывала девичьей фамилией матери. Плюгавый (по ее выражению) отец был хам и потаскун, но мама все это терпела из-за двоих детей – Милки и ее младшего брата. Среди Милкиных знакомых преобладали редактора художественных изданий, киношники, композиторы, джазовые музыканты и тому подобная богемная публика. Милка просветила Михаила относительно сексуальных пристрастий дам, вращающихся в этих кругах. По ее словам, особую готовность к занятиям оральным сексом (в то время еще не слишком распространенным в обществе) проявляли две категории женщин – певицы, заботящиеся таким образом о наилучшем состоянии голосового аппарата, и врачихи, считающие, что это отлично содействует укреплению их организма. У Михаила за всю жизнь не было среди возлюбленных ни певиц, ни врачей, но уже в скором времени он смог убедиться, что с этим делом прекрасно справляются дамы многих профессий. Видимо, сведения о полезности данного способа любви для женщин так же хорошо распространялись среди прекрасной половины населения, как и сведения о его ошеломляющей приятности и остроте удовольствия среди мужчин.

Однажды Милка с воодушевлением сообщила Михаилу, что на сегодняшний вечер договорилась о встрече с одним редактором, который уже давно к ней вождевел. Квартиру им предоставил известный пожилой композитор, отличавшийся большой широтой сексуальных взглядов. Он сказал Милке: – «С кем хочешь! Хорошо бы когда-нибудь и со мной!» В тот вечер, уходя с работы, Михаил благословил Милку своим поцелуем на предстоящий подвиг и на следующее утро получил краткий, но выразительный отчет о благоприобретенном поэтес-

сой опыте. Любовник оказался на высоте, ее итоговый вывод был таков: «Если бы я могла вывернуться наизнанку, я бы вывернулась!» Любовник был в абсолютном восторге. – «Прости меня, – признался он ей, – я видел женщин, но такой – никогда!»

Сейчас могло показаться странным, но даже столь высокая оценка Милкиных достоинств компетентным мужчиной не заставила Михаила взглянуть на Милку новыми глазами. У него и мысли не появилось, что она хочет его раззадорить. И оба они от души посмеялись, когда Михаил предложил укрепить возле подъезда, где жил композитор, мемориальную доску со следующим текстом: «В этом доме такого-то числа великая русская советская поэтесса Людмила Остроградская (Чумаченко) совершила великий патриотический поступок, оставив Родине свою невинность перед выездом за границу». Удивительным Михаилу показалось только одно – после столь упоительного начала сексуальной жизни Милка больше не стала встречаться с первым любовником, который ее вполне устраивал, не говоря уж о том, как она устраивала его. – «Почему?» – спросил Михаил, и она серьезно ответила: «Я встретила его в ВТО с женой. Он так ее боялся!» Потом у нее объявился в любовниках сын какого-то зам. министра, мастер спорта по велогонкам. Этот ей понравился меньше. Заметив в глазах Михаила невысказанный вопрос, поэтесса с лаконизмом спартанки обронила одно только слово: «Диаметр». За такую откровенность женщину действительно следовало ценить. Но вскоре она уволилась в связи с отъездом в Чехословакию, и о ней больше ничего не было слышно. Однако еще до ее исчезновения за горизонтом – «за бугром» – в их бригаду поступила Вера, тоже как техник, но только уже как настоящий техник-конструктор, к тому же учившаяся на третьем курсе вечернего машиностроительного института. Вера успела-таки лично удостоверить в том, насколько запанибрата Михаил обращался с Милкой. Однажды он пригрозил расшалившейся Милке отшлепать ее и, поскольку она не прекратила, тут же выполнил обещание, огрев ее ладонью по заду. Милка ничуть не обиделась. Вера же была потрясена. Придя в себя, она твердо пообещала, обращаясь к Михаилу: «Я такого с собой не допущу!»

Допустила – вопреки обещанию и своим принципам. Допустила без нажима и уговоров, даже с радостью и готовностью. Правда, не очень скоро – года так через два, уже после истории с Наташей, которую она, конечно, видела со стороны. Допустила и не такое. А произошло вот что.

Они с Верой тоже быстро стали приятелями, и поэтому Михаил знал, что она уже могла бы выйти замуж, если бы претенденты на ее руку и сердце не оказывались все как один уже женатыми людьми. Одна мысль, что из-за нее мужчины бросят жен и детей, приводила Веру в ужас, и она отказывалась от таких предложений сразу. Она была прочно воспитана в духе старых добрых семейных традиций, и Михаил не сомневался, что до замужества она и не мыслит начать половую жизнь. Да и начав ее с мужем, не стала бы вести ее с кем-то еще. От одного слова «любовница», произнесенного вслух, ее передергивало, но отнюдь не потому, что она была ханжой, а просто в силу искреннего убеждения, что в такой роли порядочная женщина выступать не может.

До поры до времени Михаил не придавал ее взглядам особого значения. Просто принял к сведению, что по характеру она вот такая – и все. А, собственно, что плохого было в ее убеждениях? Радоваться должен человек, получая жену с такими устоями, особенно в нынешние времена.

Михаилу так и осталось неизвестно, когда и из каких побуждений веселый лукавый амур натянул свой лук и пустил стрелу в доброе Верино сердце. Тем более, что она действительно все знала про него и Наташу. Позже он постеснялся об этом спросить, сама же Вера ничего не сказала, но только понял Михаил, что Вера любит его уже давно.

Однажды он без всякой задней мысли остановился рядом с сидевшей за столом Верой и вдруг, повинувшись какому-то импульсу, полученному извне, наклонился и припал лицом к ее пышным светлым естественно вьющимся волосам. Михаил мог лишь твердо поручиться,

что это не было с его стороны озорством. Вера дрогнула, но не отстранилась. В следующий миг ладони Михаила уже охватывали обе ее груди. И снова она не отстранилась. — «Допустила!» — с радостным изумлением подумал он, вспомнив о данном ею еще при Милке зароке. И уже не думая о последствиях, Михаил повернул руками ее голову к себе и стал целовать губы, щеки, а когда оторвался наконец от Вериного лица, увидел ее недоверчивый, но радостный взгляд. Значит, ей самой хотелось этого, иначе как это можно было понимать? Признаться, Михаилу и самому в это не верилось. Но, словно стремясь сокрушить в нем последние сомнения, Вера в свою очередь обняла и притянула его к себе, чтобы целовать, целовать самой, а не только отвечать на его поцелуи. Очень скоро Михаил убедился, что в ласках для него не существует никаких запретов. Вера была готова пойти на все.

Они довольно часто оставались в комнате одни. Правда, туда в любую минуту могло войти начальство или кто-то из посторонних, но прежде чем открывавший дверь мог увидеть, чем они занимались, он успевал выхватить руки из разреза Вериного платья, как бы глубоко она ни была бы погружена, и немного отстраниться, делая вид, что наклонился затем, чтобы объяснить ей какое-то место в бумагах. Вскоре он уже знал, какие ласки и в каких местах сильнее всего возбуждают Веру. При всей своей пуританской воспитанности она не хотела или не находила сил препятствовать ему в чем-нибудь. Она не утратила прежних убеждений, просто дождавшаяся отклика долго скрывааемая любовь подняла и пронесла ее над догмами и предрассудками. В ее душе открылся новый счет ценностям жизни. Она заждалась его, но вот он начал делать то, что ей нравилось, к чему давно тянулось все ее существо. Запретные игры продолжались изо дня в день, нередко подолгу — и не надоедали ни ему, ни ей. И все-таки они уже начали мучить их своей незавершенностью. Надо было что-то предпринимать, тем более, что Вера мучилась не только отсутствием разрядки, но и ночными угрызениями совести. Михаил чувствовал, что пока его не было рядом с ней, она упрекала и казнила себя. Об этом ему регулярно из утра в утро красноречиво говорили Верины взгляды, отчуждающие и отчужденные, пока он своими ласками и поцелуями не растапливал их. Ее созревшая в одинокой постели готовность к сопротивлению отступала неизвестно куда, и снова она сладко изнемогала в его руках с тем, чтобы следующей ночью вновь ненавидеть себя и свою слабость и решить расстаться с тем, кто давал ей желанные наслаждения, но не любил, как любила она.

В отличие от Милки у Михаила не было друзей — композиторов со свободными сексуальными взглядами и просторными квартирами. И в свою комнату в коммунальной квартире провести Веру незамеченной даже тогда, когда Лена и Анюта отсутствовали дома, было совершенно невозможно. А уж Вера и подавно не могла пригласить Михаила к себе домой, где родители могли бы благосклонно встретить разве что официального жениха, но отнюдь не женатого претендента на их дочь, не имеющего никакой охоты на ней жениться.

Оставалось одно — их комната на работе. Оба признали, что другой возможности сблизиться у них нет и не будет. В тот вечер они решили идти до конца. После окончания рабочего дня Вера осталась сидеть в комнате как обычно в те дни, когда ей надо было ехать на занятия в вечерний институт, а Михаил вышел на время, дабы создать видимость Вериного одиночества. Минут через пятнадцать он вернулся и убедился, что предпринял маневр не напрасно. Вера сказала, что начальник отдела заглядывал сюда. Но, очевидно, его встретил спокойный взгляд обложившейся конспектами Веры, и начальник, не найдя ничего предосудительного, ушел. Вера снова осталась одна. Что она успела передумать за тот десяток минут, пока дождалась Михаила, он мог только гадать. Страх перед неизвестностью, лихорадка в ожидании утраты того, чем так дорожила вопреки современным взглядам на любовь и секс и что так целеустремленно хотела отдать в дар законному мужу, мысли о том, как любовь все повернула в ней по-своему и заставила признать совсем другой закон.

Дверь уже была заперта. После первых поцелуев Вера чуть-чуть успокоилась, но потом снова взволнованно зашептала: «Милый, меня очень добивался один знакомый... Он очень

хотел... И однажды даже попробовал коснуться меня... там... Может быть, там что-то чуть-чуть и лопнуло... Но знай, верь мне, – он не был ТАМ!»... Михаил мгновенно представил всю сцену, как Вера была притиснута в угол кушетки все-таки распалившим ее, но не любимым ухажером, который обхаживал ее прелести, задрал юбку и даже сумел стащить трусы, но когда он начал слепо тыкаться в глухую промежность, Вера опомнилась и не допустила.

О чем ты, Верочка? – шепнул ей на ухо. – Чище тебя разве можно кого-то представить?!

И еще он подумал, что она сказала ему те слова, которые собиралась сказать мужу во время первого сближения с ним. Но он был не ее муж и таковым быть ей не мог и не собиравшись, о чем она хорошо знала заранее. И вот теперь ему, не очень даже влюбленному, передавались все атрибуты власти над ее женским естеством. Не зря ли? Разве для свидания в такой убогой канцелярской обстановке, в какой Вере предстояло лишиться девственности, предназначалось ее интимное признание?

Михаил расстегнул брюки, и они сползли вниз. Вера сняла трусы, и Михаил усадил ее перед собой на стол, подставив по сторонам два стула Вере для опоры ног. Взгляду Михаила открылось то, что он вот уже в течение нескольких недель ежедневно кроме выходных познавал и обласкивал рукою.

Он сделал небольшой шаг и приблизился вплотную. Плева поддалась не сразу, но он навалился сильней и рывком вошел в глубину. Хлынула кровь. Михаил немного отпрянул, но тут же снова вошел. Соединение было не долгим. Михаил не получил никаких оснований надеяться на то, что Вера запомнила об этом событии что-то кроме боли. Да и ему с взведенными нервами было далеко не так хорошо, как с женой. Пожалуй, Вера была близка к обмороку, но стоически от него удержалась. Михаил помог ей справиться с вытиранием, затем занялся собой. Одежда не пострадала. Формально все как будто прошло успешно – они соединились, преодолели девство, сбереженное до возраста двадцати шести лет (может, будущий муж и рад будет, что ему не придется взламывать это самому), к тому же они не перепачкались и не были застуканы посторонними людьми, однако все явно получилось не так, как каждый из них ожидал и хотел, особенно Вера. Разве для ТАКОГО соития она берегла себя столько лет, и разве ТАКОГО воздаяния заслуживала ее любовь и решимость?

Да и у Михаила разве таким было представление о наслаждениях с вполне привлекательной женщиной? Что-то с самого начала не заладилось и потащило в сторону от приятнейших и ярчайших ощущений, не оставив места ни окрылению, ни восторгу.

Задерживаться дальше в этом месте вдвоем не имело смысла, да и казалось рискованным. Даже покидать его из соображений конспирации следовало только по одному. То, что уже прошло без восторга, красиво закончиться тоже никак не могло. На прощанье они поцеловались. Со стороны это выглядело, скорей всего, как поцелуй по обязанности, нежели поцелуй благодарности и любви. Михаил ушел первым. Вера зачем-то собиралась через какое-то время на стадион, смотреть хоккей. Скорей всего, там ее ждал привязчивый ухажер, которого Вера удерживала около себя на всякий случай. Что ж, не Михаилу было ее за это корить...

На другой день Вера сказала, что во время хоккейного матча ее всю трясло, и она не помнит, как шла игра. У нее было горчайшее чувство, будто она отдалась первому встречному. Из такта Вера не добавила, что этот встречный ничем не заслужил ее признательности, и что коту под хвост было выброшено то, чем она так дорожила и что так долго берегла. Это было ясно без слов.

Все же где-то через неделю они решили остаться вдвоем после работы еще раз. Отчего-то еще теплилась надежда, что все может получиться лучше, чем раньше, что они привыкнут друг к другу и к обстановке, и все наладится, насколько это возможно в обстоятельствах, которые они не могли изменить.

Однако все повторилось почти в мельчайших подробностях, начиная с впечатления, которое неприятно стлкнулось в памяти Михаила с привычным. Его разочаровал цвет волос

в потаенном месте – они были светлы и бледны, в то время как он давно уже привык к темному и контрастирующему с белой кожей живота и бедер треугольнику Лены. Казалось бы, какое значение могла иметь такая мелочь для возбуждения, тем более, что сами формы у Веры были хороши, но вот поди ж ты, оказывается, имели. И все же самым главным угнетающим обстоятельством по-прежнему оставалось убожество обстановки, отсутствие постели и возможности раздеться целиком, убожество, оскорблявшее достоинство истинной Веринной любви и эстетическое чувство Михаила. Разрыв между даже скромной мечтой насчет условий, которые позволили бы любить и наслаждаться, и реальным дискомфортом не мог быть преодолен в обозримом будущем. Они осознали, что попали в тупик и больше не пытались оставаться вдвоем после работы. Правда, это не привело к немедленному расставанию, и даже их обычные игры не кончились сразу, но было видно, что по ночам Вере делалось все тяжелей и тяжелей. Вскоре она сказала Михаилу, что подыскала через знакомых другую работу, и еще через пару недель ушла. После этого они стали видеться куда реже – гуляли по городу или ездили по кольцу на метро. У Михаила совершенно не было денег на рестораны и кафе, да и как встречи в людных местах могли бы поправить дело, когда им требовалось совсем другое – уединение и чистая удобная постель. Желаемого нельзя было достичь. В то время большинство влюбленных не имело своей крыши над головой, и не в последнюю очередь именно потому в те годы так много молодых людей занимались загородным и спортивным туризмом, особенно летом. Все же палатка могла заменить им дом, в крайнем случае – даже звездное небо. А еще Михаилу запомнилось из того времени, как Вера поехала в отпуск на относительно малолюдный северокавказский черноморский курорт, расположенный в бухте между двумя лесистыми мысами. Он представил себе подковообразный долгий галечный пляж, на котором Вера одна или в чьем-то обществе проводит по нескольку часов в невеселых раздумьях – молодая женщина с очень ладной фигурой и красивой душой, к тому же красивая лицом, особенно когда ее озаряла добрая и радостная улыбка. Не зная, будет ли ей это кстати, Михаил все-таки послал ей в дом отдыха нежное письмо и неожиданно быстро получил ответ на почтамт до восстребования, как и просил в своем письме. Там в первой строчке было написано: «Представляешь – смотрю, мне письмо! И от кого? От тебя, любимый!» Он все еще оставался любимым, несмотря ни на что, не сделался ненавистным виновником перемен в ее жизни и самовосприимчивости, которых она не желала и не ожидала. В конце концов, случившееся с ней не обязательно должно было уронить ее в глазах будущего мужа – ведь все меньше мужчин ценят девственность невест, особенно если невесты уже не юного возраста, а некоторые и вовсе смотрят на это как на негативное качество и свидетельство невостремованности, чего у стоящей женщины вообще не должно быть. Но даже если мужу не будет безразлично, что кто-то попал в Веринно лонно раньше его, то на вероятный в таком случае вопрос ревнивца, с кем ей было лучше – с предшественником или с ним, Вера могла искренне, как на духу, ответить ему: «Конечно с тобой!» – ибо после всего, что она узнала с первым любовником, Михаилу было трудно представить себе, чтобы это могло быть неправдой.

Да, сокрушить Ленину женскую власть над Михаилом не смогли ни Наташа, ни Вера. Это оказалось по силам только Оле Дробышевской – последней молодой женщине, с которой Михаил познакомился все в том же ОКБ. С появлением Оли в его жизни началась новая эпоха, когда он перестал заботиться о том, как бы не потерять Лену из-за связей с другими женщинами.

Однако еще до встречи с Олей имели место и другие события, не столь важные, но все же памятные. Одним из них он считал знакомство с Ниной Верестовой.

Впервые Михаил выделил Нину из массы лишь внешне слегка знакомых сотрудниц ОКБ, с которыми не сталкивался по делу, после случайной встречи в трамвае.

– Здравствуй! Ты здесь живешь? – неожиданно услышал Михаил у себя над ухом, как только вслед за Леной, которую подсаживал на ступеньку, влез в вагон трамвая. Спраши-

вавший женский голос не был ему знаком, но лицо, к которому он обернулся, все-таки узнал. Пользуясь выражением, бытующим на украинских базарах, это была барышня чи дамочка из технического бюро. Михаил видел ее там, но имени не знал. Прежде они даже не здоровались. Ему сразу не понравилось ее обращение на «ты», тем более при Лене, но делать было нечего, и он ответил:

– Здравствуй! Да, здесь.

– Я – в Новых Домах.

Это было одной остановкой от метро дальше. Его не тянуло продолжать разговор, но полужнакомка без церемоний спросила:

– А это – твоя жена?

Михаил кивнул, а та в упор оглядела Лену, и это не понравилось ему еще больше.

Тем не менее после первой встречи в трамвае они все-таки познакомились на работе несколько ближе. Нина Верестова (это была ее фамилия по мужу, девичью Михаил тоже слышал, но не запомнил) была молодой женщиной крупного сложения, однако не громоздкой, не ниже самого Михаила ростом, русоволосая, с приятным лицом. На нем не было заметно печати большого интеллекта, да и кому пришлось бы в голову искать высокий интеллект у работницы технического бюро, где хранились и печатались отраслевые нормалы, печатались и рассылались куда велено проекты новых нормалей, словом, совершала круговорот тривиальная бумажная канитель. Но при всей его простоте лицо Нины не выглядело примитивным или недостаточно одушевленным. И потому Михаил был в силах представить, какой она бывает в постели, но даже в мыслях на этот счет не разбегался. При Лене это было ему ни к чему. Однако легкая неприязнь после первого разговора в трамвае у Михаила уже давно улетучилась. Время от времени, но нечасто, они встречались по дороге на работу или с работы. Постепенно Михаил узнавал, что у Нины был маленький сын, муж, работавший слесарем на авиационном заводе, и свекровь. Все они жили в коммуналке, как и Михаил с Леной и Аней. Впрочем, почти вся страна жила тогда именно так, удивляться не приходилось.

Разговоры с Ниной часто касались разных историй, случавшихся с сотрудниками ОКБ. Обычно Нина знала их лучше Михаила, наверняка ей было известно и о его романе с Наташей, но вот о нем-то она ни разу не упомянула и не спросила – то ли из такта, то ли по какой другой причине – Михаил затруднялся сказать. Он убедился, что Нина – более глубокий человек, чем можно было подумать, зная о ее служебном и домашнем окружении, но на чем основывалась его уверенность, он долго не мог понять. Их разговоры происходили либо в метро, либо в трамвае, либо во время пеших возвращений от метро по домам. Около улицы, на которой жил Михаил, они прощались, и Нина шла дальше одна. Михаил никогда ее не провожал. Потом настал период, когда они долго не сталкивались нигде – ни на работе, ни по дороге. Оказалось, она болела, но чем именно Михаил не позволил себе спросить, а сама она умолчала. Однако один симптом своей болезни она не могла скрыть. По каким-то причинам, особенно легко зимой, она задыхалась. Лишь четырнадцать лет спустя, распознав у себя заболевание бронхиальной астмой, Михаил осознал, чего стоили Нине их совместные пешие прогулки от метро к своим домам вместо более комфортной для нее поездки на трамвае. Иногда она бывала вынуждена останавливаться, чтобы хоть как-то придти в себя и отдышаться. Тогда он видел в ее глазах и боль, и смущение из-за приносимого ему неудобства. Долго, очень долго до него не доходило, по какой причине при всякой встрече Нина была готова обречь себя на получасовое мучение с удушьем. Ничем другим она так и не выдала себя.

Михаил вспомнил об этом через десять лет после знакомства в трамвае, случайно столкнувшись с Ниной на улице в старом районе, где давно уже не жили ни он, ни она. Вместе с Ниной был ее сын-подросток. Она явно обрадовалась встрече, да и он мог считать себя формально достаточно свободным, чтобы ответить ей той же радостью, поскольку как раз тогда уже разошелся с Леной, тем более, что Нина с готовностью продиктовала ему новый адрес и теле-

фон. Но... У Михаила уже была Марина. Поэтому Нине он так и не позвонил, хотя при других условиях был бы не против. Не против ее любви.

Вот с Мариной ему действительно сказочно повезло как раз незадолго до встречи с Ниной. Он уже понимал, что лучшего в его жизни определенно не будет, что это действительно самая высокая вершина его любви, и любые другие открывающиеся возможности уже не могли конкурировать с той, которая уже определенно привела его к счастью.

И сейчас, на Реке, ему вновь страстно захотелось быть с Мариной и в ней, и он еще долго лежал в раскаленном состоянии, представляя, как могло бы быть с ней вдвоем, но в конце концов, измученный невыполнимым сейчас желанием, незаметно уснул.

Глава 6

Открыв глаза, Михаил увидел, что уже рассвело. Он порадовался, что ночь прошла спокойно, вылезать не пришлось. Телу было тепло, и не было нужды ни прятать руки внутрь пуховика, вытянув их из рукавов, ни надевать перчатки. Ноги в «слоновьей ноге» тоже не мерзли. Впрочем, чего было удивляться – все же не зима, не весна, не осень – сибирское лето. Он скользнул рукой вбок и нащупал ружье, затем проверил фонарь в головах. Все находилось на месте, и это радовало.

По тишине за тонкой тканью палатки он знал, что нет ни сильного ветра, ни дождя – словом, никаких осложнений со стороны погоды. Это тоже стоило принимать как подарок, потому что совсем избежать холодных дождевых дней в этих местах было невозможно.

На завтрак он приготовил себе яичницу и геркулес, поев, сразу вымыл посуду. До сих пор его бивак находился в тени, и Михаил, дав себе послабление, перенес купание в Реке на после завтрака. Сделав еще кое-что по мелочам, он, наконец, спустился к воде и разделся. Вода была холодна. Михаил держался рядом с берегом, следя за тем, чтобы течение не понесло его вниз. Секунд через двадцать он вылез из воды и быстро растерся, радуясь, что тело обрело долгожданную свежесть, которую уже без малого сорок лет привык получать по утрам либо от купания, либо от холодного душа. Впрочем, у Марины стаж холодного купания был на полтора десятка лет больше, чем у него. Вскоре после окончания войны она купаниями в зимнем Черном море вылечила себя от туберкулеза, живя у тетки – врача – фтизиатра в крымском военном санатории, да так радикально вылечила, что наблюдавший ее в Москве другой врач сперва не поверил, потом только покачал головой. Собственно, Михаил был уверен, что холодная вода спасла и его, но только от ревматизма, которым он заболел в восемь лет в первый год войны, а не от туберкулеза. Правда, с холодом надо было соблюдать меру, чтобы, как он говорил про себя, «мы с моим ревматизмом еще могли что-то сотворить». Это был метод вышибания клина клином, не часто одобряемый медиками, но Михаил свято верил в него. Одеваясь, он вспомнил, как при нем голенькой купалась Марина, какой доброй и радостной улыбкой озарялось ее лицо, когда она, видя, как он смотрит на нее, растирала полотенцем спину после купания.

В задумчивости он поднялся к биваку и еще долго вспоминал жену, прежде чем стал прикидывать, что делать дальше – продолжить сплав или остаться на месте. В конце концов он решил, что сначала придется с ружьем по окрестностям, а потом уж станет ясно, что предпринять.

Михаил начал траверсом набирать высоту в ту сторону, куда текла Река. Он никогда не упускал случая заглянуть немного вперед. Ему вспомнилась подобная прогулка вдоль Большого Амалата, когда он шел по кромке обрыва, просматривая реку и надеясь увидеть уток, по которым, вопреки привычке, пришлось бы стрелять вниз, а не вверх, но уток тогда не обнаружил, зато просмотрел несколько шивер в каньоне из почти черных скал, по дну которого мощно текла активно прибывающая паводковая вода Большого Амалата.

На следующий день они с Мариной первыми пролетели этот участок и развернулись ниже шиверы носом против течения, чтобы посмотреть, как пройдут остальные, и у них обоих осталось в памяти удивительно счастливое и захваченное азартом бурного сплава лицо Коли, родного сына Марины, который стал затем приемным сыном Михаила. Коле было тогда пятнадцать лет и осталось жить еще почти двенадцать до того дня, когда он разбился под Эмбой на своем истребителе.

Михаил, наверно, имел право считать себя в какой-то степени отцом-наставником Коли, который нравился ему не только как Маринин сын, но и сам по себе – рослый, крепкий, с красивым и умным лицом, достаточно сильно похожим на материнское. Коле было интересно с ним,

поскольку Михаил многое мог объяснить – нередко неожиданным для Коли образом, и это довольно крепко связывало их, особенно в их первом совместном походе по Ладогге, да и потом тоже. Но лишь в походе по Амалату-Ципе-Витиму Коля вдруг догадался, какого рода отношения связывают Михаила с его матерью, и вознегодовал. Позже он признался Марине, что хотел возненавидеть Михаила, но не сумел. И все-таки с той поры в их совершенно естественной искренности что-то лопнуло, да так и не восстановилось в полной мере, хотя оба этого хотели. Коля стеснялся вспоминать о тех неприятностях.

А Михаил горько сожалел, что Марина не предотвратила такого оборота событий, не пожелав все заранее объяснить сыну сама, и потому Коля вступился за целостность семьи своих родителей, как повелевали ему еще детские представления о нерушимости союза матери и отца. В результате Коля преодолел возникший кризис сам с горечью и временной неприязнью. К счастью, это длилось не годы, но пора охлаждения между ними все же имела место, а зря. Могло бы обойтись совсем. Мысли о Коле отступили, когда Михаил ощутил, что подниматься без тропы ему тяжело, хотя он вовсе и не спешил. Не хотелось вводить себя в форму жестким тренингом, да, видно, другого способа не существовало. Точно так же происходило в том памятном месте на Подкаменной Тунгуске, куда они с Мариной и Террюшей отправились на следующий год после Кантегира. На стоянке выше устья реки Вельмо склон сначала очень круто поднимался вверх к нагорью. Первые два раза Михаил поднимался туда с большим трудом, понуждая себя усилиями воли и даже чувством стыда за то, каким теперь стал бывший альпинист, пусть всего лишь третьего разряда, но в свое время ходивший не хуже Коли Черного, будущего восходителя на восьмитысячники в Гималаях. Зато после третьего натужного подъема ноги вдруг обрели необходимую силу и упругость, и он понял, что преодолел обычное для него в байдарочном походе перераспределение сил организма в пользу рук за счет ослабления ног.

Здесь было не так круто, как в том месте на Тунгуске, однако вполне достаточно, чтобы работа не казалась удовольствием. Впрочем, разве теперь он мог рассчитывать на то, что втянется в ходьбу так же быстро, как на Тунгуске двадцать лет назад?

И все-таки он шел и не задыхался. Свежий, несущий аромат сыроватой тайги и свободы воздух заполнял все большее пространство, а заодно – и его, Михаила, легкие, и неба над ним становилось все больше и больше по мере подъема, а ущелье распахивалось все шире и шире, отчего казалось, что скоро он дойдет до гребня, но, как всегда, оказывалось, что видимая кромка – еще не конец склона, и он простирается дальше, только более полого, и вид на скрытую пока сторону мира, если и откроется, то не скоро, но Михаил решил попробовать дойти.

Приближаясь к гольцовой зоне, он испытывал все большее восхищение при виде горной тайги и скальных вершин. Лес у своей верхней границы изредился и не мешал смотреть далеко. Здесь-то и начались заросли кедрового стланика. С ними Михаил хорошо познакомился в Баргузинском походе. Гибкие, изогнутые серповидно стволы, горизонтальные у комля и почти вертикальные на высоте метров трех-четырёх, росли страшно густо, и ему все время приходилось отводить их от себя, пачкая ладони смолой, и стараясь в то же время не споткнуться об очередную подножку, усердно подставляемую на каждом шагу.

Протискиваясь в стланике, приходилось все время помнить о висевшем на шее ружье. Вскоре от всего этого Михаилу сделалось жарко. Кольнуло сердце. Михаил счел за благо остановиться и передохнуть. После остановки в стланике стало тихо, и это имело свои последствия. Не прошло и трех минут, как к нему под ноги выскочил бурундук, нисколько не боясь, остановился, свистнул и отбежал в сторону. Видимо, поданный сигнал был тотчас же принят вторым полосатым зверьком, и скоро они начали гоняться друг за другом, очень живо напомнив Михаилу другую, весьма похожую сценку с бурундуками, только тогда их было трое. Дело было в Баргузинском хребте, в ущелье Хожалого, правого притока Аллы, когда Михаил, Лариса и ее муж Ваня обходили по борту скальный ригель в русле ручья. Ту троицу тоже совершенно

не смущало ни присутствие людей, ни достаточно сильный дождь. Им было весело, и резвились они совершенно безрассудно, прямо-таки завораживая своим энтузиазмом и беготней. Сколько лет прошло, а все помнилось! Сегодняшним бурундукам те, Баргузинские, годились, наверное уже в пра-прадеды. С тех пор у Ларисы и Вани выросла взрослая дочь, хотя ко времени того похода ее еще и в затее не было.

Трудно им тогда приходилось в центре грандиозной горной страны, называемой так невыразительно и умаляюще – просто Баргузинский хребет. Груз был очень велик – в начале пути у Вани и Михаила по сорок килограммов, у Ларисы – двадцать семь. По ошибке, о которой они потом, правда, никогда не жалели, они свернули с Аллы не в Хожалый, а в другую падь, имя которой так никогда и не узнали. Узкая щель ручья привела их к громадной системе разделенных контрфорсами крутостенных цирков.

Как раз в месте расширения долины ручей низвергался со скального ригеля водопадом высотой примерно семьдесят метров. Обходить его пришлось по очень крутому склону, скользкому от сползающего под ногами сырого ягеля, из-под ключев которого проглядывали где скала, где лед. Они вышли, как им показалось, на подходящий контрфорс, ведущий почти к самому гребню ближайшего цирка. Подъем был по-прежнему крутой, но достаточно удобный. Они в приличном для таких условий темпе набирали высоту и вскоре оказались на куполообразном расширении контрфорса, на котором росли несколько последних лиственниц среди обильного кедрового стланика. Было очевидно, что по позднему времени от такой роскошной площадки для бивака, да еще с дровами, которых выше уже не будет, отказываться нельзя. До перевального гребня оставалось немного, но идти дальше, к подножью вершинных башен, не зная, что откроется дальше, за гребнем, казалось чересчур авантюрным. Оставалось позаботиться только о воде. Здесь, на гребне, они находились в безопасности от камнепадов, но по той же причине рисковали остаться без воды.

Михаил всмотрелся через восьмикратный монокуляр в ближайшую скальную стену вершинной башни и сообщил Ване, что скальная плита там определенно мокрая. Они взяли с собой котелки, кружку и полиэтиленовую пленку в виде рукава, в котором могли, правда, не без труда, размещаться все втроем в случае внезапной непогоды. Перегнув трубу поперек, они могли превратить ее в непромокающий мешок и залить туда столько воды, сколько понадобится. Вскоре они уже стояли у основания плиты, по которой действительно тонким слоем стекала вода. Набирать ее кружкой и котелком было довольно муторно, но в конце концов воды они добыли с избытком и спустились с ней на «пуп» к Ларисе.

Здесь они быстро растянули между двумя лиственницами просторный двускатный тент из серебрянки. Это было новшество, которое настойчиво предлагали опробовать в этом походе Ваня с Ларисой. Присоединившийся к ним Михаил вынужден был согласиться, хотя и сильно сомневался, что тент окажется практичнее палатки. Конечно, было хорошо, что он прикрывает от дождя площадь, вчетверо большую, чем палатка на троих, да к тому же под ним можно ходить в полный рост и даже разводить небольшой костер. Зато под такой крышей мог свободно гулять ветер и летать всяческий гнус. И если против гнуса был взят дополнительно марлевый полог, то против ветра, особенно штормового, которому ничего не стоило сорвать громадную крышу, защиты не было. По весу тоже выигрыша не получилось, и вскоре все они убедились, что в палатке было бы уютней, хотя, конечно, и много тесней.

Однако в тот вечер, оставив так много земли ниже себя, погружаясь вместе с соседними цирками в сумерки, они ощущали ненужность своих трудов и красоту жизни, глядя на искрящий костер и полагая, что уже сделали основное, чтобы перевалить в долину Кабаньей. И все же Михаила не оставляло смутное предчувствие, что им неспроста дали так далеко втянуться в западню и теперь осталось только захлопнуть выход из нее. Михаил не стал делиться предчувствием со спутниками. Однако оно не обмануло. На следующее утро погоду было не узнать. Западный ветер нес с Байкала тяжелые облака, срывавшиеся с гребней внутрь цир-

ков разорванными в клочья. Вскоре видимость близких стен, склонов и дна ущелья вовсе пропала. Они оказались зависшими на высоте без возможности продвинуться вверх. Вниз, правда, спуститься ничто не мешало – хотя бы наощупь, но такой вариант их совсем не вдохновлял. Слава Богу, топить костер здесь было чем – стланика росло очень много, воды же с незамедлившим начаться сильным дождем стало и вовсе гораздо больше, чем нужно. Скверно было то, что ветер задувал с незакрытого торца под тент и грозил совсем промочить пока еще относительно сухие спальные мешки. Они вылили из полиэтиленовой трубы хранившуюся в ней воду и, расправив ее в плоское полотно, завесили наветренный торец. Они еще не знали, что им придется пережить непогоду на своем пупе целых четверо суток, почти не выходя из-под тента и мало что видя вокруг себя. В этом то грязно-молочном, то грязно-сером мире совсем другой смысл приобретали звуки. То из одного цирка, то из другого слышался грохот камнепадов, и однажды, уже в темноте, в ближайшем кулуаре на фоне устрашающего громохания каменных глыб, улетающих вниз и сталкивающихся между собой, были видны до жути яркие, длинные языки пламени и вспышки искр, которые они вышибали друг из друга и из скального ложа. Зрелище было недолгое, но впечатляющее. Ни Михаил, ни Ваня прежде не подозревали, что при камнепадах бывает столько огня, хотя оба видели их в горах совсем немало. Большую часть времени ожидания приличной погоды, которая позволила бы двинуться к гребню и за него, они спали или дремали, и все равно оставалась масса возможностей думать, думать и думать. В те дни Михаил как никогда упорно искал ответы на свои вопросы о том, с кем и как жить дальше. После первого Кантегирского похода прошло два года. Последнее свидание с Олей имело место несколько месяцев назад после порядочного перерыва, и он твердо решил, что других не будет, раз она думает, что ей одной дано решать, когда им видеться, когда нет. Быть только любовником по вызову (о том, чтобы он стал Олиным мужем, а она его женой, речи уже не было ни с той, ни с другой стороны) он не собирался. Держать же Олю в положении любовницы по вызову было бы не менее глупо, даже если бы вдруг обнаружилась такая зависимость ее от него (что было весьма маловероятно, потому что Оля перешла на другую работу и этим уже уменьшила зависимость от бывшего партнера по делам), поскольку в его глазах связь на основе диктата с любой стороны теряла всякий смысл. Заменять свободное и искренне влечение принуждением и расчетом все равно означало ставить крест на любви. Это он обдумал крепко и всесторонне. И если Оля считала, что власть ее наготы, особенно потрясающего бюста и невероятной гибкости талии, безгранична несмотря ни на что, то она ошибалась. Односторонней зависимости его от нее не могло быть с той минуты, когда он осознал, каков новый Олин сценарий продолжения их отношений. Означал ли такой оборот дела, что ему есть смысл обратиться назад к Лене? Тоже нет. Михаил прекрасно помнил, какое убеждение возникло у него после первого же слияния с Олей – чем бы ни кончилась их связь, с Леной, он все равно разведется после тех ощущений, которое он испытал с новой любовью. Да, что и говорить, Олины формы и поведение в постели обладали достаточной притягательной силой, чтобы со всем этим никак не хотелось расстаться навек. Однако даже для этого недопустимо было попуститься достоинством, как он его понимал.

Михаил догадывался, как трудно ему придется без женщины, пока он не найдет замену Оле и Лене. С Леной они еще формально не порывали, но до этого оставалось немного. Они уже поменялись ролями в своем теряющем смысл браке – теперь он мог позволить себе больше, чем она, оставаясь более уравновешенным и спокойным в сравнении с Леной – прежде-то было наоборот. Такт некоторым образом в семье еще соблюдался, но только и всего. Близость случалась редко и надобность в этом с обеих сторон была совсем невелика. Претензий и даже интереса к тому, как Лена устраивает личную жизнь, Михаил не проявлял. К его делам Лена была менее равнодушна, однако всерьез в них все же не лезла. Словом, все подтверждало, что им надо не сближаться, а расставаться, и склонность к такому решению была обоюдной.

Когда Всевышний решит дать ему новую любовь и какой эта любовь окажется для него, Михаил ничего не мог знать. Оставалось думать о том, с кем из знакомых женщин, имевших к нему интерес, можно было бы встречаться ради взаимного получения сексуальных удовольствий. Он перебирал в уме разные кандидатуры на роль приятных любовниц, но почти во всех случаях он упустил слишком много времени, чтобы было удобно, да и реалистично воспользоваться тем сигналом, который ему некогда посылали эти дамы и на которые он не отозвался из-за Лены или из-за Оли. Одна только Аля, прождавшая его целых шесть лет, определенно была готова к встрече с ним в любое время, она так и не вышла замуж и не завела себе эрзац-мужа, хотя любовников или просто секс-партнеров, у нее было достаточно. Но история с Алей имела совсем другой смысл в его глазах, и он никогда не рассматривал ее ни в качестве временного заменителя – палочки-выручалочки, ни в роли женщины, которую при каких-то условиях мог бы полюбить сам.

Когда Аля впервые попала в поле зрения Михаила – а они работали в одном отделе, правда, в разных бригадах – она была худенькой быстроглазой девчонкой, пару лет назад окончившей школу, и студенткой-вечерницей, только что поступившей в МАТИ. Михаил и теперь мог поклясться, что даже пальцем не пошевелил, чтобы пробудить в ней особый интерес к себе, однако точно помнил момент, когда заметил, что пробудил.

Как всегда спеша от метро на работу, потому что времени оставалось совсем в обрез, он шел самым быстрым своим шагом, но тут его бегом перегнала девчонка, которую он уже встречал на этаже, но не знал как зовут. Метров через десять девчонка резко потеряла скорость, как осевший по ватерлинию глассер, у которого резко убрали газ. Через пару секунд Михаил поравнялся с ней, и девчонка сразу повернула к нему серьезное и как будто о чем-то вопрошающее лицо в овале черных вьющихся волос. Михаил непроизвольно улыбнулся, а девчонка просияла в ответ, и он подхватил ее под руку, чтобы шла поскорей. Вот и все. Но даже этого оказалось достаточно. Достаточно для того, чтобы в течение шести лет Аля неотступно думала о нем, пыталась его заполучить, но у нее ничего не получалось.

С тех пор Аля начала заходить к нему, и у них шли разные разговоры о всякой всячине – о туризме (ее брат был спортивный турист) и маршрутах походов, о книгах и кинофильмах, да и о многом еще. Наконец, она буквально силой вызвала его на свидание в Филевский парк, возле которого долгое время жила и который просила его называть лесом. Это не могло не смешить, но он согласился: ладно – лес, так лес.

В осеннюю пору парк и в самом деле был хорош, но в нем все-таки было холодно, грустно, туманно. Они углубились в заросли по какой-то дорожке, которую она выбрала, и тут Аля попросила любить ее, и это было уже не смешно, поскольку он совсем не любил, тем более, что и так был уже занят.

– Аля, – сказал он, – ты ждешь от меня то, чего у меня к тебе нет.

Аля вздрогнула, но не произнесла ни слова. И тогда он добавил еще несколько слов, которых, наверное, не сказал бы никогда в иной обстановке, но лес, все-таки лес, обязывал его к бескомпромиссной честности:

– Как хочешь, но путаться с тобой я не буду.

Лицо Али сразу стало болезненным и измученным. Она с трудом перевела дух и спросила:

– Почему?

– Причин, кроме той, что не люблю, у меня еще целых четыре. Но скажу тебе только о двух. Во-первых, ты мне без малого в дочери годишься.

Эта была правда. Тем более, что ему чаще нравились женщины старше его.

– А во-вторых?

– А во-вторых, ты еще невинна, а мне с некоторых пор стыдно отбирать девственность без взаимности в любви.

Аля долго молчала. Потом, словно повинуюсь какой-то странно извращенной надежде, что в возможности преодоления необъявленных двух причинах скрыт, возможно, какой-то шанс на успех, спросила:

– А еще почему?

– Этого не скажу. Ни от тебя, ни от меня оно не зависит.

На самом деле третьей причиной была дама – Оля, которой он был уже занят. А последней – что ему не нравился ее аромат. Но ни того, ни другого он ей так никогда и не сказал.

Тем не менее сказанное и услышанное Аля переработала в своей голове в некую программу сокрушения его доводов. Не прошло и полгода, как она радостно сообщила Михаилу, что препятствие в виде ее невинности устранено. Однако новость не заинтриговала его. Он лишь подумал, что пробудившийся в Але интерес к сексуальным занятиям с другим партнером, возможно, отвратит ее от него. Не отвратил и даже не отвлек. Напротив, обнаружив в себе незаурядное сексуальное дарование, в чем уверяли несколько ее любовников, Аля теперь пыталась заинтересовать Михаила собой хотя бы с этой стороны. Нельзя сказать, что она неверно представляла себе его наклонности, однако собой не заинтересовала. Он и не подумал уступить. Время – целые годы! – шли. Девчонка не уставала менять партнеров, а легче ей не становилось, душа не обращалась ни к кому, проклятье в виде любви к Михаилу не проходило. Он лишний раз убедился в этом, когда однажды случайно обмолвился Але о том, что его посылают в командировку в Ленинград.

– Я поеду с тобой, – немедленно заявила Аля.

– Никуда ты со мной не поедешь, – осадил он ее.

– Хорошо. Я поеду одна. А ты тогда встретишься со мной?

– Полагаю, что нет, – ответил он, думая, что ее намерение ехать за ним в Питер, – чистая блажь и пустая бравада, тем более, что он не сообщил ей, в какое учреждение едет, где собирается остановиться, и вообще считая, что у нее нет никаких реальных возможностей вырваться с работы на целую неделю, не нажив себе крупных неприятностей.

– Посмотрим, – серьезно пообещала Аля.

– Я что? – Это ты смотри, – возразил Михаил. – Я не собираюсь смотреть И он действительно не собирался. Однако все сложилось не так, как он ожидал. Аля – таки разыскала его в Ленинградской гостинице, а потом он еще случайно столкнулся с ней на Невском проспекте. Вид у Али был тухлый. Прodelать такую работу на службе, кинуться в другой город, где о них никто ничего не знает – и на тебе – все коту под хвост. Все же она ожидала, что раз тут не может произойти никакой огласки, он не откажется взять ее и, хоть из подлости, но возьмет. Не взял – ни после разговора в гостинице, ни после встречи на Невском. Правда, что-то, наконец, шевельнулось в его душе при мысли о неприкаянной девчонке, которую он даже не спросил, в каких условиях она живет в Питере после того, как она кинулась вслед за ним из Москвы. Позже она сказала ему, что он поступил с ней вдвойне подло и вдвойне благородно, но это была ее оценка, а не его. Свою вину он по-прежнему не видел и не признавал. И лишь четыре года спустя легкая царапина, появившаяся на полированной поверхности его уверенности в своей правоте тогда, в Ленинграде, однажды вдруг заставила взглянуть на Алину любовь – и на себя тоже – с другой стороны. С неизвестно откуда возникшей ясностью он вдруг увидел в себе человека, который взял на себя – пусть невольно – роль вершителя Алиной судьбы. Дикость! Кто он такой, чтобы из-за его игры в принцип столько лет страдала честная и самоотверженно любящая девушка? Властвовать он не собирался, поскольку ничего от нее не хотел, в том числе и страданий по себе, но властвовал, причем деспотично, жестоко. И это при том, что от него всего-то и требовалось побывать с ней в постели. Мысли о Лене в то время его уже не останавливали, да и об Оле тоже. И та, и другая уже потеряли над ним прежнюю власть. Вот тогда он и осознал, что не имеет морального права отказывать Але в такой малости, как элементарное соитие без любви, после всего, что она ему от себя посвятила. Он

позвонил Але на ее новую работу и сказал, что снимает свое табу. Больше он ничего не прибавил и не предложил. Своей охоты сблизиться с ней у него по-прежнему не было. Из головы не шло только одно Алино деяние как раз в то время, когда они с Леной слишком надолго пропали в первом Кантегирском походе.

От кого Аля узнала, что он с женой и вся их компания не вернулись к контрольному сроку в Москву, Михаил так не выяснил. Зато он узнал – и не только от Али – что она деятельно включилась в спасательные и околоспасательные операции. Во-первых, она явилась к Михаилу домой и предложила себя в няньки его десятилетней дочери. Любящая теща Михаила Анна Ивановна, опекавшая в отсутствие родителей внучку Аню, была ошарашена. Она потом в присутствии Лены и Михаила не раз заговаривала о столь странных поступках (чьих? Али? Михаила?), что она не может их понять, до тех пор, пока Лена не отрезала ей в ответ:

– Ну и зря! Такие вещи все-таки полагается понимать! – потому что у них действительно был шанс не вернуться. Во-вторых, Аля решила организовать поиски пропавших в Саянах через геологические экспедиции, поскольку у нее имелись любовники и среди геологов, которые обещали ей сделать все возможное.

За ответом одного из таких геологов Аля и явилась в выбранный им ресторан, где ее собеседник сказал, что да, по их сведениям, в какой-то туристской группе случилась беда, и один человек погиб. Он не успел объяснить, что трагическое событие произошло в Восточных Саянах, а не в Западных, потому что Аля тут же за столиком потеряла сознание, и только после приведения ее в чувство сообразила, что это не мог быть Михаил. Полностью занятая мыслями о пропавшем в тайге любимом, Аля все-таки вынуждена была время от времени появляться на работе и что-то там все-таки делать. По ее словам, все программы для ЭВМ, которые она тогда писала, были почти сплошь из одних ошибок. Все пришлось переделывать от нуля.

И вот, лишь спустя два года после возвращения с Кантегира, он почувствовал угрызения совести, что и тогда не подумал облегчить ее участь, хотя это было в его руках, пусть даже не целиком. Ныне Алина зависимость от него показалась ему не только некоей абстрактной роковой несправедливостью, но и его, Михаила, грехом, поскольку именно он упорно продолжал выступать перед ней в качестве орудия этой несправедливости. Продолжать быть и дальше таким орудием он не хотел. Остальное зависело уже от Али. Кончилось тем, что она сама позволила ему и раздраженно высказалась в трубку:

– Впервые встречаю мужика, который заявляет, что не прочь спать со мной, а сам не звонит девятнадцать дней!

Ее раздражение, равно как и претензию, Михаил пропустил мимо ушей – он мог не звонить хоть девятнадцать раз по девятнадцать дней и даже больше. Но игнорировать ее заинтересованность после того, что сказал, он уже не имел права и потому назначил ей встречу в квартире своих родителей, уехавших в отпуск, буквально на следующий день.

Он встретил ее у метро, и вскоре они оказались наедине. Аля заметно нервничала, и Михаилу это не нравилось, потому что ее волнение отнюдь не возбуждающе действовало на него в то время, когда предстояла работа, в которой он не должен был проявить себя хуже, чем мог. В подоплке отсутствия энтузиазма, очевидно, было все-таки то, что к Але его никогда особенно не влекло. Внезапно раздался звонок в дверь. Михаил велел Але перейти в кухню и там подождать, а сам пошел открывать. Распахнув дверь и увидев мамину приятельницу, Михаил понял, что оставить ее за порогом невозможно, и провел ее в комнату. Это была дама промежуточного возраста между Михаилом и его матерью, и потому он и прежде посматривал на нее как на желательную и возможную партнершу по сексу, и, видимо, она тоже ощущала сходное волнение чувств, когда встречала его. Так получилось и на этот раз. Эмилия с излишней убедительностью (для этого ей пришлось возвысить голос) принялась объяснять, что просто, оказавшись рядом, решила заглянуть к его маме, поскольку об ее отъезде из Москвы еще ничего не знала. Михаил со своей стороны сообщил, что рад ее видеть, чувствуя, как лихо-

радит гостью, не знающую, что ее ждет в их первом случайном randevу tet-a-tet. Она вышла замуж достаточно поздно – лет через восемь после того, как Михаил женился на Лене, и потому его дочь была заметно старше сына Эмилии. Все это быстро пронеслось в его мозгу, заставив подивиться стойкости их взаимно скрывааемых стремлений к интиму. Ее фигура после замужества несколько расплылась, но привлекательности не потеряла.

Михаил видел, в какое смятение повергает ее мысль, а вдруг он сейчас пустится во все тяжкие, и тогда она окажется перед трудным выбором между сохранением верности мужу и адюльтером с сыном старшей подруги. Михаил действительно пустился бы, но в кухне, как на грех, ждала и слушала весь разговор Аля, а потому он не стал предпринимать никаких покушений. И Эмилия вскоре начала прощаться, одновременно испытывая облегчение и не очень понимая, почему мужчина, в глазах которого зажглось желание уложить ее в постель, не удерживает ее. Наконец, Михаил закрыл за Эмилией дверь и пошел в кухню за Алей. Он застал ее за странным занятием – она как автомат вытрясала в мойку соль из дырчатой солонки. На дне раковины накопилась целая кучка соли. Раздраженный бессмысленностью ее занятия, Михаил отстранил ее от раковины, пустил воду и смыл соль. – «Кто это, Миша?» – спросила наконец Аля. – «Мамина приятельница, но сильно моложе мамы». – «Она явно нервничала, находясь наедине с тобой». – «Совершенно верно, – подтвердил Михаил. – Если б не ты, я бы просто так не выпустил ее отсюда». Трудно было решить, что заставило его досадовать больше: то ли то, что Эмилия вторглась в его уединение с Алей, то ли то, что из-за Али сорвалась уникальная возможность выяснить до конца, так ли далеко, как он сам, разбегалась в мыслях Эмилия насчет их близости.

Однако неожиданный визит давно привлекавшей его женщины не прошел даром. Михаил почувствовал возбуждение, и взяв Алю за руку, повел ее в комнату. Там он сказал: – «Раздевайся! Я пока постелю!»

Одного взгляда на раздевшуюся Алю оказалось достаточно, чтобы вспомнить Фолкнеровское: «она была из тех, кто кажутся худенькими, пока с них не снимешь платье». Да, у нее действительно имелось все, что нужно – теперь он, наконец, разглядел, хотя обычно все хорошо угадывал в женщинах и под одеждой.

Аля не стала перечить его желанию. Это была не неопытная девушка, а выдавшая виды женщина, которая не находит нужным ломаться перед мужчиной, поскольку знает, зачем пришла. Глядя на нее с высоты своего роста, Михаил почувствовал, что недооценивал ни ее сложение, ни ее готовность делать то, что ему нравится, ни ее умения вести себя в деле, и поэтому ему было особенно приятно брать ее. Он входил во вкус открывшейся перспективы и удивлялся, как Аля доблестно воспринимает бешеный натиск и откликается на него. Впрочем, судя по ее рассказам, ей могло нравиться ВСЕ.

Так продолжалось долго. Наконец, Михаил ощутил, что скоро может подступить извержение и, не желая подвергать Алю риску подзалететь от него, прервался на несколько секунд, чтобы надеть презерватив, после чего возобновил штурм с новой силой. Да, с Алей оказалось не скучно и вовсе не пришлось вымучивать «любовь». Михаил отдавался делу со все большей живостью, и когда он в момент кульминации взметнул Алю вверх, это показалось ему достаточно ярким увенчанием их близости, от которой он даже сегодня ничего особенного для себя не ожидал.

Однако чуть спустя радостное настроение было омрачено сделанным открытием. Он взглянул в лицо поднявшей голову Але и показал глазами вниз на себя. Презерватив, который должен был защитить Алю от неприятностей, а Михаила – от угрызений совести, облегал член, как трубка, из которой нахально выглядывала голая головка. Это случилось всего во второй раз в практике Михаила, а с Алей – стоило только начать. Он сразу послал ее мыться, но уже не было никакой уверенности, что она успеет предотвратить нежелательные последствия. Возможно, это еще раз свидетельствовало о том, что им не стоило сближаться.

Это произошло совсем незадолго до Баргузинского похода, а после благополучно возвращения оттуда Михаил пригласил Алю в ресторан. За обедом с хорошим венгерским вином он поинтересовался, все ли обошлось после лопнувшей резинки. Оказалось, что нет, и Але пришлось принимать меры, правда, без скоблежки. Она не выглядела угнетенной из-за такого оборота событий, и потому Михаил спросил, хорошо ли ей было тогда.

– Знаешь, будь это несколько лет назад, я была бы совсем счастлива!

Улыбаясь, они тогда молча подняли бокалы и чокнулись. Оставалось надеяться, что воспоминания об их интимной встрече останутся в ее памяти как все-таки нечто приятное.

Провожая Алю из ресторана, Михаил вполне уверился, что ей хочется продолжать связь. И у них состоялось еще несколько свиданий, уже в ее квартире, когда матери не бывало дома. Михаила эти встречи не тяготили, но и не особенно воодушевляли, хотя некоторые вещи было действительно приятно вспоминать.

Все кончилось неожиданно и очень быстро. Последняя встреча началась как все предыдущие. Они уже разделись, однако Аля не пошла сразу в постель, а села в кресло.

– Я больше не могу без твоей любви, – глядя вниз и мимо Михаила без предисловий сказала она.

Михаил промолчал. Отсутствие любви с его стороны было очевидно с самого начала, то есть уже шесть лет подряд. Или она надеялась пробудить любовь, понравившись ему в постели, всколыхнуть нужные и желанные ей чувства, большие, чем простое влечение? Но нет, не всколыхнула, не пробудила. Чего не было в основе, то так и не появилось. Да и могло ли?

Михаил стал молча одеваться. Конечно, он мог еще раз настоять и на прощанье полежать с ней в постели. Однако в этом случае он урвал бы удовольствие только для себя, а это после всего, что ей так хотелось получить от него, было бы стыдно. Он бегло и безразлично поцеловал ее в последний раз и ушел, не оборачиваясь. Больше он не видел ее никогда, и сама она тоже почти никогда не звонила. Должно быть, ей полегчало. Значит, он все же помог ей сбросить с души мертвый балластный груз. А другой цели у него и не было.

Михаил очнулся от воспоминаний о Баргузинском походе и о том, какие мысли занимали его, пока они отлеживались под тентом на пупе в Ущелье Задохликов в ожидании скольконибудь сносной погоды. Задохликами Лариса называла и своего мужа Ваню, и Михаила. Себя она считала здоровячком. Задохликам же прозвище не показалось обидным, особенно Михаилу. Он еще в Москве предупредил будущих спутников, что после голодного похода в Саянах у него под грузом все еще возникает онемение плеча и верха левой стороны груди. Поэтому ему могут понадобиться более частые остановки. Так оно и происходило. Но частые остановки на отдых на самом деле радовали всех.

Михаил возобновил подъем в стланиковых зарослях. В них и прежде не удавалось двигаться с большей скоростью, чем два километра в час. Сейчас же сил стало меньше, и напряжение начало перерастать в перенапряжение, которого следовало опасаться. Но он напомнил себе, что идет налегке. Без рюкзака, с одним ружьем, пантронтажем и топором и еще способен некоторое время терпеть.

Вознаграждение за упорство не заставило себя долго ждать. Стланик кончился. Выше простирался склон, подножье которого заросло карликовой березкой, а дальше шли замшелые скалы. Гребень, чувствовалось, был уже недалеко, потому что по другую сторону ущелья кромка хребта уже не мешала заглядывать дальше, а, судя по карте, оба борта по сторонам Реки были примерно одинаковой высоты.

На этот раз Михаил не ошибся. Стоя на гребне, он смотрел, сколько еще хребтов стало видно отсюда. Выходило где четыре, где пять, причем последний, как и полагалось, выглядел синим. Как все, манящее к себе и отдаленное, чего так хочется достичь и что так редко оказывается достигнутым. Михаил искал глазами узловую вершину у истоков Реки. Она еще была

видна, и ему снова, как и при подлете к началу маршрута, стало щемяще жалко, что никогда не сможет взойти на нее. Оглядев окрестные склоны в подзорную трубу – вдруг увидит изюбрей, сохатых, медведей, горных баранов, наконец – но, так ничего и не увидев, стал кадр за кадром снимать панораму гор. Он надеялся на свою зрительную память, но подспорье ей в виде слайдов все равно следовало иметь. Тем более, что иначе он до Марины ничего не смог бы донести. Закончив съемку, Михаил поспешил вниз. Налегке он еще мог спускаться достаточно быстро, пока было видно, куда ставить ногу. Вскоре, он достиг пояса стланика. Здесь пришлось обуздать свою прыть, чтобы не споткнуться и не загреметь носом вниз. Стланик требовал уважительного и прилежного отношения к себе как на пути вверх, так и вниз. Наконец, и стланик остался позади, но в высокоствольной тайге также нельзя было позволить себе расслабиться. В целом мире не было никого, кто пришел бы сюда ему на помощь – зови-не зови.

Через три часа после ухода со своего бивака Михаил вернулся назад. Начинать сплавляться сегодня было уже поздно. Да он и не рвался. Смена образа жизни, утомление после перелетов с пересадками из Москвы располагали к тому, чтобы устроить дневку. Тем более, что он и не бездельничал – поднялся к гребню хребта, осмотрелся с высоты птичьего полета и мог радоваться, что уложился в такое время. В прежние времена сказал бы – сбегал. Теперь уже нет. Сходил туда и обратно. Его немного удручало, что на всем пути вверх и вниз он не встретил никакой живности, даже рябчиков, кекликов и давно не виданных черных белок, не то что крупных зверей. Правда, это не очень удивляло. Только в городе можно воображать, что как только войдешь в редко посещаемую людьми тайгу – так сразу и окажешься в охотничьем эльдорадо. И хотя сам Михаил пока не нуждался в дичине, ему хотелось воочию убедиться, что дичь тут действительно есть, а не только ДОЛЖНА водиться. Конечно, тайга не стояла пустой. Просто он, пришлый, невежественный и недостаточно внимательный, как не знал, так и не знает, где в данное время могут жить и кормиться животные, с которыми он хотел повстречаться. Лет шестьдесят назад, когда в здешние края хлынула масса народу, зараженного золотой лихорадкой, могло быть выбито действительно все почти дочиства ради выживания в условиях из рук вон плохого снабжения конскими караванами по горным тропам, а то и без любого снабжения вообще для всех тех, кто самостоятельно искал свой фарт и углублялся в дебри, таясь от других хищников – конкурентов. Прятаться им было где и в бассейне этой Реки с сотнями ее притоков и ключей, у каждого из которых имелась своя падь или ущелье, и в бассейнах десятков других крупных рек, питающих очень крупную золотоносную реку, знаменитую своими приисками до сих пор.

Но Реку, выбранную Михаилом, старатели – золотишники оставили в покое давно. То ли из-за того, что богатых россыпей, как ни старались, так здесь и не нашли, то ли из-за необычных трудностей передвижения и частой гибели от голода или на плотках в порогах, которыми особенно славилась именно эта Река. Так что выбитое или распуганное зверье должно было успеть восстановить свое присутствие во всех подходящих биотопах примерно в прежнем числе. Бог миловал эти места от нового разорения, поскольку даже вертолету тут негде было садиться – в этом Михаил уже удостоверился сам. А местная номенклатура и другой начальственный люд, имеющий возможность отправляться на охоту вертолетами, никогда не позволял себе унижаться (или рисковать?) спускаться с его борта или подниматься на борт во время зависания машины над землей. Могли, конечно, пострелять кое-где геологи и геодезисты. Этих могли сбрасывать и с зависания. Но их никогда не могло быть много. К тому же, вероятно, они тоже давно завершили свои работы и, натерпевшись за полевой сезон всякого разного, с удовольствием вернулись обратно к жилью. Кто здесь еще мог бывать? Старые насельники, эвенки? Они, конечно, могли. Но их всегда было очень мало. Разве что какой охотник, преследуя зверя, выйдет к этой Реке. А долговременных становищ эвенки здесь никогда не устраивали, должно быть, из-за отсутствия хороших пастбищ для оленей. Вот они-то все знали, где кого искать и добывать. Но и у них случались времена, когда никого не удавалось добыть. Даже

к детям своим, которых она кормила тысячи лет, тайга порой проявляла убийственную суровость. Наверное, чтобы помнили, по чьей милости мы вообще тут живем.

Михаил заготовил сухостой для костра и начал готовить обед. Под руководством Марины, а отчасти и Лены, он неплохо освоил простую походную кулинарию, но готовить он все равно не любил, особенно из-за того, что это требовало много времени. Еще в прежних одиночных походах Михаил понял, что у профессиональных охотников, промысляющих без «связчиков», постоянно есть только одно – цейтнот, потому что рутинных дел для элементарного поддержания жизни у них выше крыши, не говоря о невероятных затратах времени и труда собственно на промысле. В сравнении с ними Михаил был всего лишь сибаритом и бездельником, от скуки или ради удовольствия предпринявшим экскурсию в места, куда ему лучше было бы не соваться. Их занятость необходимыми делами превышала его занятость в несколько раз. А, впрочем, что толку сравнивать – он был и останется туристом-любителем природных красот и острых путевых ощущений; промысловики же были и остаются деловыми людьми, которым некогда паясать на не имеющие отношения к добычанию пушнины и зверя или к выживанию вещи. Даже сезоны пребывания среди природы у них не совпадали – Михаил уходил в леса или тайгу в основном весной и летом, промысловики – поздней осенью и зимой, когда климат особенно суров, а световой день так короток. Напившись чаю, Михаил подумал, чем ему еще предстоит заняться. Надо было начать писать дневник – и для того, чтобы он впоследствии напоминал о происходившем в походе, и для того, чтобы не сбиться в счете дней. Эта привычка сложилась давно. Правда, в этот раз Михаил взял с собой радио, но оно могло испортиться и подвести. Еще, пожалуй, следовало оснастить спиннинг и попробовать половить, тем более, что время шло к вечерней заре. Надежды на удачу было мало, поскольку за десятки лет пользования спиннингом он так и не вник в суть тонкого искусства подбора друг к другу таких компонентов орудия лова, как длина и гибкость удилица, конструкция и диаметр катушки, толщина лески, вес, форма и цвет блесны или другой приманки. К тому же все это в сборе должно было соответствовать сложению, силе, знаниям и умениям рыбака – куда можно забросить, на какой глубине вести, поднимая и опуская, блесну, ускоряя и замедляя ее ход.

Все это Михаил представлял в абстракции, а пользовался тем, что покупал в магазинах – либо по книжным подсказкам, либо по наитию.

Неудивительно поэтому, что дальние забросы ему удавались не часто, точностью бросания он тоже похвалиться не мог, варьировать нужным образом ведение блесны догадывался редко. И, тем не менее, он не всегда оказывался без рыбы.

Надо было найти место, удобное для бросания, чтобы, размахиваясь, не зацепиться спиннингом или блесной за ветки или скалу. Михаил решил пройти выше по Реке, к устью ручья, протекавшего в глубокой пади. Там над водой возвышалась пологая скальная плита. С нее он и сделал несколько забросов наискось и выше по течению, чтобы оно сносило блесну, как когда-то советовал Вадим. Первые забросы прошли впустую, что Михаил принял, как должное. Поэтому при следующем он удивился, когда почувствовал сильный рывок, но все же подсек без промедления и стал подматывать, с нетерпением глядя туда, где из воды на поверхность выходила леска. Рыба шла, отчаянно сопротивляясь, и удилице то и дело гнулось дугой. Наконец, он увидел мелькнувшую на поверхности рыбу, довольно большую, и подумал, что это скорее ленок, чем хариус или кто-то другой. Когда он подвел рыбу к плите, на которой стоял, стало видно, что это действительно ленок – красавец и удалец холодных сибирских рек, серебристый с тонкими красными кольцами по бокам на теле, мощный и непреклонный. Первые он поймал такого на Енисее в устье речки Таловки, выше знаменитого Большого Порога, который они с Мариной все-таки прошли на своей байдарке «Колибри». Когда они предвзрительно просматривали Большой Порог с берега, Михаила только оторопь брала при виде стояков – нет, даже не стояков, каких-то вздыбленных водяных столбов и фонтанов, взмывав-

ших в небо на высоту метров пяти и даже семи. Но то было под дальним левым берегом Енисея, а непосредственно у самого ближнего берега это все-таки были просто стояки до двух метров высотой, и он рискнул на спуск через порог вместе с Мариной, тем более, что она вдруг запела, правда без слов, мотив арии тореадора: «Тореадор, смелее в бой!» – еще из Бизе, а не из Щедрина-Бизе, как стало модно во второй половине XX века. Михаил привык находить в себе решимость для прохождения рискованных мест самостоятельно, без того, чтобы его стыдили или взывали к лучшему в глубинах его смущенной души, но здесь место было очень серьезное, а байдарка у них была самая легкомысленная – «Колибри», хоть и с фартуком. И потому, несмотря на свою решимость не делать обноса, как рекомендовалось и туристской литературой и памятными обелисками с портретами тех, кого взял Большой Порог, Михаилу долго пришлось бороться с сомнениями.

Кстати, Марина больше никогда и нигде не взывала к его смелости, как в тот раз. Наконец, просмотрев порог и наметив линию движения, он собрал волю в кулак и помог Марине устроиться в переднем люке «Колибри», предварительно заставив снять высокие сапоги. Сам он тоже разулся и заступил в воду, прежде чем отвалить от берега, в одних носках. Заняв свое место на корме, он сразу нашел ступнями педали управления рулем и развернул байдарку носом вниз. Он даже удивился, насколько лучше разутые ноги чувствовали, как управлять рулем. Больше он не разулся перед порогом нигде и никогда. Марину он еще порой высаживал из судна, как, например перед четвертой, пятой и шестой ступенями Иньсукского каскада на Кантегире или перед последним каскадом порогов на Улите. Но в Большой порог Енисея они вошли вдвоем, и теперь Михаил во все глаза смотрел, куда направлять нос байдарки и командовал, не обращая внимания ни на берег, мимо которого они пронеслись, ни на обелиски, и лишь после бешеной гребли, выскочив в нижний плес, уже на спокойной стремнине, Михаил дал выход своей радости и что-то прокричал. Вскоре после поворота Енисея влево они с Мариной пристали к левому берегу и выгрузились, чтобы остановиться на ночлег. Воды на дне судна оказалось на удивление мало, хотя байдарку и захлестывало поверх фартука в стояках. Радость от прохождения Большого Порога прямо-таки распирала его изнутри, и Марина, наблюдая за ним, тоже счастливо смеялась. В тот вечер она напекла много толстых лепешек-ландориков, которые не очень хорошо пропеклись. Наевшись их вволю, Михаил потом долго мучился тяжестью в животе, но все равно продолжал радоваться, что они прошли, а не обнесли порог, и потому, лежа кверху пузом на лапнике, он то постанывал, то вместе с Мариной смеялся, в том числе над собой, и эти два одновременно проявлявшиеся чувства боли от неумеренного поглощения сыроватого теста и радости от душевного подъема после успеха в Большом Пороге запомнились ему навсегда, как и сам колоссальной мощи порог, давно уже скрытый толщей воды, подпертой высотной плотиной Саянской ГЭС и невидимый теперь никому и больше неизвестный никем, кто не застал его в первоестестве. Да и этих – заставших – то – скоро уже не должно было остаться в живых – тех, кто с замиранием сердца смотрели на Большой Порог, содрогались от его оглушительного грохота и застывали от восторга и ужаса, глядя, как воды километровой ширины Енисея втискиваются в двухсотметровое русло порожного лотка, и, сходя с ума, взметываясь и проваливаясь, пролетают мимо, чтобы успокоиться там, где скорость течения Енисея становилась «всего» пятнадцать километров в час. Михаил с Мариной не переставали жалеть об этой утрате – как об утрате великого творения, которое лишь по великой глупости и неведению можно было допустить. Только после того, как канул в глубокую воду Большой Порог Енисея, Михаил смог представить, что сходной, хотя и меньшей потерей было исчезновение Днепровских порогов выше замечательно красивой арочной плотины ДнепроГЭСа, а еще – какую потерю причинят сами себе китайцы, стремящиеся переплюнуть Запад, утопив все великие пороги Янцзы и лишив потомков возможности знать это чудо, способное сильнее и благотворнее всяких технических достижений воздействовать на души смертных и на их умы.

К сожалению, по большому счету человечество всегда с готовностью отдавало рубль за пятак, лишь бы это содействовало приращению преходящих фактически и исторически сиюминутных удобств, где бы они ни развивали «цивилизацию» – в Америке, Швейцарии, России или Китае. Потери высшего порядка для осознания сути Разумнейшего мироустройства, предпосланного появлению человечества, в расчет не принимались нигде.

Оттого-то Михаила и радовало, когда какой-нибудь претенциозный план преобразования природы, выдвинутый «продвинутыми умами» и в принципе одобренный властью, так и не осуществлялся. Об одном из них, нацеленном на переброску вод из бассейнов северных рек Печоры и Вычегды через Каму и Волгу в Каспийское море (чтоб не мелело), он впервые услышал от печорского речника-путейца, с которым разговорился на борту теплохода «ВТУ-324», по пути от станции Печора к устью Подчерья.

Погода стояла прекрасная (она надолго испортилась позже, когда они уже были на маршруте). Плоские и довольно низкие берега великой европейской реки уходили назад по мере приближения к цели. Слева по борту, в нескольких десятках километров на восток от Печоры уже замаячили остроугольные массивы Сабли и Неройки, а перед ними простиралась труднопроходимая заболоченная тайга.

Речной инженер ехал в верховья с какой-то инспекцией в связи с маловодьем, угрожавшим приостановить судоходство, и Михаил поинтересовался, как можно исправить положение.

– Дноуглубительными работами на перекатах, – ответил речник.

– А какие глубины должны быть?

– У нас гарантированный минимум – девяносто сантиметров при ширине фарватера пятьдесят метров. Пока еще держим.

– Да, я видел на сигнальных мачтах, – подтвердил Михаил, – где метр, где метр десять. Но все же многоставный плот недалеко отсюда на мель засадили.

– Верно, я было тоже забеспокоился, но как увидел, что он за обстановкой, так и думать о нем перестал.

– Углублять русло на перекатах, небось, дорогое удовольствие?

– Конечно, дорогое. Да сейчас и не поймешь, что тут вскоре будет. Тут ведь у нас немного повыше – около Усть-Вои собираются строить высотную плотину.

– Да ну? Для чего? Чтобы на всей верхней Печоре гарантийный минимум без землечерпалок держать?

– Не только на Печоре. Тут сразу еще и Вымь и другие притоки Вычегды перегородят. Для этого нужна плотина высотой в восемьдесят метров и длиной в четырнадцать километров.

– Ничего себе! Это сколько египетских пирамид? Штук сто пятьдесят по объему? Таких вроде в мире еще не строили!

– Да. Ну вот и представляете, какие тут будут глубины.? А нам из министерства речного флота велели представить перспективную заявку на дноуглубительную технику. Вот и думай тут, нужна она будет или нет?

– Обычная вещь. Строить будет одно министерство, эксплуатировать водные пути – другое. Ваше начальство полагает, что если будут строить, то долго, не одну пятилетку, а ему все это время надо обеспечивать грузоперевозки и лесосплав. Отсюда и требование заявки.

– Наверное, так, – согласился речник.

– А что будет с семгой? Выше плотины она, видимо, не пойдет, даже если построят рыбоподъемник, как на Волгоградской ГЭС. Осетровые там игнорировали его.

– А кто тут будет думать о семге? – махнул рукой речник.

– Как кто? – усмехнулся Михаил. – Начальство. Оно ее очень любит употреблять.

– А-а! Так начальству в других местах наловят, хотя печорская действительно считается самой лучшей.

Они замолчали, провожая глазами исключительно фигуральную и действительно красивую девушку из команды судна. Михаилу вспомнились ее слова, которыми она приветствовала их компанию на борту: «Такого парохода вы еще не видели!» Вскоре после того, как они отвалили от пристани, она переделалась из форменного в другой костюм, который, видимо, считала своим рабочим – узкая черная юбка, туго обтягивающая великолепные бедра и зад, темная блуза, замечательно воспроизводящая форму высокой, таранной соблазнительности, груди, черные чулки, туфли-лодочки на высоком каблуке.

– Кем она служит на борту? – спросил Михаил.

– Станком для экипажа, – коротко обронил речник. – А числится матросом.

Михаилу еще никогда не доводилось слышать слово «станок» в применении к женщине, занятой на сексуальной работе. Но от этого оно, пожалуй, только выгадывало в выразительности в сравнении со словами, которые всегда легко находятся в уме и готовы сорваться с языка. И действительно часто срываются.

– К нам сюда много прислали тунеядцев, – неожиданно добавил речник. – В Москве и Ленинграде им, видите ли, не место. Отдали нам.

Михаил подтверждающие кивнул. Кампания, которую власть именovala «борьбой с тунеядством», начатая восемь лет назад, выходит, еще не заглохла. Тогда из многих больших городов, не только из обеих столиц государства, повысылали «нетрудовой элемент».

Многим жрицам любви, заранее не позаботившимся обрести высоких покровителей, пришлось переехать на Север или даже за Урал. Впрочем, не только им – Иосифу Бродскому тоже.

– А чем они занимаются здесь? – спросил Михаил.

– Да тем же самым, что и прежде. Ворье – ворует. Фарцовщики — фарцуют. Алкаши – пьют. Женщины – сами понимаете, чем.

– А их заставляют поменять профессии?

– Заставляют, да что толку? Приходит такая с предписанием устраиваться на работу.

Спрашиваешь ее: «Что умеешь делать?»

– «Да ничего, – говорит, – не умею. Кроме хера и шампанского в жизни ничего в руках не держала».

Это «к кроме хера и шампанского» столь же крепко запало с тех пор в память Михаилу, как и «станок для экипажа». Впрочем, как и сожаление о том, что та самая безусловно искренняя красивая девушка с черными волосами и живым взглядом глаз, в чей адрес были сказаны столь явно определяющие ее статус слова, не может удостоиться в обществе более соответствующих ее богато одаренной натуре выражений. Не просто же она «станок» или держатель «хера и шампанского». В ней явно было много чего еще. Впрочем, тем и была во все времена неукротимо сильна проституция, что ею занимались далеко не только отбросы общества, но часто даже лучшие и привлекательнейшие не только по внешности, но и по уму, темпераменту, пронительности, умению себя вести так, чтобы навсегда эстетически запомниться мужчинам, представительницы прекрасного пола. Прекрасное влекло к себе всегда и везде. Часто даже в сфере платного секса. Или бескорыстного блуда, как, скорей всего, и было здесь, на борту теплохода «ВТУ-324». Может быть, именно из-за нее, из-за этой молодой потрясающей женщины, встретившей пассажиров многообещающим приветствием: «Такого парохода вы еще не видели!», которая проходила мимо дразнящей, но не вульгарной походкой, стуча по палубе туфлями на шпильках, в таких подробностях запомнился тот рейс по Печоре, разговор с речником, виды по берегам реки, ожидание трудной работы на обмелевшем Подчерье и многое другое. Даже странное название судна – и то не забылось. «324» – понятно, регистрационный номер. Но что представляло собой «ВТУ»?

Глава 7

Михаил решил отварить пойманного ленка. Он снова распалил костер, положил куски рыбы в воду и начал ждать, когда она вскипит. Нежное мясо не нуждалось в длительной варке. Заметив кипение, он всыпал соль и специи и вскоре снял котелок с огня. Дав ароматной ухе немного остыть и выпив для начала стаканчик кагора, он приступил к еде. Леноч был замечательно вкусен с тостами из черного хлеба, который Михаил поджарил на сухой сковороде. Потом он снова выпил чаю и стал ждать сумерек. Вдоль реки с верховьев тянул достаточно свежий ветер, чтобы гнус почувствовал себя неуютно. Самому же Михаилу в пуховике с надетым на голову капюшоном было хорошо и тепло. Ружье лежало у него на коленях, и сам он ощущал себя в таком положении каким-то подобием статуи, которая, однако, одушевлена и чего-то ждет. Поймав себя на этой мысли, он попытался понять, чего же он может – нет, не дожидаться – просто здесь ждать? Прихода с наступлением сумерек сторожкого зверя? Но что было делать зверю рядом с биваком Михаила, от которого за версту несло запахом дыма? Появления ночных светил над головой? Пожалуй, ему хотелось увидеть звезды, но для этого пришлось бы долго ждать. Даже полюбоваться ночным видом реки было проблематично. Пока что освещение было сумеречным, а не ночным, видеть же что-то во тьме без Луны было невозможно.

Нет, скорее всего ему хотелось прикоснуться и приобщиться к неведомой, но безусловно существующей духовной субстанции, посредством которой, оставив тело, он смог бы перенестись духом и душой к Марине или принять ее дух и душу здесь, у себя. Увидеться с ней и с родными собаченьками, по которым тоже постоянно скучал как по малым детям – вот это ему действительно было нужно, но к тайне волшебных перемещений он, по грехам своим и запоздалости мистико-эзотерического развития, не был приобщен.

Что в таком случае ему оставалось хотеть, сидя здесь, над рекой, рядом со своей палаткой? Просто чувствовать себя частью природы, которая его вроде бы и не ждет и без него не скучает? Слиться с ней для него было не более реально, чем например, чучелу сделаться естественной частью зернового поля или огорода.

Однако чувствовать себя внутри природы было для него крайне важно. Для чего еще уходить от цивилизации в одиночество, если не для того, чтобы внимать гласу пустыни, зову звезд, видениям из памяти?

Ведь все равно нашу тонкую суть заберут из плотного материального мира, в который мы временно помещены и в котором пытаемся комфортно устроиться с помощью хитростей цивилизации, переместят в другое пространство, в другую реальность, где действуют другие законы естества, где само естество, включая время, другое, скорее всего, пока непредставимое для нас. Что же нам дано взять с собой отсюда ТУДА после прохождения очередного семестра тренинга и испытаний?

Очевидно, то, о чем мы имеем самое смутное представление – о нашем истинном характере, с каким мы явились в этот мир, и о том, что мы в себе и в нем изменили, что прибавили со знаком плюс или минус – короче то, о чем мы с трепетом узнаем, когда нас призовут на страшный Небесный Суд – и не раньше. Последнее, правда, не исключает нашей обязанности стараться кое-что представить себе заранее, что тогда сочтут за заслугу, а что за ужасный грех. Если б такое сознание было свойственно нам с малых лет, возможно, у нас появился бы шанс превратиться из неудачливых рабов Божьих, барахтающихся в своем несовершенстве в каждой новой инкарнации (как и в прежних), в сознательных сотворцов Всевышнего, осуществляющих развитие какой-то части Мироздания в точном соответствии с Промыслом Божьим. Но до статуса Сотворцов надо расти и расти, самостоятельно догадываясь, что делать,

чего не делать, и твердо зная одно: ошибки нам дорого обойдутся, а без самообуздания перед лицом разнообразных соблазнов своего духовного роста нам никак не достичь.

Погруженный в привычные раздумья, Михаил в конце концов перенес свое кресло-матрац внутрь палатки, залез в «слоновью ногу», поворочался, вспомнил Марину, детей, внуков и собак, обратился с мыслями о них к Богу и вскоре заснул.

В тот раз Михаил договорился с Мариной о том, что встретит ее через день на пристани М... Ему самому было несколько странно, что он отправился туда без нее, словно не мог подождать дома еще пару дней. Но факт оставался фактом – он был на борту судна на воздушной подушке один. Кто ему посоветовал побывать в окрестностях пристани М., он уже не помнил, но по виду это был приличный и знающий человек. Судно могло лететь на своей воздушной подушке не только над водой, но и над сушей – и действительно летело над степью со скоростью свыше ста километров в час, пронзая корпусом воздух и превращая его за собой в беснующиеся струи и вихри. Он смотрел с кормы вниз и назад, на убегающую от него Землю, всю сплошь покрытую желтой сухой мятущейся травой, пока кто-то не прокричал над его ухом, пробиваясь сквозь рев турбин, пропеллеров и вентиляторов: «Пристань М...!» – и тотчас от толчка в спину вылетел за борт и увидел, что лицом вниз летит над сушей, почти не отставая от своего судна, как вдруг Земля под ним разверзлась, и он вылетел за кромку обрыва высокого берега и продолжил полет уже над синей водой, пока, наконец, по параболе не спикировал в нее, выбив своим телом тучу брызг. Омерзительное чувство катастрофы и ожидания последнего удара сменилось мыслью, что он все-таки уцелел и надо попробовать выбраться на берег. Во время полета он увидел, что совсем близко от его траектории находится желтая отмель, покрытая очень тонким слоем воды, попади на которую он бы непременно разбился. Удара, всплеска корпуса улетевшего вперед судна Михаил не видел и не слышал, а вынырнув и подняв голову над водой, и вовсе перестал думать о нем. Надо было выживать. Михаил сделал несколько гребков и попробовал достать ногами дно. Получилось. Вставая на ноги, он увидел недалеко впереди от себя на песчаном пляже довольно большую компанию тепло одетых рыбаков в высоких сапогах, с рюкзаками и зачехленными удилищами, которые только что поднялись с песка, судя по тому, что многие из них еще отряхивали ладонями свои зады. Они уходили вниз по течению, успев, по-видимому, неплохо провести время: походка показывала, что они уже порядком набрались. Михаил не сразу понял, кого они напомнили ему своим явным нежеланием смотреть в его сторону, но немного спустя осознал, что точно так же встали и молча, не оглядываясь, пошли прочь от мельничной плотины на реке Граничной два разочарованных зрителя – офицер и деревенский мужик. Надо думать, они явились посмотреть, как слетевшиеся на майские праздники туристы будут барахтаться после прохождения мельничного желоба ниже плотины, упуская свое барахло. Михаил, высадившийся с Мариной перед плотинной, прикидывал, что тут можно сделать в желобе, который был чуть шире байдарки и к тому же на небольшой высоте был перекрыт частыми распорками. Выходило, что либо желоб надо проходить лежа, либо спускать лодку вниз на бечеве без экипажа. Направить судно бечевой туда было непросто, да и в случае, если бы оно вошло в желоб точно, оно почти сразу скрылось бы из вида. Легче было завести судно в желоб самому, а затем, не теряя ни микросекунды, улечься в байдарке на спину, уложив весло вдоль деки и придерживая его рукой, чтобы не упустить от себя, потому что внизу надо было сразу вскочить и грести к берегу, чтобы взять Марину. Все получилось очень эффектно. Байдарка – для зрителей – как будто пустая и без привязи – пулей выскочила из крутого желоба и пошла к берегу через плес. И вдруг из нее поднялся человек и, как ни в чем не бывало стал грести, направляя судно совсем не туда, где его ждали, и пара зрителей сообразили, что ни зрелищем, ни поживой для них здесь больше не пахнет. Было отчего разочароваться. Как и этим рыбакам, напоминавшим стервятников, слетевшихся на верную добычу и совершенно обманувшихся в ожиданиях. Впоследствии с тем или иным

риском Михаил не раз применял такой «лежачий» прием прохождения в разных быстротоках из-за своего стойкого отвращения к обносам.

А сейчас Михаил повернул в противоположную от рыбаков сторону и поднялся на береговой яр, над которым уже пролетел, наверху оглянулся, вновь припомнив все, что случилось, и подивился той слаженной, четкой работе штурмана и матроса, ответственных за точное пассажирометание на пристань М. Чувствовался солидный опыт экипажа в таких делах, как и прекрасные актерские способности того агитатора-доброхота, который был, скорей всего, постоянным поставщиком пассажиров на пристань М. Только тут Михаил вспомнил о Марине и о том, что послезавтра точно так же будут выбрасывать за борт и ее. Пронзивший его ужас требовал что-то немедленно предпринять для спасения любимой, но не успев ничего придумать, Михаил проснулся...

Все еще находясь во власти кошмара, он стал и так, и эдак вспоминать полное название этой дьявольской пристани, но оно не давалось. Наконец, он оставил попытки расшифровать букву «М» и начал думать о гораздо более важном – что это был за сон и о какой угрозе он мог предупреждать? Это был первый цветной сон в его жизни – до этого он видел только черно-белые. Перебор в уме различных вариантов, ни к какому выводу не приводил. В конце концов ему стало ясно одно. Для того, чтобы не подвергать опасности Марину, надо перво-наперво не оставлять ее одну, а, кроме того, не слушать советов чересчур старательных, но незнакомых доброхотов.

Снаружи уже начало светать. Михаил снова заснул, а когда пробудился, на крыше палатки уже играли солнечные пятна и тени. Он принялся соображать, что же означали собой основные цвета увиденного под утро сна – синий и желто-охристый. Синей была вода, желтой прошлогодняя трава, охрой – яр, над которым он пролетел. Итак – в основном желтый и голубой, жовто-блакитный, как флаг самостийной Украины. Если считать, что сон может быть связан с Украиной, то он затруднялся как-либо развить такую тему. С Украиной он был почти никак не связан, причем уже давно.

После смерти бабушки в Харькове он ни разу не побывал на Украине у оставшихся родственников со стороны мамы. Теперь там и вовсе никого не осталось, кроме одной кухни. Бабушку и дедушку Михаил очень любил. И они очень любили его – своего старшего и единственного внука (остальные были внучки) – радовались каждому его приезду – и малышом, и школьником, и студентом, и инженером. Дважды он приезжал к ним после альплагеря и гостил несколько дней. Во время первого из этих приездов он посетил и двоюродную бабушку тетю Маню. Тогда она сильно насмешила его своим вопросом: «Скажи мне, только честно, сколько твоих товарищей погибло?» Михаил понял, что в ее представлении гибель не только угрожает альпинистам на каждом шагу, но и действительно происходит, так что путь восхождения и спуска с вершины просто выстлан телами погибших. Он тогда ответил: «Никто» – и по лицу тети Мани понял, что она ему нисколько не поверила, да еще и осуждает за явное вранье и неуместную веселость. Конечно, по рассказам инструкторов и по книгам о восхождениях Михаил знал о многих трагедиях в горах. Это случалось и при резком ухудшении погоды, и при попаданиях в лавины, камнепады или ледовые обвалы, и при переправах через реки и, естественно, при срывах, о которых только и думала двоюродная бабушка – врач по специальности. Наверное, ей было бы удивительно узнать, что бывают на высоте и смерти от сердечной недостаточности, и смерти от отека легких, которые приписывалась врачами особо скоротечному в условиях гипоксии воспалению легких. Михаил также долго верил в эту сказку, пока сам, правда, на равнине, не заболел бронхиальной астмой. Собственный горький опыт и наблюдения привели его к ряду выводов. Во-первых, участковые врачи в большинстве своем плохо различают воспаление легких и бронхиальную астму. Поэтому прописывают лечение антибиотиками, которое при астме ничуть не помогает (то же самое констатировали и врачи альпинистских экспедиций по поводу так называемых «скоротечных воспалений легких»).

Во-вторых, помимо явных аллергенов, вызывающих хрипы в легких, неостановимый кашель и удушье, врачи редко представляют себе другие причины возникновения приступов астмы. Анализируя все, что замечал за собой сам и что удалось узнать из скудной литературы, доступной пониманию не-медиков, Михаил проникся уверенностью, что раз астма в корне – это заболевание иммунной системы, а не собственно легких, то причиной возникновения приступов может быть любой удар по ней, в том числе и вызванный резким изменением сезонной температуры и кислородным голоданием.

Когда в альпинизме происходили трагедии, вызванные заболеванием «воспаления легких» на высоте? В теплое или откровенно жаркое время года на семитысячниках и восьмитысячниках в южных широтах, будь то в Средней Азии или Гималаях. Что происходило с организмами хорошо тренированных и вполне здоровых, проверенных медиками накануне восхождения людей? Из жарких и душных предгорий они в считанные дни перемещались по высоте в суровейший зимний арктический холод с сухим и весьма обедненным кислородом воздухом. Врачи экспедиций замечали, что воздух там сух, но не обращали никакого внимания на непривычную для восходителей температуру – ведь все они были вполне закаленные здоровяки. Конечно, многие из них переносили удар по своей иммунной системе без особых издержек (не считая неприятностей «горняшки» без достаточной акклиматизации к пониженному парциальному давлению кислорода), но некоторым становилось непереносимо плохо, а им давали антибиотики, которые помогали буквально как мертвому припарка. Медики нашли лишь одно средство спасения – давать заболевшему альпинисту вдыхать кислород из баллона и тем самым выиграть время для того, чтобы спустить его вниз, на среднюю высоту, где ему сразу становилось лучше. Как средство экстренной помощи кислород был эффективен, хотя на самом деле в биохимической подоплеке бронхиальной астмы лежит не недостаток кислорода, а недостаток углекислоты в крови. Избыток кислорода не может лечить астму, однако, когда легкие больного почти целиком закрываются мокротой, и активной поверхности остается всего ничего, использование кислорода облегчает положение, поскольку он хоть сколько-то снабжает организм необходимым окислителем. Иначе больному становится просто нечем (лучше сказать – не через что) дышать и он умирает от отека легких и удушья. На высотах порядка 7000 м и выше врачи бывают очень редко. Поэтому заболевшим астмой альпинистам, как правило, не к кому обратиться за помощью, пока им не стало очень плохо, да они и сами еще перемогаются, чтобы не упустить шанс взойти на вершину. А когда необходимость помощи становится очевидной, дело уже пахнет отеком легких и летальным исходом.

Действительно радикальным облегчением является только спуск больного до высот с более или менее привычным в данном сезоне климатом, а профилактикой – очень постепенная акклиматизация, на которую при дороговизне серьезных экспедиций и каждого человеко-дня пребывания людей на высоте, а также при ограниченности отпусков у участников никогда не хватает времени.

Предметное подтверждение гипотезы Михаила давала история Коли Черного, с которым Михаил когда-то вместе ходил «на разряд». Ко времени первой советской экспедиции на Эверест Коля был уже авторитетным восходителем, мастером спорта, и его включили в состав одной из двух четверок, которые прокладывали для всей команды путь по стене. На высоте около 8000 м, когда основные технические трудности были преодолены, Черного замучил непрерывный надрывной кашель – точно такой же, какой возник у Михаила, когда он, роясь в старом хламе в кладовке, наглотался пыли. И как ни была близка вожаденная и самая престижная вершина Мира, Коле пришлось спуститься вниз, где он быстро пришел в норму. Врачу пришло в голову только одно – что мучительный кашель, ведущий к потере работоспособности и задыханию, возник из-за сухости воздуха. Но с Колей Черным еще кое-как обошлось. Он потом совершил-таки восхождения на три восьмитысячника – Канченджангу, Аннапурну и Чо-Ойю, хотя на самом Эвересте больше не побывал. А вот его коллеге по первой экспедиции

Казбеку Валиеву, который тогда взошел на высшую точку планеты, хотя и не в числе первых связок (опять же – прошел более долгую акклиматизацию на меньших высотах и в базовом лагере), не повезло в следующей Гималайской экспедиции, кажется, на Дхаулагири. Исключительно волевой человек как мог сопротивлялся болезни, стараясь достичь вершины и поддержать свою заслуженную Эверестскую репутацию, однако она его сломила, не давая дышать, и он едва-едва спустился без рюкзака, который пришлось отдать товарищам. Может, посторонним по отношению к альпинизму и спортивному туризму это мало о чем говорит, однако причастным к благородному высотному спорту говорит очень многое. Для уважающего себя спортсмена отдать рюкзак все равно что расписаться в своей несостоятельности, хотя бы временной, какой в их практике и карьере не случалось никогда, ибо все их прежние достижения были в первую голову предопределены не физической силой, а силой воли.

Ложная ориентация медиков исключительно на кислородное обеспечение борьбы с «высотным воспалением легких» приводила, с одной стороны, к увеличению нагрузки на восходителей, то есть к их большему изнурению из-за переноски тяжелых баллонов, а, с другой стороны – к успокоению врачей и уменьшению их рвения к поиску истинной причины болезни. Вместо того, чтобы заставлять альпинистов тащить с собой кислородные баллоны, их следовало в первую очередь снабжать баллончиками с антиастматическими аэрозолями. Не мешало бы также каждого восходителя обучить методу акупрессуры по доктору Хаустону для очищения легких и бронхов от мокроты. Михаил на своем опыте убедился, насколько эффективна и, главное, насколько доступна акупрессура как метод исцеления для каждого больного. Однако он понимал, как трудно обратить врачей в свою веру. Кто он такой, этот Горский, чтобы учить ученых? Сам неуч, имеющий к тому же лишь низшую официальную квалификацию – третий разряд – позволяющий совершать самостоятельные восхождения малой и средней сложности, берется давать рекомендации корифеям альпинизма и заслуженным спортивным врачам? Кто вообще из врачей сознается в дремучем невежестве, если выяснится, что по существу Михаил прав? И будут люди затаскивать в высотные лагеря десятки и сотни баллонов с кислородом вместо считанных (на всякий случай!) штук, и будут кашлять, а потом задыхаться лишившиеся всякой работоспособности люди, покуда кто-то из них своим умом не дойдет. Или послушается Михаила и попробует! – только попробует! – взять на помощь аэрозоли и применить акупрессуру, а, главное, признать астму именно астмой.

Что мог сделать сам Михаил? Разыскать Колю Черного, которому искренне сочувствовал и за которого радовался, узнав о его успехах? Возможно, Коля втолковал бы тогда знакомым спортивным врачам, в чем тут дело. В любом случае он мог передать это коллегам-альпинистам или начинающим, которых будет тренировать. Или обратиться к Евгению Игоревичу Тамму, начальнику той первой Эверестской экспедиции, которая завершилась небывалым в истории восхождением одиннадцати человек по труднейшему на тот момент пути? Михаил и Марина познакомились с его дочерью, тоже Мариной, в походе по Нюхче-Илексе и Водлозеру. Правда, и с Мариной Тамм они не виделись уже много-много лет – двадцать по меньшей мере!

Кстати, если Михаил и имел право считать, что если когда-то совершил в своей туристской практике подвиг, то это случилось не в труднейших его походах по Кантегиру и Баргузинскому хребту или на Приполярном Урале, а по пути на Водлозеро во второй раз, когда он вместе с Терри добирался к началу маршрута по Ваме и Водле. Вот где Михаил сто раз думал, что помрет, прежде чем доберется до цели, таская сто двадцать килограммов при перемещениях из такси на поезд, из поезда на такси, из такси в аэропорту местных линий. На его беду, той весной шторм разбил в Петрозаводске гидроаэропорт, и в Куганаволок гидросамолеты больше не летали, а сухопутную полосу там еще и не строили. Поэтому долететь можно было только до Пудожа, а оттуда в с трудом найденном грузовике пришлось трястись по сквернейшей и пыльной дороге. Два дня потом он приходил в себя в Куганаволоке и на ближнем к нему острове, прежде чем сумел войти в нормальный походный режим. В то время его еще лечили

антибиотиками. Это был единственный случай, когда Марина не захотела пойти с ним в поход и попросила отпустить ее в Крым. Сцена была не из приятных. Он словно получил неожиданный удар в поддых. Наверное, заслуженный, как он сообразил секундами спустя. И потому все-таки выдал из себя: «Ну, что же, поезжай!» – уже наперед зная, как нахлебается дорогой в одиночестве (и в этом не ошибся). Марина провела отпуск недалеко от своего любимого Коктебеля и Кара-дага. Мучило ли ее одиночество, Михаил не спрашивал, а сама Марина не говорила. Однако больше она никогда не отказывалась от участия в походе с ним, куда бы Михаил ни предлагал пойти. Правда, еще однажды ее во время аккордной работы не отпустили в отпуск. Тут уж Марина сделать ничего не могла, и Михаил в тот год в полном одиночестве ходил по северной Ладого.

А сейчас он опять-таки в полном одиночестве лежал в своей палатке далеко за Байкалом и удивлялся, куда его занесло в мыслях от сна о пристани М. И через воспоминания о бабушке и об отношении тети Мани к альпинизму («Сколько твоих товарищей погибло?»), а там и к губительной высотной астме, поражающей здоровых и весьма тренированных людей под официальной вывеской скоротечного высотного воспаления легких. И о своей собственной астме по пути к Водлозеру, и о том походе, в который Марина не захотела с ним идти.

Наконец, он перенесся к делам нынешнего похода. Сегодня предстояло встретиться с первым участком серьезных порогов, о которых он вычитал из отчетов, хранившихся в клубе туристов, и немногих известных ему публикаций. Надо было еще раз настроить себя на осмотрительность, тем более, что сначала вообще предстояло хоть немного привыкнуть к характеру здешних препятствий. Бояться он их не боялся, но знал, что панибратства они не простят. А раз он хотел закончить маршрут, чтобы вернуться к Марине возможно скорей (а он уже остро этого хотел), надо было поторапливаться не спеша и не пытаться протыриться на авось, даже если это покажется возможным.

В этот день он собирался в путь достаточно быстро и уже через два с половиной часа после выхода из палатки отвалил от гостеприимного берега, мысленно поблагодарив его за хороший приют. Греблось легко, даже радостно. Да и где еще можно было испытывать мускульное удовольствие, если не на таких участках – быстрых и простых? Там, где начнутся шиверы и пороги, будет уже не до этих чувств, а радость, скорей всего, сможет проявиться лишь на фоне усталости и изнеможения.

Устье притока, впадавшего слева из глубокой пади, осталось позади. Его струя почти до половины ширины Реки вторглась в ее поток подобием водной плотины, напомнив Михаилу Таловку, впадающую в Енисей выше Большого Порога. Теперь надо было внимательно смотреть за признаками приближения препятствий, чтобы не быть в них втянутым с ходу и во-время остановиться.

Михаил по опыту знал, что даже очень мощные пороги далеко не всегда заранее заявляют о себе шумом или заметным увеличением уклона поверхности реки. Наоборот, вода выше порога нередко успокаивалась за счет подпора предпорожными скалами или камнями.

И сейчас он почувствовал, что здесь будет как раз такой случай. Михаил прикинул, к какому берегу лучше пристать для просмотра пути. Учитывая, что река поворачивала влево, он выбрал выпуклый левый берег.

Михаил пошел вниз слабо выраженной тропой прямо в чем был – с ружьем, патронташем, при топоре и спасжилете. Жилет мог выручить и спасти при случайном срыве в реку. Ружье вообще смешно было оставлять в тайге без присмотра, особенно в безлюдной тайге, где неизвестно, в чьих руках оно окажется, когда вернешься назад. То же и с топором, который вообще может понадобиться в любой момент. Михаил приближался к месту, где мимо камней, торчащих из русла, с шумом устремлялась вода, чтобы еще через сотню метров с грохотом свалиться вниз. Особых препятствий для подхода к сливу Михаил не увидел. Собственно порог представлял собой крутой водослив с высоты около двух метров. Ниже основная струя

уходила к правому берегу и мимо крупных надводных камней устремлялась к следующей ступени и, сорвавшись с нее, разбивалась на множество струй среди камней шиверы. Запомнить, а затем выдержать выбранный путь по шивере было невозможно. Там надо было заниматься импровизированным слаломом.

Михаил сделал снимки в разных местах порога и вернулся к байдарке. Он старался подавить волнение, вызванное первым предстоящим ему экзаменом, причем далеко не простым. Он облачился в гидрокостюмную рубаху, закатал ее низ вместе с верхом колгот и натянул на талию бандаж, перекрывающий место закатки, потом надел на голову шлем «Мамбрин» и застегнул ремень под подбородком. На этом приготовления были закончены. Он сел в байдарку и направил ее к первому сливу.

Чем ближе становился ориентир – кубический камень, тем напряженной ждал Михаил, каким откроется перед и под ним ступень, с которой надо прыгнуть. Он решил зайти в нее в двух с половиной метрах слева от куба. Подправиться на полметра в ту или другую сторону не должно было составить труда. Когда этот миг настал, он понял, что зашел очень точно и подправляться незачем.

Скользнув вниз, байдарка взметнула в обе стороны веер брызг, причем нос, как с радостью отметил Михаил, не зарылся в стояк. Тотчас он почувствовал противодействие встречного поверхностного течения в бочке, поскольку при торможении его качнуло вперед, и он изо всех сил быстро-быстро заработал веслом, чтобы поскорее выскочить из-под слива, и это достаточно легко удалось. Когда его подхватило выскочившее из глубины основное течение, он уже рассчитывал, когда совершить поворот вправо, чтобы попасть в ворота между намеченными камнями. Байдарка хорошо слушалась весла и руля, поэтому маневр прошел очень точно. Новый прыжок тоже сопровождался веером брызг, правда, не таким картинным, как первый, но любоваться было уже некогда. Начался слалом на высокой скорости по шивере, напомнившей ему Семишиверку на Кантегире. Здесь он тоже успевал уклоняться от камней, по большей части чисто, иногда толкался от камня, взяв веслом на укол и совсем редко чиркая кормой по окатанному боку валуна. Наконец, камни изредились и перед новым сгущением камней в шивере обнаружилось некое подобие плеса, по которому можно было подойти к правому берегу, и Михаил немедленно воспользовался им.

Выйдя из байдарки, он почувствовал и усталость, и радость. Все удалось, он прошел хорошо, но это стоило ему уж слишком заметного напряжения нервов и сил. Особенно нервов. Сказывался долгий перерыв в практике. Впрочем, постоянная практика такого рода тоже всегда утомляла до изнурения, когда препятствия бывали опасны и им не было видно конца. Возбуждение еще не отпустило его. Он все еще был эмоционально поглощен слаломом. Хорошо, что основные ступени каскада он просмотрел с берега. Это позволило сохранить силы для импровизации в шивере. И все-таки надо было научиться волноваться поменьше. А то, неровен час, можно доиграться до обморока или инфаркта. Михаил всегда ценил в себе то, что, как ни пугающе выглядели камни, сливы, струи и волны, после того, как он занимал свое место на борту, он воспринимал ситуацию при сплаве с холодной отрешенностью, словно сам был над собой водителем и судьей, и этому высшему указчику не было особого дела, подвергается опасности гребец или нет. Подобное ощущение появилось у него и сегодня, но Михаилу хотелось, чтобы оно стало устойчивым и постоянным. И еще он мечтал о том, чтобы в случае непреодолимости силы стихии его последним чувством был бы не страх, а восторг перед ее мощью, которую дает ему ощутить сам Господь Бог.

Но пока что явно требовалась передышка, и он прошел немного вперед, чтобы наметить линию движения. Однако шивера с бурной водой не имела конца и края в обозримом пространстве. Оставалось знакомиться с ней по ходу сплава, покуда не найдется места, где можно будет снова пристать.

Шивера действительно походила на Кантегирскую Семишиверку. Проходя мимо каждого нового камня, Михаил в общем грохоте воды на секунду улавливал его усиление в том месте, где обтекающая валун и подпертая им струя падала с его ухвостья вниз, в очередное микроулово, пока байдарка не уносилась прочь. Берега быстро уходили назад, и Михаил успевал поглядывать на них лишь мельком, отдавая все внимание воде, потому что шивера никак не кончалась, хотя река уже сделала плавные повороты влево и вправо. Каждый миг можно было ждать осложнения обстановки, но пока обходилось. В работе появился устойчивый ритм, глаза успевали находить приемлемое продолжение пути. Тем не менее, Михаил чувствовал, что такой интенсивный сплав все сильнее утомляет его, и поэтому, как только открылся подход к правому берегу, Михаил не замедлил воспользоваться им. В пути он находился уже четыре часа, включая время просмотров, и решил, что этого почти достаточно на сегодня. Оставалось только дойти до ближайшего места, подходящего для ночлега. Правда, в каньоне наперед нельзя было знать, встретится ли такое место через десять минут или через два часа. Но на той приступке, к которой он пристал, останавливаться было нельзя – слишком тесно даже для его палатки и слишком низко над водой – всего каких-нибудь тридцать сантиметров. На Подкамненной Тунгуске поиск горизонтальной площадки тоже представлял собой проблему, но здесь то было не в пример круче, стало быть, и поиск мог затянуться на более долгое время, чем там.

Проискать пришлось еще целый час. За это время он оставил за кормой последнюю часть Долгой шиверы (как он называл ее про себя) и еще пять коротких, разделенных спокойными быстротоками. В русле лишь изредка попадались крупные неокатанные глыбы, очевидно, не очень давно сорвавшиеся со склонов то ли под действием воды и мороза, то ли от сейсмических толчков. Подходящее место открылось неожиданно, и Михаил едва не прозевал его. В отвесной стене перед глазами возникла широкая наклонная щель. Он приткнулся к ее подножью и выскочил на камни, боясь, что его иначе снесет. До верха скалы оказалось метров двенадцать. Примерно через час все, включая байдарку, он перетащил наверх и занялся готовкой. Солнце давно спряталось за бортом ущелья, но небо над Рекой оставалось светлым. В спокойном воздухе крутилось очень много гнуса, и Михаил воспользовался накомарником, который обычно не любил надевать. Он чувствовал себя прилично, если принять во внимание пройденный сегодня путь и высоту, которую пришлось пятикратно одолевать от воды до террасы с грузом. То есть прилично уставшим, очень прилично, хотя и не настолько, чтобы совсем потерять аппетит.

Гречневая каша булькала в котелке. К ней он открыл банку мясных консервов. Когда каша сварилась и немного остыла, он принялся за еду, сначала довольно-таки равнодушно, затем все более входя во вкус. Потом долго пил никогда не надоедающий чай, от которого по телу разливалось блаженство, а из головы уходили на время заботы и начинали вспоминаться события, имевшие место в других походах и в других местах, но где рядом с ним неизменно бывала Марина.

С ней везде становилось уютно, в каких бы местах они ни останавливались. Было бы сухо внутри палатки. Впрочем, не обязательно только внутри. Одно из самых дорогих воспоминаний о втором Кантегирском походе, да и из всех походов вообще, было связано с концом того дня, когда они с Мариной дважды перевернулись на своем «полосатом диванчике» в двух совсем не примечательных шиверах, каких уже десятки благополучно оставили за кормой. Михаил тогда так и не успел понять, что вдруг привело к оверкилю. И им предстояло перевернуться еще дважды, прежде чем причина стала ясна.

Две надувные польские лодки – впереди одноместная «Лена», позади двухместный «Зефир» – были ввергнуты в общий чехол из полосатого тика, что и побудило назвать двухместное судно «полосатым диванчиком». Обе лодки могли довольно легко поворачиваться вдоль продольной оси друг относительно друга и, кроме того, качаться и чуть ли не складываться в месте стыка кормы «Лены» и носа «Зефира». Стоило передней лодке взойти носом на крутую

стоячую волну, ее почти опрокидывало назад и в этом положении начинало валить вбок, из-за чего и ко второй лодке прикладывался опрокидывающий момент, достаточный для переворота через борт уже всего «полосатого диванчика». Как только выяснилось, что происходит, Михаил понял, что напрасно допустил возможность столь свободной игры обеих лодок друг относительно друга, сделал накладной каркас поверх «диванчика» из двух продольных и четырех коротких поперечных жердей и вскоре убедился, что нашел верное решение. Переворотов больше не было ни в каких стояках.

Но тогда, после второго опрокидывания, они пристали к берегу с узким песчаным пляжем, на котором успели собрать до темна кучу хорошо просохшего белого плавника и разжечь тот памятный обоим костер. В безветрии пламя от горящих дров шло прямо вверх необычайно высоко, почти в рост человека, и они дружно сняли с себя всю одежду, и встав рядом перед огнем, принялись греться, подставляясь ему то одной стороной, то другой. Лучистое тепло, не обжигая кожи, блаженством вливалось в их тела. Глядя на Марину, любясь ее плавными движениями в такт струящемуся бегу огня, он забыл обо всем на свете, тем более, что весь мир свелся к тому пространству, которое высвечивалось во тьме костром, и в нем была лучшая, прекраснейшая и единственная женщина и был он, кого она выбрала для себя. Михаил был уверен, что никогда не видел никого красивей этой дивной и статной женщины, танцевавшей на месте, перегибавшейся в тонкой талии в разные стороны и обращавшейся к нему то спиной, то боком, то грудью. И почти все время он видел ее счастливое и радостное лицо. Никогда в жизни он так горячо не желал, чтобы костер горел дольше и от него не надо было уходить. Терр лежал где-то в сторонке и, конечно, тоже смотрел на них, но его не было видно, и они с Мариной тогда сами забыли о нем. Михаил следил за Мариной и чувствовал, что полностью растворяется в любви, в каком-то волшебном бесконтактном блаженстве, столь же необычном, сколь и не уступающем тому, которое происходит в прямом соединении тел, а в чем-то и определенно превосходит. Потом, через час или полтора, они любили друг друга уже в палатке, но все еще находясь под впечатлением соединявшего их лучистого тепла, потоков и отблесков света, оградивших их от любых печалей и от любых посторонних глаз. Возможно, похожей была любовь двух перволюдей до того, как они съели запретное яблоко, но сама эта мысль пришла Михаилу в голову позже, потому что тогда какое-то время казалось, что кроме них не было, нет и не будет вообще никого.

Пожалуй, то было ему главной наградой на всем Кантегире за то, что он вернулся туда, а Марине – за то, что она без колебаний последовала за ним.

Еще на подходах к Кантегиру, на подъеме к перевалу из долины Малого Левого Она, им повстречался еще один очарованный странник, которого влек к себе Кантегир. Он прошел мимо их бивака, который они разбили чуть выше границы кедровой тайги. Деревья уже не загоразивали вида на долину, откуда они поднялись, и вид этот был завораживающе прекрасен и очертаниями гор, и гармонией многоцветья склонов на разных высотах, на которые ложились тени легких обликов. Вдали истаявал в синеве западный водораздельный хребет бассейна Оны. Оказалось, не только они с Мариной не могли оторваться от редкостного зрелища. Террюша тоже выбрал себе наблюдательную позицию на скальном выступе выше их бивака и монументально улегся на нем, как покровитель Маугли волк Акела на скале Совета и оттуда не просто смотрел, но и соблюдал покой Саянских гор. И вот именно в то время в крайне медленном темпе к ним поднялся путник, согнувшийся под непомерно тяжелым грузом. Михаил сразу понял, что этот человек идет один и все свое добро переносит за одну ходку, как бы мучительно ни было придерживаться такого стиля.

Они поздоровались и человек, надрывно тяжело дыша, без остановки прошел мимо вверх к недалекому уже перевалу. Во второй раз они увиделись с этим путником уже на Кантегире, в устье Красной речки. Он пришел к ним в гости по берегу и представился коротко: «Сережа». Выглядел он лет на тридцать, при этом еще и смущался, протягивая Марине мешочек с кед-

ровыми шишками: «Вот, гостинец принес. На кедр лазал, штаны порвал». Марина улыбнулась и пригласила его «к столу», то есть к костру. Лицо у Сережи до сих пор выглядело утомленным, но в то же время добрым и умиротворенным. Светлые волосы были всклокочены, щеки заросли недельной щетиной, но голубые глаза горели тем светом, какой бывает лишь у людей, добивающихся или добившихся осуществления своей мечты.

Выяснилось, что живет Сережа в Красноярске, а работает на заводе в горячем цеху. Михаил, по образованию инженер-механик прокатного оборудования и производства, хорошо представлял, что это такое – нагревательные или плавильные печи, запах окалины, горелого металла и горелой формовочной земли, чад, проникающий в самую глубину легких, особенно мерзкий, если плавят или разливают в формы цветной металл, и хуже всего, если жарким летом. Сережа сообщил, что на Кантегире он уже третий раз. Впервые пошел с приятелем, но тогда они сплывались только до Кантегирской заставы, а оттуда, бросив плот, вышли из тайги в Арбатсы пешком. Во второй раз, тоже с приятелем, прошли уже весь Кантегир до устья и дальше по Енисею до Черемушек. Михаил сказал, что пришел сюда во второй раз, и спросил, высока ли в этом году вода в реке по сравнению с прошлыми годами. Сережа ответил, что вода сейчас высокая (Михаил, сравнивая нынешнюю с водой десятилетней давности, тоже считал, что сейчас она выше). А место, в котором остановился Сережа – немного выше по течению от бивака Михаила и Марины – он весь год видел во сне. Там в прошлогоднем походе они с напарником наловили много хариуса. В этом году хариус тоже идет, но хуже, чем прежде. Сережа хотел еще пару дней провести в этом месте, а потом спуститься вниз. Он просил отпуск летом, но ему не давали. Тогда он сказал, что уволится, но все равно пойдет. Это подействовало. Вот так он пробивался к реке своей мечты, к той яме, в которой так хорошо ловился хариус, в горном окружении, которому невозможно было найти замену. Михаил помнил, как выглядело это место лунной ночью, когда они с Мариной, припозднившись, еще продолжали сплав. На фоне неба выделялись фантастические очертания хребтов – контрфорсов, кое-где на склонах ключьями висел туман. Луна, казалось, чуть зеленоватая, с умеренной щедростью проливая серебряный свет на склоны и подсвечивала контуры прибрежных кедров. Они действительно ощущали себя людьми, попавшими в потаенную страну, достичь которую, тем более – проникнуть в самую ее глубь – дано далеко не каждому, проще сказать – только тем, кто не жалет никаких сил, чтобы сделать это. Когда Сережа ушел на свой бивак, Марина передала Михаилу, что он сказал ей, когда Михаил отлучался от костра за дровами: «Женщине, особенно такой, как вы, не стоило бы сюда ходить». Очевидно, из деликатности он не добавил: «в таком возрасте». Михаил принял Сережины слова как упрек в собственный адрес. Потом, даже много лет спустя он часто вспоминался ему в разных обстоятельствах. А тогда, на Кантегире, Марине было уже сорок пять лет. Но вероятно, Сережа тогда беспокоился не только о Марине, встрявшей в дело, посильное не каждому мужику, а вообще обо всех женщинах, отправляющихся в рискованные предприятия вместе с любимыми, лишь бы не расставаться с ними, но отнюдь не потому, что им самим так уж требовались острые ощущения. До сих пор Михаил не встретил ни одной представительницы прекрасного пола, которую бы влек в поход один только авантюрный дух и для которой любовный интерес к спутнику не имел бы никакого значения. Но это не значило, что таких женщин и быть не могло. Просто те, кого он знал, были любящими кого-то из своей компании, и на них в серьезных делах можно было положиться при любых обстоятельствах никак не меньше, чем на мужчин, а вообще-то даже более определенно и с большей уверенностью в том, что их дух не сломит ничто. Исключений Михаил пока не встречал. И если он вынес из жизни какое-то общее убеждение в том, с кем стоит связывать себя накрепко и навеки, так это только с той, которую узнал и проверил в походе. Сережа из Красноярска был не женат. Они с Мариной не спрашивали его, но не сомневались, что правы. И во время третьей встречи с ним получили косвенное подтверждение своей правоты.

В тот раз они только что миновали первые три ступени Иньсукского каскада порогов и начали сходу втягиваться в четвертую, как вдруг увидели на левом берегу предостерегающе машущего руками Сережу, одетого почему-то в одну ковбойку. Привычного брезентового плаща на нем сейчас не было. Сережа подхватил брошенный ему конец и подтянул «полосатый диванчик» к берегу.

– Хорошо, что я к вам успел! – едва поздоровавшись, выпалил он. – Я тут час назад чуть не потоп. Лодку опрокинуло, и меня понесло, а сделать ничего не могу, плащ мешает. Я уж подумал, что все – родителей поминал. И тут, наконец, сбросил плащ, сапоги и зацепился за камень!

– А лодка цела? – спросил Михаил.

– Цела, цела! – успокоил Сережа. – Она потом тоже на камне застряла, я ее нашел и достал. Мешок с вещами не выпал, вот я и переоделся. Весло вот только потерял.

Сережа проходил Кантегир на надувной лодке ЛГН, а из спасательных средств в ее комплекте имелись только две надувные подушки, использовавшиеся как сидения. Михаил еще во время предыдущей встречи советовал Сереже привязывать одну из них спереди на груди, хотя бы нетуго надутую. Очевидно, Сережа пропустил это мимо ушей. Вот и пришлось ему родителей поминать, пройдя основную часть маршрута (кстати, только родителей – не жену, не детей, стало быть их, скорей всего, не было). Сережа никак не ожидал такого поворота событий. Тем не менее, кое-как спасшись, он тут же поспешил навстречу им с Мариной, чтобы предупредить и перехватить до того, как они будут втянуты в гибельное место.

Сережа повел их пешком вдоль порога вниз. Михаил старался запомнить приемлемую линию движения в четвертой, а затем – после крутого поворота Кантегира вправо – в пятой ступени Иньсукского каскада. Так они дошли до начала шестой ступени, где Сережа среди исполинских каменных глыб на песке разбил свой бивак. Михаил сказал Марине, чтобы она ждала его здесь вместе с Террюшей, а четвертую и пятую ступени он пройдет один. Они поцеловались, и он быстро зашагал назад, чтобы успеть пройти разведанный участок до темноты.

Он отчалил и пошел вдоль левого берега, маневрируя среди камней, и это ему на удивление легко удавалось, однако радоваться раньше времени он себе не позволял. Дойдя до пятой ступени, Михаил напомнил себе, что надо успеть причалить перед шестой ступенью, ведь плесик там всего ничего – метров тридцать, не больше. Хорошо бы его там встретили. Но на берегу не оказалось никого, ни Марины, ни Сережи. Он сумел – таки забросить нос «диванчика» на берег и тут же выскочить в воду до того, как течение начало стаскивать судно вниз. Закрепив чалку, он с досадой осмотрелся. Совсем рядом почти вся вода Кантегира сливалась под левый берег, на котором он стоял, и падала на подводный камень, ждущий добычи и по форме напоминавший зуб крокодила. И все-таки раздражение не смогло заслонить радость, особенно когда Марина появилась, выйдя из-за каменной глыбы, очень обрадовавшись, что он уже здесь. Они обнялись. – «Я как раз разводила костер», – сообщила она, и тут к ним подошел Сережа. Увидев «полосатый диванчик», он с нескрываемым удивлением посмотрел на Михаила. В его глазах ясно читалось, что такого от москвича он не ожидал.

– А я думал, мы с вами завтра вместе пройдем.

В голосе Сережи сквозила обида и разочарование. Без него обошлись, и пороги, в которых он, коренной сибиряк, едва не отдал концы, Михаил прошел без проблем. Михаилу хотелось смягчить Сережино разочарование, понимая, что тот завидует не со зла. Но лишь наутро придумал, как утешить огорченного красноярца.

Сережин и их биваки отделяли несколько каменных глыб. Заглянув к соседу, Михаил понял, отчего оттуда доносится частый стук топора – Сережа мастерил себе новое весло. С первого взгляда Михаил понял, что лопасти будут дрянные, незагребистые, и тут его осенило.

– Подождите, – сказал он Сереже, – я дам вам хорошие лопасти.

Он быстро вернулся к своей палатке и отвинтил лопасти от запасных распашных весел, служивших также стойками. Лопасти были дюралевые, профилированные, загребистые. Михаил давно жалел, что когда-то по случаю купил их только две, а не больше.

– Вот, – сказал Михаил, протягивая их Сереже. – Примите от нас с Мариной в память о нашей встрече.

Сережа с восхищением рассматривал лопасти, поворачивая их в руках так и эдак. Наконец, он сказал:

– Будь у меня такие лопасти раньше, я бы не опрокинулся в пороге.

Михаил не стал возражать, хотя понимал, что в хлестком пороге могло произойти что угодно с любыми лопастями. Просто Сереже надо было реабилитироваться в чужих глазах, да и в собственных тоже, и повод для этого был подходящий. Михаил согласно кивнул головой. Отодрав от веретена самодельные лопасти, Сережа быстро приделал новые. Теперь весло ему явно нравилось, хотя, на взгляд Михаила, веретено следовало бы укоротить минимум на полметра. Затем Сережа быстро закончил сборы и перенес свой груз и лодку ниже того коварного слива, которым начиналась шестая ступень. Михаил про себя одобрил его решение, но сам решил не обносить.

Только самые крайние правые струи в шестой ступени проходили мимо зуба, зато и срывались с большей высоты и создавали высокие стоячие волны, в которые не больно-то хотелось попадать. Однако выбирать можно было только между Сциллой и Харибдой.

Сциллой выглядели стояки, зуб-безусловно Харибдой. Значит, надо было идти в стояки, а перед этим успеть перегрести весь плесик к правому берегу, что было явно непросто.

Михаил велел Марине подождать его ниже порога, потому что опять решил проходить его один. Еще вчера вечером, пока они вместе с Сережей шли вдоль порогов четвертой и пятой ступени, он почувствовал, что Марине не хотелось бы тут сплавляться на «полосатом диванчике». В шестой же ступени порог был совсем не лучше вчерашних ступеней, скорее наоборот. Михаил объяснил, что в стояках ему одному будет лучше. Марина не стала возражать.

Михаил изо всех сил греб наискось против течения, чтобы уйти под самый правый берег раньше, чем его стянет к сливу. Это удалось. Там он мгновенно развернулся носом вниз, благо на надувных лодках вертеться куда проще, чем на байдарках, сделал пару гребков и тут же, выхватив весло из воды, положил его на баллон вдоль корпуса, потому что «диванчик» уже начал прыжок вниз, и вода должна была через миг обрушиться гребнем ему навстречу.

Обильно обданный водой, он выскочил из вала и сразу снова схватился за весло, потому что дальше надо было проходить сливы, уводившие левее и, наконец, пристать туда, где ждала Марина, но прежде чем взять ее и Террюшу на борт, Михаилу пришлось поработать снятым с головы «мамбрином», чтобы вычерпать воду из лодок. Ее налилось около половины высоты баллонов. Дальше, в седьмой, восьмой и девятой ступенях Инсукского каскада ожидалась пороги попроще, но скоро Михаил убедился в том, что у них очень обманчивая простота. Седьмая ступень, правда, снова нахлестала внутрь много воды в ряде следующих друг за другом сливов, зато в восьмой они совершенно неожиданно оказались перед стояком не меньше двух метров высотой, причем перед настоящей «белой стеной» – белой по цвету от массы пузырей воздуха, подсасываемого водой при крутом падении, да еще с пенным гребнем, обрушивающимся навстречу.

– «Клади весло по борту!» – крикнул Михаил и следом сам, еле успев подправить лодку по курсу, сделал то же самое. Вода ударила в лодку и в их тела. Напор ее был так силен, что в узкие зазоры между манжетами гидрокостюмной рубахи и запястьями вода была под давлением впрыснута внутрь гидрокостюма, мгновенно вымочив на всю длину руки и большую часть груди. Ошеломленные, они выскочили из вала, и Михаил повернул к берегу, чтобы успеть отчерпаться перед девятой ступенью.

Кантегир уже сузился. Справа вздымался громадный отвесный утес, уходящий куда-то в небо. Слева был без малого стеной крутизны склон, заставляющий реку повернуть за утесом вправо. Судя по описанию, течение здесь поворачивало примерно на 2400. Здесь тоже были валы и камни, и нельзя было позволить себе зевать, находясь на дне глубокой и оттого очень темной щели, но то, что они увидели высоко над собой на уже освещенной части склона, заставило их на время отвлечься от воды. Там в месте наибольшей крутизны поворота ущелья вправо на высоте не меньше сорока метров над ними к склону всей плоскостью был припечатан большой одноставный бревенчатый плот с подгребницами, но без гребей в носу и корме. Это зрелище было примерно того же порядка, словно к поверхности высоченного сверхкрутого трека был бы припечатан паровоз. С какой мощью потока пришлось столкнуться тем бедолагам-сплавщикам, которые были, скорее всего, смыты с плота бешено мчащейся водой, он не мог даже вообразить. Если сейчас, после дождей, Кантегир стоял высоко и в шестой ступени шел со скоростью не меньше тридцати километров в час (моторные лодки с жителями Черемушек – штуки три или четыре, скопились ниже слива, не рискуя входить в порог), то что же творилось тогда, когда вода пронесла плот где-то в нынешнем поднебесье?

В следующем году, разглядывая отметки разных судов на береговых скалах Подкаменной Тунгуски, сделанные во время весеннего половодья и завоза грузов в Байкит и Ванавару, они не нашли столь же высокой, сравнимой с Кантегирской «меткой» в виде плота, хотя подъемы уровня Подкаменной Тунгуски были очень известны и держались в районе метров тридцати.

В какие еще воды рек и озер погружал с тех пор столь понравившиеся ему лопасти весла Сережа, красноярский энтузиаст Кантегира? Может быть, снова в Кантегир? Два других красноярца – знаменитые братья-альпинисты Евгений и Виталий Абалаковы – тоже начинали свой путь к сложнейшим вершинам с Саянских гор и Саянских рек – Абакана и Казыра. Молодые и неимущие, но жаждущие открытий, они совершили в юном возрасте пешком и на плотах свои первые шаги в горных странах; та закалка, которую они получили в Саянах, наверняка послужила главным фундаментом их дальнейших успехов в высотных и стеновых восхождениях. Евгения Михайловича Абалакова без преувеличения возносили над собой все, кто его знал. У них загорались глаза светом любви и восхищения, когда речь заходила о Жене Абалакове. Это был высший эталон и высший авторитет. К сожалению, он безвременно погиб в собственной ванне, вероятно, от угара. Потом на роль ведущего альпиниста страны выдвинется до того остававшийся в тени старшего брата Виталий Михайлович Абалаков. Возглавляемая им команда совершила множество первовосхождений и первопрохождений по до того небывалой сложности маршрутам. Кроме того, он стал известен всем альпинистам и путешествующим своими конструкциями специального снаряжения. Тогда рюкзаки, ледовые крючья, ледорубы и многое другое носили название «абалаковских». Тем не менее, в альпинистской среде его любили далеко не все. Выдвигались претензии к стилю его руководства командой и к монопольному положению в Федерации альпинизма, которую он долгие годы возглавлял. Но, как бы то ни было, он остался самой крупной фигурой после брата Евгения в советском альпинизме довоенных и послевоенных лет – до хрущевской эпохи в политике включительно.

Альпинизм сам по себе интересовал Михаила меньше спортивного туризма. В его мечтах горы выступали только как один из манящих объектов. В качестве других выступали водная стихия и тайга. Они идеально (или близко к идеалу) соединялись в водных походах среди таежных гор с гольцовыми вершинами.

При этом было лучше всего, когда маршрут по порожистым рекам перемежался прохождением лесистых горных озер. К такому излюбленному типу пейзажей были близки многие Карельские и Кольские маршруты, хотя вдоль них не было альпийских высот. И еще Михаилу бесконечно нравились морские и озерные пейзажи с изобилием шхер. Ему очень хотелось когда-нибудь увидеть Норвежские фиорды, но это желание так и не сбылось. Впрочем, ему грех было жаловаться. В родной стране имелось столько совершенно дивных красот, что на зна-

комство со всеми ними не могло хватить одной человеческой жизни. И оттого ни Норвегия, ни Западная и Северная Канада, ни Гренландия, ни Гималаи, которые он хотел бы увидеть, но не видел, не воспринимались им как трагическая личная потеря, хотя потерей они, конечно же, были. Виртуальными потерями, как, следуя моде, их можно было бы определить.

Однако там, где он бывал и ходил на самом деле, он обрел все высшие ценности, о которых беспрестанно мечтал. Это были любовь, вдохновение к творчеству, будь то литература или философия, абсолютная нетерпимость к фальсификации красоты, хотя мода на это почти безгранично распространилась в современном коммерциализированном низкопробном и нетребовательном к себе искусстве. А еще именно там начиналось постижение высших человеческих ценностей, выстраданное в суровых испытаниях походов и восхождений, главным итогом которых было знание о том, что сила духа важнее и выше физической силы, что все свои главные свершения человек может сделать только сам, а не кто-то за него, будь то коллектив (включая народ и даже все человечество) и, тем более, не какой-либо общественный лидер. Высшее долженствование каждого сущего в этом смысле состояло в том, чтобы, преодолевая собственную слабость, достигать новых высот в саморазвитии во всех сферах – любовной, эстетической, мыслительной, духовной и телесной деятельности. Без походов Михаил об этом в полной мере так бы и не узнал. Именно пути, пройденные по прекрасному лику Земли собственными ногами и силами, привели его к переосмыслению казавшихся естественными – и не только в марксизме-ленинизме – прагматических утверждений типа «бытие определяет сознание» и логических следствий из него. Да, оно несомненно было справедливо для тех, кто посвящал все свои помыслы обретению и сохранению материальных ценностей, но абсолютно ложно с точки зрения тех, кто осознал свое творческое (можно сказать – свое духотворческое) предназначение и долженствование, для кого главный лозунг жизни мог быть только обратным: «сознание должно определять и определяет бытие».

Оба Кантегирских похода Михаил считал самыми дорогими для себя, хотя один был пройден не так, как полагалось, а второй – хорошо. Хорошо почти по всем статьям, если не считать некоторых технических ошибок, но кроме последнего дня.

Иньсукский каскад они оставили за кормой в предпоследний день пути и, пройдя несколько достаточно хлестких шивер, остановились на ночлег недалеко от устья Так-Сука. То ли поддавшись накопившейся усталости, то ли просто от того, что немилосердно болели полопавшиеся от частого погружения в мягкую, почти бессолевою воду Кантегира кончики пальцев (кстати, точно так же они полопались и в первом походе), но Михаил закопался со снарядами и упаковкой добра даже сильнее обычного. Марина, ранее сдерживавшаяся в таких ситуациях и старавшаяся употребить время ожидания его готовности к отправлению в путь на сбор ягод или грибов, на сей раз взорвалась. Она громким, неприятно резким голосом бросала ему упрек за упреком, что он не считается с ней, что из-за него она опаздывает на работу и из-за этого у нее там всегда неприятности, и что таким темпом они никогда не закончат сплав. Это, кроме последнего, Михаил понимал. Но когда он услышал, что она ненавидит эту реку, его до самой глубины поразило сходство Марининых слов с тем, что десять лет назад внушал своим спутникам Вадим. В первые секунды Михаил оторопел и не сразу нашел, что ответить, но затем быстро сообразил, что так излилось накопившееся в ее душе страшное нервное напряжение, в котором их обоих все время держал Кантегир и переносить которое он своим прошлым опытом был подготовлен лучше, чем она. Поэтому он промолчал. И все же он был почти убит безудержно гневным и почти истерическим тоном ее обличений, тем более, что до конца сплава остался всего один переход, и Марина об этом, разумеется, знала.

Да, он заставил себя промолчать, но чувствовал себя как отравленный. Уже сидя в лодке и гребя изо всех сил, чтобы для них скорее закончился сегодняшний кошмар, он мыслями то и дело возвращался к этой убивающей все остальные чувства сцене на берегу и чувствовал себя все более отвратительно из-за перегрева на солнце. Иногда, попадая в тень от склона,

он несколько приходил в себя, но, как на зло, именно в этот день долина Кантегира достаточно широко распахнулась в обе стороны, поэтому солнце почти повсеместно достигало воды. Несколько бойких шивер несколько раз освежали его в стояках, но все равно в гидрокостюме было очень душно и жарко. Единственное, что он сказал Марине вслух, было «отдохни», когда он сам почти изнемог от перегрева, и она немедленно положила весло, а он продолжил грести как обреченный на вечную каторгу. Справа показался замечательно красивый голец с треугольной вершиной между широких приподнятых плеч. Такое диво было грех пропустить, и Михаил сделал несколько кадров, а затем поспешно запихнул фотоаппарат обратно под гидрокостюм через горло резиновой рубахи и схватился за весло, едва успев подправить нос «полосатого диванчика» по оси хорошей шиверы, внезапно открывшейся среди галечниковых полей и обдавшей их волной до головы.

Следующие три слова он обронил, когда они поравнялись с узкой горизонтальной прибрежной террасой на правом берегу, заросшей молодым березняком: «Бывший поселок Приисковский». Марина не отозвалась, и он снова замкнулся в себе, покуда, спустя километра три, они не вошли в крутой поворот налево, который метров через двести стремнины подводил к низким скалам, перерезанным рекой. Михаил сообразил, что перед ними уже сам Большой Порог Кантегира и что остановиться для его просмотра они теперь не успеют – «Большой Порог! – предупредил он, стараясь не показывать тревоги. – Держись крепче, подоткни носки ног под баллоны!»

Их как с горы швырнуло в водяную яму, потом вознесло на высоченный вал, а дальше стало переваливать и перебрасывать с одной метущейся волны на другую, и Михаил только и успевал подправлять курс, чтобы держаться вразрез валам. Маневрировать самостоятельно в этом узком и глубоком крутопадающем лотке, вобравшем в себя воду всего бассейна Кантегира, было крайне сложно, если не сказать – невозможно, поскольку в обе лодки налило много воды, но Михаил даже обрадовался этому, так как непрощенно принятый водный балласт позволял надеяться на то, что в хаосе и толчее прямых и косых валов их не опрокинет. Столь возмущенной воды не было до сих пор ни в одном из пройденных до этого порогов, и только теперь Михаилу стало понятно, почему именно он был назван на Кантегире Большим, хотя ему было далеко до многих других по протяженности и сложности, но только не по уклону и бешенству воды.

Наконец (а прошло вряд ли более минуты) они выбрались из толчеи, и Михаил в первом же плесике приткнулся к правому берегу. Только тогда он обнаружил, что воды в лодках вровень с верхом баллонов – больше просто некуда было принимать.

Такого тоже никогда не бывало. Он устало стянул с головы «мамбрин» и вычерпал им воду сперва из одной лодки, потом из другой. Черпать пришлось много и долго. Михаил подумал, что даже упаковка основных вещей в пару клеенчатых по отдельности завязываемых мешков один внутри другого в таких условиях вряд ли уберезет их содержимое от намокания.

Потом они снова молча заняли свои места и гребли без перерыва, оставляя за собой мелкие шиверы, потом порог Амбарчик с громадным, поясняющим его название протяженным камнем в русле, затем также именную Собачью шиверу и, наконец, Малый Порог – тоже совсем не простой, но все же позволяющий при должном старании точно войти и протиснуться в очень узкий выход из него между скальной стеной левого берега и цепью камней. После Малого Порога все серьезное осталось позади. Еще несколько несильных шивер, последняя уже в начавшихся сумерках (ее они видели четыре года назад, когда сплавились от Кызыла по Енисею на «Колибри», специально поднявшись пешком от устья Кантегира) – и вот весь Кантегир можно было законно считать пройденным. Михаил узнал необъятных размеров скалу, нависшую над правым берегом Кантегира при его впадении в величайшую реку Сибири. Это был тот миг, которого Михаил так долго ждал и желал, к которому готовил себя десять лет, но вот теперь он не мог ему толком порадоваться, хотя бы произвольно испустить

радостный крик! Было совершенно, по-ледяному, ясно, что ликование не только неуместно, но и невозможно, если они с Мариной так отделились друг от друга, что даже разжать рот и поздравить друг друга со свершением мечты – и то не имели желания. Тень глубоких сумерек навалилась на воду и скалы, и на душе было столь же темно.

Лишь минуту отдохнув на плаву, они вновь без слова взялись за весла, которые успели так сильно остыть, что прямо обжигали холодом руки. Видно, ночь обещала стать очень холодной, а здесь из-за крутизны склонов на бивак рассчитывать не приходилось, и потому им осталось одно – идти до упора, до плотины Саянской ГЭС.

Над Енисеем спустилась ночь, но широкая река, в то время лишь слегка, на несколько метров подпертая будущей высотной плотиной, слабо освещалась Луной. Она виднелась то сквозь неплотные облака, то через какой-то более легкий флер, почему-то казавшийся коричневатым. Впереди виднелось зарево от огней громадной стройки, а в воздухе улавливалось разбаловавшимся в чистоте глухой тайги обонянием чуждая естеству и забытая было индустриальная гарь. Сзади слышалось стрекотание подвесного мотора, и вскоре с ними поровнялся человек в дюралевой лодке.

Михаил поклонился ему, и тот молча ответил поклоном. Он явно ждал, не попросят ли его о помощи, но Михаил промолчал – все равно осталось не больше десяти километров до конца похода, и человек в лодке, прибавив газу, быстро ушел вперед. Теперь выпускать весло из рук было просто страшно – так быстро оно остывало в сентябрьском воздухе и так мучительно долго отогревался дюраль в местах хвата онемевшими пальцами.

Михаил чувствовал себя настолько опустошенным, что уже боялся думать о том, что придется делать что-то еще, когда уже не будет необходимости в гребле. Как минимум его ждало бесконечное развязывание тугих узлов при распаковке мешков саднящими пальцами. Найдется ли в районе стройки до плотины сколько-нибудь подходящее место для установки палатки, он тоже не знал.

Проходить же сквозь толщу плотины одним из еще не полностью закрытых донных отверстий (а он слышал от встретившихся на Кантегире плотовиков-рабочих Саянской ГЭС, что это на моторках еще удается – когда удачно, когда нет) ночью ему никак не улыбалось. Наверняка в этих донных отверстиях из бетонных стен остались торчать концы арматурных прутьев, о которые запросто можно было пропороть бортовой баллон.

В пределах бесконечно долгого часа они приблизились к плотине почти вплотную. Теперь надо было срочно решать, на каком берегу лучше высаживаться. Енисей недвусмысленно поторапливал, и Михаил повернул направо, туда, где высоко над рекой на мысу стоял протяженный одноэтажный дом с высокими светящимися окнами, от которого к воде вела длинная деревянная лестница.

Они удачно приткнулись к низкой скальной плите рядом с основанием лестницы. Михаил ожидал, что Марина выберется из лодки с причальным концом и сразу привяжет его к лестничному брусу, но она не взяла с собой фалинь, а Террюша, прыжком оставивший свое место на «полосатом диванчике», оттолкнул судно от скалы, и хотя Михаил сразу начал грести, течение потащило его вниз. Наступил момент, когда он подумал, что Марина со своей вялой реакцией ничего не успеет предотвратить, а его собственных сил не хватит, чтобы одолеть течение Енисея, и тогда ему не останется ничего другого, кроме как развернуться носом вниз, а к Марине спиной и устремить лодку вниз наугад к одному из зловеще зияющих черных донных отверстий в надежде точно войти в него по центру и дальше избежать касаний к стене, чтобы, если Бог даст, выскочить в нижний бьеф сквозь плотину. Он успел вместе со всем этим подумать о том, что почувствует, оставшись с Террюшей без него, Марина, и ему стало так страшно, что может произойти после запоздалого раскаяния, что он, бешено работая, все-таки перегреб течение, достал носом «диванчика» скалу, и Марина на сей раз успела схватить в руки чалку. Проблема ночного спуска ночью в зубы к черту отпала. Михаил послал Марину

вверх узнать обстановку, пока он будет разгружать лодки. Вернувшись, она сказала, что наверху никого не встретила, в здание не заходила, а места для палатки там сколько хочешь.

Михаил прихватил первый мешок и пошел наверх сам. Лестница была крута, шла одним маршем, и он подумал, что с нее надо очень осторожно спускаться, особенно с грузом в руках, иначе не успеешь сообразить, как окажешься в Енисее, причем с переломанными костями, а дальше, если сразу не захлебнешься – пожалуйста через донное отверстие самоплавом в нижний бьеф.

Одолев лестницу, он положил мешок на ровное место и огляделся. Свет из окон здания, от которого исходил постоянный гул, освещал участок широкой дороги. Вход в здание был где-то в дальнем конце. Михаил двинулся туда, но, не успев дойти, столкнулся с вышедшей из двери женщиной. Михаил сразу представил себе, кого может увидеть она в неожиданно возникшем перед ней человеке. Если бы он специально захотел одеться диверсантом, то все равно ни за что не сумел бы сделать это лучше, чем сейчас, будучи в светлосинем гидрокостюме, с ножом на поясе, слава Богу – хоть уже и без «мамбрина» на голове. Тем более, что желаннейший объект для диверсии со стороны международного империализма был вот он – высотная плотина Саянской ГЭС, будущая полная высота двести двадцать метров. Однако изменить имидж шпиона и диверсанта он уже явно не успевал и потому обратился к оторопевшей женщине первый.

– Здравствуйте! Мы с женой и собакой только что закончили сплав на надувных лодках по Кантегиру. Ночью проходить через донные отверстия как-то не хочется. Можно нам поставить палатку на ночь где-нибудь на вашей площадке?

– Здравствуйте, – ответила женщина. К счастью, ее оторопь быстро прошла. – Так вы сейчас с Кантегира? Конечно, правильно сделали, что не пошли в отверстия. Туда и днем не стоит соваться. Переночуйте лучше у нас, в тамбуре компрессорной. Там места много.

– А это удобно?

– А что? – удивилась она. – Мешать вы там никому не будете. А утром вас кто-нибудь перевезет на левый берег. Там прямая дорога на Черемушки.

– А здесь уже нет?

– Нет, здесь уже перекрыта.

– Ну, спасибо вам. Пойду за женой и за вещами.

– Ага, поднимайтесь. Сейчас я скажу своим.

Когда они занесли вещи в тамбур и начали развязывать мешки, в них последовательно приняла участие вся ночная смена компрессорщиц. Спальники в резиновых мешках оказались сухими, однако в мешке с рюкзаками и чехлами для лодок все промокло. Сырой была и вся одежда, которую они надели под гидрокостюмы. Все это надо было попробовать просушить. К счастью, хозяйки компрессорной сразу взяли это на себя – они развесили вещи в струи работающих в помещении вентиляторов. Они же предложили кипяток для чая, и таким образом все бивачные проблемы оказались неожиданно легко разрешены. Кроме чая они с Мариной решили ничего не готовить, а Террюше просто открыли банку тушенки. И тут же, надув матрасы, улеглись спать. Разговоров о сегодняшнем дне у них не было, но отвечая на вопросы любопытных доброжелательниц, выслушивавших все, что не знали о Кантегире от своих мужей, они невольно оба втягивались в разговор, хотя и не вступая в диалог друг с другом. Это в какой-то мере сулило скорое примирение, но вспоминать случившееся днем все равно было непомерно тяжело. Строго взыскующий Кантегир не мог быть ненавидимой рекой. Он был прекрасен с первого дня знакомства и до последнего часа. Даже грядущие усилия строителей ГЭС, собирающихся создать колоссальный подпор на Енисее выше плотины, все-таки не должны были перечеркнуть главные достоинства Кантегира как спортивной реки, хотя Большой и Малый Порог и все шиверы до устья Так-Сука уже было запланировано закрыть толщей вод искусственного моря.

Михаил ничуть не сомневался, что Кантегир в Мариной памяти останется только любимой рекой и что время вскоре напрочь вычеркнет оттуда высказанные вслух опрометчивые несправедливые слова. Так все и вышло. Через сутки с небольшим они уже были дома в Москве. Позади остался калейдоскоп транспортных средств и пересадок. Сначала – переезд через Енисей на моторке на левый берег, причем перевез их тот самый человек, который ночью перегнал их на Енисее. Денег он не взял, как и шофер грузовика, который подвез их от плотины до пристани в Черемушках, откуда шла до Абакана «Заря». Как и в прошлый раз, расписание движения этого скоростного теплохода оказалось испорченным двухчасовой принудительной остановкой в Шушенском, где у пассажиров был выбор только из двух вариантов – либо идти на поклонение ленинским местам, либо скучать в салоне, что они с Мариной и сделали во второй и последний раз. Из-за этого хоть и незначительного, но все же оскорбительного насилия они прибыли в Абакан к наступлению темноты и, не найдя такси, поехали в аэропорт двумя автобусами с пересадкой, что было совсем неудобно. Зато в аэропорту повезло – они застали отложенный отпращиванием рейс, на который остались свободные места, но, поскольку регистрация пассажиров и багажа была уже завершена, их не заставили взвешивать свой груз, а, главное, Террюшу. Уже стоя в очереди у трапа самолета, их красавец-колли очаровал экипаж. С ними по поводу Террюши разговорился второй пилот, а когда началась посадка, Марина с Террюшей были торжественно препровождены в конец кормового отсека старшей стюардессой, которая ледяным тоном остановила легкомысленно двинувшегося следом за ними Михаила: «А вас я, кажется, не приглашала!» Во время полета Террюша лег спать у них в ногах под креслами, и та же самая стюардесса в растерянности спросила: – «А где же ваша собака?» – и Михаил в ответ только показал пальцем вниз, но она не увидела. Террюша протиснулся головой между их столиками только когда по салону разнесли подносики с аэрофлотскими курицами. Он с удовольствием принимал кожицу и косточки и хрустел ими. Возможно, рябчики и кедровки нравились ему больше, но курочки все равно были приятны. Прилетев в Домодедово, они ждали сначала багаж, потом электричку, но в конце концов благополучно прибыли на Павелецкий вокзал. И вот тут Михаилу стало особенно больно хватать и переносить тяжелые рюкзаки. Марина посмотрела на его страдальчески корчившуюся физиономию и взяла носильщика, который на своей тележке довез их от перрона до подъезда дома, благо дом был в конце привокзальной площади.

В тот же день Михаил позвонил Лене. Он считал своим долгом сообщить, что Кантегир, наконец, полностью пройден – и вовсе не для того, чтобы уязвить бывшую жену, намекая на то, что с новой женой сумел сделать то, что оказалось непреодолимым в обществе первой – а лишь затем, чтобы обрадовать известием, что эстафетная палочка, оставшаяся в его руках от старой компании, все-таки доставлена к финишу, и Лена все именно так и приняла. Она сказала, что очень волновалась за них с Мариной, потому что живо припомнила прошлые Кантегирские перипетии, да тут еще Вера постоянно твердила ей: – «Нет, это какое-то безумие – идти туда вдвоем!». Но теперь Лена была так рада благополучному завершению их похода, что немедленно пригласила их завтра к себе, настолько хотелось скорее узнать обо всем.

Передавая Марине приглашение своей бывшей жены, Михаил знал, что Лене не так уж легко его посылать, а Марине тем более непросто его принять. Первопричиной была Ленина выходка при их первом очном знакомстве. Михаил еще не развелся с Леной, а она еще не вышла за Эдика, но это было уже решено. Тем не менее, провожая Аню с Михаилом в поход на Ладогу и зайдя в купе, где уже находились Марина и Коля, Лена демонстративно пропустила мимо ушей Марино: – «Здравствуйте!». Михаил не ожидал, что ему может быть так стыдно за женщину, с которой он прожил шестнадцать лет. Этот мелкий и некрасивый выпад, как и пара других, подобных ему, несколько поколебали его хорошее отношение к Лене, но потом, после естественного отдаления друг от друга, Михаил совершенно спокойно относился к Лениному настоящему и вспоминал о ней только хорошее – ворошить остальное

было ни к чему. Очевидно и Лена пришла к аналогичному восприятию их прошлой жизни. В свою очередь, Марина не отказалась от визита к Лене и лишь спросила, кто там будет еще. Об этом Лена не говорила, а Михаил не стал узнавать. Он лишь уверенно предрек, что Эдика они не застанут, зато туда непременно явится Вера Соколик. Михаил вполне доброжелательно относился к новому мужу Лены, уважая его талант в сатирической поэзии, хотя в основном он, как и Лена, был по-настоящему образованный философ, сильно выделяющийся на профессиональном поприще среди своих коллег. Но то ли Эдик слегка смущался Михаила, не находя в себе сходного доброжелательства, то ли избегал из-за того, что Лена (об этом он знал от Ани) не так уж редко по тем или иным поводам заявляла Эдику, что прежний муж что-то делал лучше его, но виделись они с Эдиком гораздо реже, чем могли бы при вполне нейтральном восприятии с его стороны, хотя и были на ты. Поэтому и на приеме в честь проходителей Кантегира Михаил не рассчитывал встретиться в доме бывшей жены со своим преемником.

Так и произошло. Открыв им дверь, Лена поцеловала обоих по очереди, извинившись за то, что Эдик уединился в деревне, поскольку должен вскоре сдавать свою книгу. – «Да ладно, – махнул рукой Михаил. – Не стоит извиняться. Ему было бы не интересно!» – «Ну, как неинтересно? – не согласилась Лена. – От меня он, слава Богу, наслушался о Кантегире!» – «Вот по этой самой причине!» – засмеялся Михаил, поймав ее на слове – и тут увидел идущую из кухни улыбающуюся всем своим красивым лицом Веру. Вера тоже расцеловалась с Михаилом, потом представилась Марине и поспешила оправдаться перед ней за вторжение в сегодняшний разговор о Саянском походе. – «Когда я узнала от Лены, что вы вернулись и сегодня придете к ней, ничего не могла с собой поделаться, до того хотелось узнать, как вам такое удалось. Вот и пришла». – «Будет тебе оправдываться, – прервал ее Михаил. – Я ведь так и сказал Марине, что ты здесь обязательно будешь!» Все засмеялись, а Лена сразу пригласила к столу. – «Ну, выпьем за победителей Кантегира!» – сказала она, когда Михаил наполнил бокалы. – «Ну уж победители», – возразил он, – «А кто?» – «Проходители или на старый лад – проходимцы!» – «Ну, пусть так», – сказала Вера. Они дружно чокнулись – три женщины, причастные каждая к одному из двух Кантегирских походов, и лишь один мужчина, прошедший и тот, и другой. Марина была приятно удивлена пиетету, с которым теперь относилась к ней бывшая соперница. Вера тоже ловила каждое ее слово. Они вместе стали рассказывать обо всем пути, начиная с подходов со стороны Малого Левого Она, а не по долине Карасибо, как было в первом походе. – «Так лучше? – спросила Вера. – Примерно в полтора раза короче, – пояснил Михаил. – Но в то время, когда мы там ходили, дорогу Абаза-Ак-Довурак еще не достроили». – «А-а, понятно! Ну, а дальше?» – «Дальше было много чего».

Когда речь дошла до визита Сережи из Красноярска в устье Красной речки, откуда они ушли с Кантегира в прошлый раз, Вера не выдержала и спросила: «Помнишь, нам говорили, что те пороги, которые мы прошли, еще ничто в сравнении с теми, которые ниже Красной Речки? Так ли это на твой взгляд?» Михаил задумался, потом ответил:

– Характер препятствий действительно разный. Верхние пороги круче и сложней, но в них меньше воды и в среднем меньшие скорости течения; нижние же очень мощны, но, за редкими исключениями, технически проще. Где-то на полпути мощь и сложность одновременно приближаются к максимуму, но не делаются чем-то чрезвычайным. Вот, например, Семишиверка характерна для среднего течения. «Ты помнишь Большой Порог на Щугоре?» – спросил он Лену. Лена кивнула – «Ну так Семишиверка вдвое его длинней, а по сложности того же порядка. Сказать, что мы тогда прошли лишь простейшую часть маршрута, я никак не могу. Особенно, если принять во внимание, с чем мы столкнулись на Самбыле. Вот там мы действительно прошли непроходимое, хотя и напрасно – воды мало, а перепады – запредельные. Очень трудно, хотя и не слишком опасно. Внизу же на Кантегире все наоборот». – «Проще и опасней?» – уточнила Вера.

– Да, – подтвердил Михаил.

– Много опасней?

– Не знаю. Так определенно трудно утверждать. Наверху хлестких мест вполне достаточно. Разбить байдарку просто и там, и там. Выбраться живым сложней, конечно, в нижних порогах, но не на порядок, нет. Кстати, самое неожиданное – это то, что десять лет спустя многие препятствия стали неузнаваемыми.

– То есть как? – удивилась Вера.

– Вода действительно камень точит. Или обходит препятствие, которое слишком ее тормозит. Тот завал, на котором в прошлый раз распяло мою байдарку, сохранился, но теперь он в стороне от русла. Порог, в котором Вадим во второй раз разбил свою байдарку, я даже не узнал, и только оглянувшись назад, догадался, что это все-таки он, хотя теперь он сделался круче, а в его лотке стало меньше камней.

Если в прошлый раз мы в среднем течении кое-где вброд переходили Кантегир, то теперь, при более высокой воде, это было бы невозможно. И вообще внизу Кантегир собирает столько воды, что при любом ее уровне вброд не перейдешь. Везде, конечно, он красив, несмотря на то, что по некоторым притокам когда-то горела тайга, и там на месте кедровников выросли лиственные леса. Внизу долина делается пошире, но горы по бортам не ниже, это определенно.

И до самого конца меня не отпускало напряжение, все время сидело в мозгу напоминание, что все пройденное ранее еще не гарантирует благополучного завершения пути. Тем более, что нам далеко не сразу стало ясно, отчего происходят опрокидывания. Всего их было четыре. Вот только в четвертый раз я успел увидеть, как оно начинается, и в чем причина.

– И что ты сделал? – спросила Вера.

– Накладной каркас, жестко соединяющий обе лодки. С ним переворотов не было.

– Миша, а что мы все-таки неправильно делали в прошлом походе? И что вы с Мариной сделали, чтобы все получилось? – Вере не терпелось узнать главное.

– Ну, прежде всего, ошибка была в тактике. Байдарки для такой реки слишком легко уязвимые суда. Раз уж шли на них, надо было обязательно просматривать путь, не жалея на это время. Надувные лодки безусловно больше подходят для такого маршрута. Благодаря их меньшей уязвимости и значительно лучшей поворотливости мы почти весь Кантегир прошли без просмотров. Второе – на подходы к самому Кантегиру мы потратили пять дней, а в прошлый раз вдвое больше, и это подталкивало к глупости переть напролом из-за нехватки времени.

Еще одно – все сыпучие продукты – крупы, муку, сахар – мы везли в канистрах. Поэтому из-за намкания у нас ничего не пропало, хотя лодки в порогах постоянно захлестывало водой, и они все время напоминали ванны, налитые водой то до половины, то даже до верху. Вот для того, чтобы все время не мокнуть в воде, мы взяли гидрокостюмы. Без них пришлось бы двигаться медленнее, а рисковать – много больше. Переохлаждение там может наступить очень легко.

– Все, что ты говоришь, так просто, – удивилась Вера.

– Просто, – подтвердил Михаил. – Зато очень важно.

– Ну, несколько часов в день проводить в гидрокостюме не очень просто, – улыбнулась Марина. – Я бы с удовольствием не натягивала его, но Миша не разрешил.

– Ты же сама согласилась, что в них лучше!

– Согласилась, но без всякого удовольствия.

– Тут уж не об удовольствии была речь, а о способе выживания, – возразил Михаил. – Лишь бы не замерзнуть в лодке, а тем более в воде, если окажешься за бортом. Не всегда можно выбраться из нее в два счета.

– А какие пороги оказались опасней всего? – спросила Лена.

– Как ни странно, некоторые безымянные, вроде бы и не очень выразительные. В имени-том пороге – в третьей ступени Карбайского – мы перевернулись только однажды. А трижды – в двух довольно простых шиверах и одном невысоком пороге. Выходит опять-таки, что самые опасные те, которые сходу недооцениваешь. А несколько водопадных порогов прошли вполне хорошо. Очень красивы были два таких выше устья Самбыла – один прямой, а второй, где река перед высокой скальной стеной метров в восемьдесят высотой резко поворачивает в обратную сторону. Там сначала крутая шивера, потом – быстрое по дуге с наклонной поверхностью, как на вираже велотрека, и, наконец, прыжок в водяную яму с обратным течением с высоты более полутора метров. Красиво – передать невозможно! И чуть дальше – полянка с черникой. Мы не удержались, устроили там дневку.

– А много народу теперь ходит там?

– Знаешь, Вер, с тем временем просто не сравнить. Из поселка Он мы ехали сначала на грузовике, потом на тракторных санях еще с двумя компаниями. Одна была из Свердловска, другая из Архангельска. Довезли нас до конца лесовозной дороги, дальше тропа. Обе компании ушли вперед – свердловчане с одной большой надувной лодкой, на которой они устанавливают на раме гребни как на плоту – в носу и в корме, а архангелогородцы – одни мужики, – кажется, все медики – с байдарками. Потом нас обогнал многолюдный сбор инструкторов водного туризма – человек около тридцати. Они шли налегке с небольшими рюкзаками и веслами в руках, а байдарки для них на Кантегир доставляли на вертолете. Потом нас то догоняла, то отставала от нас мужская компания плотовиков из Черемушек – Саяногорска. На самом Кантегире чуть выше устья Самбыла застали еще две команды, строившие каркасы из жердей для плотов на автомобильных камерах – одна целиком мужская из Ташкента, другая – сборная из Минска и Ульяновска, в ней было три или четыре женщины и примерно столько же парней. И еще на перевале из Она в Кантегир встретился одиночный турист – Сережа из Красноярска. Трудно найти подходящее место для бивака, где бы никто до тебя не останавливался. А помните, как было тогда? Почти никаких следов пребывания людей, если не считать тувинцев, которые перегоняли овечьи отары из Тувы по Карасибо к Абакану. Дичи, конечно, тоже почти не осталось.

– А ты охотился? – спросила Лена, зная, как ценно было для Михаила добывать в походе какую-нибудь дичь.

– Немного. На подходах мы с Мариной стреляли кедровок. Террюше они тоже нравились, не только нам. Как они нас в тот раз поддержали! Ореха, кстати, и сейчас было много, особенно в верховьях Малого Левого Она. Поэтому там и кедровки попадались чаще. А на самом Кантегире еще пять рябчиков подстрелили. И все.

– Ну, это неплохо, – сказали Вера с Леной.

– За четыре года до этого в походе по Енисею мы двадцать два рябчика добыли. А тут они почти не встречались. В прибрежной полосе их, наверно, повыбивали, а искать где-то выше было в общем-то некогда. И никаких соболей – не то, что в прошлый раз.

– Ты еще носишь своего? – спросила у Лены Вера.

Михаил понял, что она хочет сделать приятное ему. Из тех трех, которых они тогда подстрелили, добытый им и поднесенный, естественно, Лене, был самый темный.

– Сейчас уже нет, – немного сконфузившись, ответила Лена.

Михаил усмехнулся. Это было единственное ценное материальное приобретение в том походе, где так много пришлось потерять. Ну, а после этого похода он добыл себе какое-никакое душевное успокоение. Непройденного до конца маршрута в его практике больше не было. Во всяком случае – пока. И даже Лена с Верой радовались так, словно и у них свалилась с души давно гнетущая тяжесть. Что же, можно было считать, что он старался и за них, как и за всю тогдашнюю компанию за исключением Вадима. Впрочем, тому вообще вряд ли нравилось

вспоминать о Кантегире. В несложные походы он, по слухам, еще иногда ходил, но желания превзойти самого себя у него со времени Кантегира больше не появлялось.

А вот Наташе Фюрстенберг, хотя она и пропустила тот поход из-за рождения Кати, оказалось не все равно, пройдена ли та река, которая пресекла адмиралтейскую карьеру отца ее дочери. Примерно через полгода после приема у Лены в честь прохождения Кантегира, Михаил и Марина случайно столкнулись с Наташей и Катей в электричке. Обе пары собирались покататься на лыжах. Располневшая Наташа была искренне рада встрече, и первое, что она сказала, прозвучало буквально так: «Вся компания не смогла пройти, а ты прошел. Молодец!» Михаил же ответил тем, о чем чего действительно никогда не забывал: «А я все вспоминал ту дополнительную лепешку, которой ты втихаря угостила меня, когда пекла их на Щугоре ровным счетом по три штуки на каждого!» И то правда – была у них с Наташей большая взаимная симпатия, несомненно была. Михаил всегда думал о ней как о прекрасном походном спутнике и как о женщине тоже думал, думал только хорошее, и даже связь с Вадимом никак не роняла ее в его глазах.

Глава 8

Вспомнив о Наташе Фюрстенберг, Михаил задумался и о других, не только знакомых, туристах, переставших ходить в походы. Чувствуют ли они теперь, что потеряли одно из самых привлекательных в жизни занятий, или считают, что оставили лишь одно из преходящих увлечений, свойственных молодости – вроде увлечения волейболом или футболом? Судя по всему, значительная часть из них действительно не ощущала особого ущерба для себя и своего развития, отказавшись от довольно безжалостного по отношению к себе способа проводить свой досуг и отпуск. Ну, было дело, увлеклись походами, перебесились, зато потом вполне поумнели – что же плохого? В жизни полно других привлекательных занятий – не все же время наслаждаться спортивным дискомфортом и самоистязанием во имя приобщения к высшим эталонам природной красоты!

Другой же, видимо, меньшей части из тех, кто отказался от походов, все-таки было тоскливо и неудобно без них, ведь столько потрясающе яркого, прекрасного, интересного, воистину незабываемого было связано с ними, почерпнуто из них! Сколько всего было найдено, познано самого лучшего, самого высокопробного – в том числе друзей и любовей в тех путешествиях, где кроме спутников и природного естества вокруг тебя не было никого и ничего! Нет, что ни говори, только там можно было получить ключи к пониманию высшей гармонии, лежащей в основе Мироздания и только там до самых глубин потрясающей тебя!

Михаил не хотел, чтобы его будоражили только воспоминания. Он жаждал получения потрясений вновь и вновь. Таких людей в его возрасте оставалось совсем немного, и в их среде Михаил отнюдь не считал себя образцом. Были среди них и куда более фанатичные приверженцы вольных странствий – вплоть до тех высших представителей данной когорты людей, которые сделали путешествия своей основной профессией, вроде Федора Конюхова, Владимира Чукова, Дмитрия Шпаро, Наоми Уэмуры. До них Михаилу было, конечно, далеко. Не будь он еще литератором и философом, он бы наверняка завидовал им или даже пошел по их стопам, но он прекрасно сознавал, что без тех путей, которые он прошел по Земле сам, он бы не сделался ни литератором, ни философом, оставшись просто одним из множества инженеров и научных работников, о личных достижениях в творческой работе которых не узнает никто и никогда. Разумеется, он представлял, что многим пишущим и изучающим высший смысл Бытия и Мироустройства удалось свершить на своих поприщах очень многое и без долгих скитаний в дальних краях, но его-то личный путь к осознанию своего высшего призвания и к служению этому призванию был именно таков. Походы, а наряду с ними и любовь, сделали его человеком и пишущим, и сосредоточенно мыслящим, то есть в значительной степени человеком вообще.

Приверженность к спортивному туризму год от года требовала все большего проявления волевых усилий, но, к великой радости Михаила, это пока еще удавалось. Слава Богу, хоть в этом деле он не был ленив. А то ведь склонность к лени, вообще говоря, была далеко не последней по значимости чертой его характера. В свое оправдание Михаил мог привести только то, что преодолевать лень ему все-таки удавалось, и, во-вторых, что его лень была не самого худшего свойства, – ведь благодаря ей создавалось важнейшее условие для обеспечения невозмущаемого свободного и углубленного мышления – досуг, в процессе которого, пользуясь каждой свободной минутой, он вырабатывал самые существенные выводы и решения тех проблем, которые вставали или ставились перед ним. Иногда для этого требовалось десятки раз прокручивать в уме явления, наблюдения, ассоциации, чтобы придти к той или иной определенности, становившейся убеждением, чаще же тысячи, десятки тысяч, даже сотни тысяч, иногда и миллионы. Это лишь очень отдаленно могло напоминать работу электронно-вычислительной машины – и то только числом перебираемых вариантов. По существу его мышление

отличалось от машинного радикально, ибо помимо метода перебора исследуемых компонентов и их комбинаций, он использовал разные критерии оценки, разные логические схемы, прибегал к отдаленным ассоциациям и аналогам, а, главное, неустанно проявлял настойчивость в поисках Истины и взыскующий скепсис по отношению к своим выводам и промежуточным результатам – и в конце концов ему (человеку, не машине!) за это ВОЗДАВАЛОСЬ. Тот, в чьих руках было знание всех Истин, поскольку ОН сам их создал, вызывал в его бужившем на месте мозгу прозрение или озарение, служившее ключом к разгадке, с помощью которого Михаил уже был в состоянии самостоятельно придти к итоговому решению и признанию его незыблемости внутри себя. Обычно ему хватало одного сигнала, одного озарения, даваемого ОТТУДА, чтобы все исследуемое выстроилось в нужном порядке и больше не поддавалось никаким сомнениям. Да, так случалось всегда, поэтому тем более было удивительно, насколько не сразу Михаил решился принять для себя многократно даваемые ОТТУДА надвусмысленные доказательства Бытия Бога, Его Предсуществования началу времен – раньше любой материи, раньше всего, что имеет какую-то форму, проявляет какие-то свойства, обладает какой-то определенностью, потому что разуму настоящего советского человека признавать ЭТО было в корне запрещено. Многие мыслящие сверстники Михаила так и не решились сделать решающий шаг, хотя замечали, что продолжение непризнания Вседержителя их судеб часто загоняет их в логический тупик, из которого им все равно хотелось бы выкарабкаться каким-то иным путем, лишь бы не сознаться в бесполезности своего многолетнего упорства в заблуждениях и отрицаниях, в ошибочности своих подходов, оценок и вообще всей прошлой жизненной стратегии. Короче, им не хватало честности в споре с невидимым, но Сущим. И плохо от этого могло быть только им, а не Тому, кого они не хотели признать своим Создателем, хотя он не только на самом деле создал их, но и дал им способность самостоятельно мыслить и постигать.

Михаил и сам постигал Истину существования Бога не по какому-либо конфессиональному Священному Писанию, хотя начальные представления о Библии он получил еще в пять или шесть лет, когда мама по дороге пешком от дома к детскому саду пересказывала ему содержание Книг Бытия, Исхода и Левита. Но он тогда принял услышанное скорее как сказку о древнейших временах, чем как всеобъясняющее произведение для всего на свете (теперь же Михаил считал, что в этом смысле оно может вполне удовлетворить только церковных догматиков). Но то был единственный в его жизни случай духовного (не хотелось бы говорить религиозного) наставничества извне. Никаких других попыток вызвать в нем интерес к Вере в Бога он на себе не испытал. К своей Вере Михаил пришел сам, но путь его был очень долог. Если считать от начала жизни, то он одолел его только за первые двадцать лет – и то лишь в основных чертах. Правда, он ни разу не пожалел, что потратил столько времени на самостоятельное постижение, приведшее вроде бы к тому же результату, который мог бы быть куда раньше и проще достигнут под воздействием верующих наставников, ибо был уверен, что благодаря этому его Вера стала осознанней и прочней. Тем более, что само убеждение в сотворение Мира и управление им Высшей творческой Всемогущей Силой сверхматериального характера образовалось как логическое обобщение всего, что Михаил действительно знал об обществе, о природе, о вселенной и о себе как образованный, наблюдательный и остро чувствующий субъект. Возникшая из всех этих истоков познавательная способность до такой степени стимулировала творчество в зрелом возрасте, что в глазах Михаила напрочь опрокидывала наукометрическую «теорию» о том, что только в молодости – до тридцати лет – научные работники способны выдать действительно новаторские и продуктивные идеи и результаты. Для Михаила «молодость познания» началась в возрасте этак под пятьдесят и пришлась на то время жизни, которое статистика отводит исключительно творческому угасанию. Да, его случай никак не подпадал под действие возрастного стереотипа, зато он вполне соответствовал простому житейскому представлению о том, что к старости человек набирается такого опыта и знаний, какие принципиально еще не могут стать достоянием юных умов, даже чрезвычайно талантливых и ода-

ренных. И оттого Михаил все глубже проникался уверенностью в том, что Господь Бог отводит смертному творцу столько времени пребывания в этом мире, сколько ему необходимо для выполнения данного Небесами задания – при условии, конечно, что этот творец старается продвигаться, а не бьет баклуши и не отвлекается на ерунду от главного занятия жизни.

Однако важно было не только посвящать максимум сил и усердия служению главному делу. Не менее важно было делать его как можно лучше, а для этого нельзя было чрезмерно спешить. В этом Михаил убедился, когда работал еще над самой первой книгой. В основном он писал по вечерам, работа продвигалась плохо, и он вдруг почувствовал, что сил ему надолго не хватит, и начал торопиться, чтобы успеть закончить свой труд до смерти. Его гнал самый настоящий страх, что он не успеет, еще не ведая, что так во время гонки гораздо быстрее будет утрачивать силы, чем приближаться к цели. Наконец, он понял, что стоит на грани нервного истощения и потери сна и, следовательно, сумасшествия. В таком стиле закончить книгу он все равно не мог. С тех пор он взял за правило работать, не думая о том, сколько осталось жить и успеет он или не успеет. И действительно не спешил. Иногда даже слишком не спешил, будто у него и впрямь в запасе имелась целая вечность. Но вечность была в запасе не у него, а исключительно у Господа Бога, а свое место по отношению ко Всевышнему творцу Михаил уже хорошо понимал. И потому чувствовал, что под старость обязан наверстывать упущенное. Умение позволяло достигать желаемого уровня качества работы с меньшими затратами времени и сил, нежели прежде. И все-таки он уже не надеялся, что успеет сделать так много, как мог, а значит, и должен был сделать. В этом теперь явно просматривался грех, тяжелый и трудноискупаемый. Искупление можно было заслужить только полностью выполненной работой, предписанной каждому еще до его появления на свет, ради которой он наделялся соответствующими способностями. Профанировать же данные Небесами творческие способности было бы равносильно неуважению к Промыслу Божьему. Доигрывать до Кары Господней за такой проступок Михаилу никак не хотелось. И без того предстояло ответить за многое, о чем самому не нравилось вспоминать. А ведь Создатель мог усмотреть прегрешения не только в том, что сам сознаешь за собой как несправедливое и скверное – Его критерии строже, а знания нашей глубоко запрятанной внутренней сути абсолютны в отличие от наших собственных знаний о себе – неполных и не очень определенных. С возрастом правда о себе говорила внутренним голосом более откровенно и беспощадно. Совесть предъявляла самообвинения, от которых невозможно было отмахнуться. Их оставалось только признать, признать справедливыми – и остаться с сознанием вины навечно, навсегда, потому что возможности исправить прошлое в старости уже не существовало. Можно было только попробовать изменить себя в лучшую сторону, надеясь, что еще есть шанс успеть.

В течение всей служебной деятельности Михаила постоянным испытанием для него было неспровоцированное им подлое отношение либо со стороны начальства (за редкими исключениями) либо со стороны условно говоря «коллег», проявлявшееся не очень часто, но зато почти всегда неожиданно. Не вдаваясь в мотивы их поведения, Михаил считал, что просто такова его судьба. Раз он есть, то есть существует, этого единственного факта уже достаточно, чтобы некто выше, ниже или рядом в служебной иерархии считал его своим врагом задолго до того, как Михаил успевал об этом подумать. Мотивы у них, конечно, находились – распознать их было не так уж тяжело. Одним он не нравился за то, что умел мыслить и говорить лучше их, то есть за то, что был способнее, или за то, что ухитрялся находить решение, которое им не давалось. Другие ненавидели его за то, что девушки или женщины, к которым они сами вожделели, дарили свое внимание ему. Третьи своими подлостями старались заслужить благосклонность начальства, которое хотело бы выставить Михаила вон или поставить его в положение послушной, безответной и безопасной рабочей лошади, делающей за них всю работу и вознаграждаемой только все возрастающими требованиями к ней, да оскорбительными публичными выговорами.

Ничего этого Михаил без ответа не оставлял. Но поскольку его аргументы были неопровержимы, а сарказм всегда облекался в парламентскую форму, он лишал противников возможности отвечать ему корректно и публично, что до жгучей ненависти обостряло их вражду и побуждало к безграничной закулисной деятельности против него.

Случалось ему и вступаться за тех, кого он считал правыми, но кто не имел возможности заставить считаться с собой. Михаилу и этого никогда не забывали. До поры до времени он считал, что мщение ему за заступничество естественно и неизбежно. Но со временем он, побуждаемый пристальными наблюдениями за поведением своих подзащитных, осознал, что дело тут не только и даже не столько в примитивной враждебной реакции хищников на весьма досадную помеху в осуществлении их планов. Будь это так, система вражды когда-нибудь, но давала бы сбои – хотя бы потому, что кто-то из врагов мог испугаться или отступить по каким-то разумным соображениям. Однако за всю обширную практику Михаила система людского возмездия не дала ни единого сбоя. И вот в этой-то абсолютной неукоснительности и повторяемости мщения он, наконец, заподозрил некую закономерность. После придирчивой мысленной проверки своей догадки, подсказанной, как он считал, Небесами, Михаил осознал, что неосознанно нарушал один из основных Законов Мироздания, который он сформулировал как Принцип обязательности участия угнетенных и закрепощенных в своем освобождении и раскрепощении и, следовательно, как Принцип Недопустимости стороннего вмешательства в пользу каких-либо угнетенных взамен их личного участия в этом деле. Все объяснялось до крайности просто. Невзгоды в судьбе каждого сущего – не только воспитующая Кара Господня, но и испытание, из которого каждый обязан стараться выйти достойно – как человек, которому Дана возможность в установленных Создателем пределах самостоятельно делать свою судьбу. Если же кому-то приходит в голову даже бескорыстно, из одних, так сказать, высоких моральных побуждений, которые, в частности, высказал любимый герой Фолкнера В. К. Ретлиф в романе «Деревушка» по поводу прекращенного им безобразия, – «я прекратил его, потому что мог, был в силах его прекратить», то тем самым «высокий моралист» вмешивался в Исключительные Прерогативы Всевышнего, пожелавшего испытать другого смертного, а такое вмешательство не оставляется без серьезного наказания Свыше никогда. Уж эти-то вещи Михаил к тому времени знал хорошо. Пресекать чью-то экспансию только потому, что она тебе не нравится (а не потому, что она определенно посягает на тебя) – притом когда тот, на кого посягают, и не думает активно помогать тебе в борьбе за его же благо – просто уступая тебе «фронт работ», хотя имеет и свои ресурсы для сопротивления – вот это оказалось совершенно неуютно Господу Богу и влекло за собой ухудшение Кармы чересчур инициативного защитника.

Да, нелегкой ценой досталось Михаилу знание свода самых общих Законов Мироздания, в который вошел и этот Закон. За осмысление каждого было заплачено не одними благими рассуждениями – больше какими-либо потерями, ущербом, упущенным временем и упущенными возможностями, ложными шагами, несбыточными иллюзиями. Не одни инструкции по полетам писались в основном кровью летчиков. Кровавые потери – слишком часто в буквальном смысле кровавые – постоянно сопровождали процесс познания Мира и самих себя. Хорошо еще, если кровавая плата взималась с самого нарушителя Божественных Установлений, Свод которых Михаил назвал про себя Регламентом управления развитием и совершенствованием Мироздания, а не с дорогих и близких ему существ, что бывало намного горше, но винить в этом все равно следовало только себя. Представления о Карме, о воздаянии Небес еще на этой Земле за твои дела в общих чертах появились у Михаила задолго до того, как он вычитал об этом из книг, но строго формулировать Законы Кармы он никогда не брался, поскольку их действие выходило за пределы его земных знаний и опыта, а он всегда разделял установку адмирала Степана Осиповича Макарова на допустимые пределы публичного распространения собственных мыслей: «Что наблюдаем, о том пишем, чего не наблюдаем, о том не пишем». Это была честная позиция для любого, кто сознает принципиальную ограниченность любых

своих знаний, как бы велики они ни были и, тем более, как бы велики они ни казались самому себе. В сравнении же с теми, кому были доступны сведения из других своих существований в нашем и других Мирах, проникновения в другие существования и другие Миры, Михаил чувствовал себя таким же учеником младших классов, как и те школьники, которые почти все свои знания почерпывают из учебников и от учителей. Эти особо одаренные Богом высокопосвященные люди, разумеется, имели несравненно больший кругозор, какого остальные смертные еще не заслужили, но об обретении которого все равно должны были мечтать, Единственное, что накрепко запрещалось Всевышним – это пытаться овладеть Высшими, еще закрытыми для непосвященных знаниями методом насилия, взлома, включая сюда и черную магию – эту крайнюю форму вызова Создателю со стороны чрезмерно амбициозных и нетерпеливых лиц, претендующих на всевластие в мире. Здесь самодисциплинировать себя могло только одно – смиренное признание действительного положения вещей – если еще чего-то не ведаешь, значит, не заслужил. В этом свете расценивая свои обретения, Михаил мог только благодарить Всевышнего за то, что Он Дал осознать это и радоваться тому, что в зрелом возрасте смог выстраивать свою жизнь куда более осмысленно и разумно, чем прежде. Конечно, знания, которыми его Одарили Свыше, могли очень даже пригодиться другим, но, поскольку несколько попыток широко опубликовать их закончились неудачей, он понял, что на Небесах полагают, что время для этого еще не наступило. Однако данное обстоятельство не мешало Михаилу считать себя вполне вознагражденным за труды.

Намеки многих лиц, причастных к эзотерике, насчет того, что наступление эры Водолея (а Михаил тоже как-никак сам был Водолей) приведет к возникновению цивилизации нового типа и нового человека, позволяли Михаилу надеяться, что на какой-то стадии этого великого процесса преобразования человечества могут быть востребованы и его труды. Однако далеко разбегаться в подобных мечтах он себе не позволял, твердо веря в одно: его работа должна продолжаться независимо ни от ее нынешнего успеха или неуспеха, от признания или непризнания в обществе, ни от гаданий насчет того, какая судьба ждет ее после его смерти. Его обязанностью было наблюдать, думать и писать, пока еще имелись силы.

Река быстро неслась у него под ногами, возбуждая слегка устрашающую склонность к потере равновесия, с которым надо было бороться, напрягая волю. Такое же чувство, правда, более обостренное, дважды возникало у него на Ципе. Один раз при взгляде с площадки поверх отвесной скалы на турбулентные возмущения в потоке реки Ципы, переполненной водами дождевого паводка – это было чуть выше ее левого притока с эвенкийским названием Жалю, смахивающим на французское. И второй раз – с острого гребня утеса, напоминающего хребет гигантского динозавра в месте, где Ципа на равных сливалась с Витимом. Рев реки переставал тогда восприниматься только шумом – он перенапрягал опасностью свалиться в бурный поток с высоты десятков метров, пробирая все существо до неведомых прежде глубин. После этого хотелось отдохнуть в тишине, – «Покой нам только снится», – напомнил себе по этому поводу Михаил наредкость простые слова Александра Блока и печально усмехнулся. С этим ощущением несбыточности покоя Михаил отправился в палатку, как будто сразу спать, но однако не очень надеясь уснуть.

В палатке было уже почти совсем темно – не то, что снаружи. Поэтому Михаил не стал писать дневник, отложив это занятие на завтра, и не стал читать при свете фонарика. Обычно перед сном в палатке читала Марина, сначала вслух, для них обоих, потом, когда Михаил засыпал, про себя. Но перед этим она неоднократно проверяла его: – «Ты спишь?» – И он отвечал: – «Нет, не сплю», – даже когда фактически спал, но при этом как-то ухитрялся назвать ей последнее предложение, которое она прочитала. Спустя какое-то время он переставал реагировать на вопрос, и тогда она смолкала, немного сердясь на него за то, что раньше не перестала тратить зря свои голосовые средства. Этот оборот речи вошел в обиход Михаила много-много лет тому назад, больше полувека. Однажды на уроке истории, который вел их удивительный

преподаватель Олимпий Станиславович Шемиот-Полочанский, разговор Михаила с соседом по парте был прерван хлопком ладони о ладонь и возгласом: «Горский, черт возьми! Который раз я должен тратить на тебя свои голосовые средства?!» Олимпий Станиславович остался одним из немногих дорогих школьных воспоминаний. Он был настоящий польский пан, шляхтич. Однако внешностью гораздо больше смахивал на испанского идальго дона Кихота Ламанческого – высокого роста, с исхудалым лицом, без бороды и усов, но с тем же свойством некоей отрешенности от реальности, которая была присуща бессмертному герою Сервантеса. Была ли у Олимпия Станиславовича своя Дульсинея, никто из учеников не знал, но похоже было, что он живет один. Какая компания может быть у дона Кихота? Только Санчо Панса, ангел-хранитель, оруженосец. Но своего Санчо у дона Олимпия определенно не имелось. Его отличала негромкая, спокойная и невероятная в те дни культурная речь. Свой предмет, если речь шла о современной истории, он излагал как свидетель и участник всех революционных событий. Конечно, при всем своем несомненном мужестве Олимпий Станиславович знал, о чем ему не следует сообщать, но это он делал прежде всего ради целостности и сохранности своих учеников, а не для своей, прекрасно зная, чем чревато проявление слишком хорошего знакомства с действительной историей для любого гражданина прекрасной советской страны. В полной мере они осознали это уже после окончания и школы, и института, но само его школьное прозвище «Папа Лима» выдавало нежные чувства, которые они испытывали к нему как к явному уникаму, хотя почти никому из учителей они нежностей не расточали – ни в прозвищах, ни вообще ни в чем. Как он уцелел, этот удивительный реликт из прошлого, одному Богу известно. Папу Лиму невозможно было представить себе молодым. Ведь он еще в царское время преподавал в гимназии латынь и однажды, обиженный шумом в классе, он им высказался о тех временах: «Мы не говорим, что в царской гимназии все было хорошо, но дисциплины среди учащихся она добивалась!» Да, в то гнусное и все-таки дорогое время их детства и отрочества в школе порядка не было. Страной правил кровавый террор, и если он где-то не проявлял себя в полную силу, на людей уже не действовало что-то внутреннее, самостопорящее, и дети чувствовали это кожей. Давно это было – так давно, что Олимпий Станиславович уже наверняка оказался теперь по другую сторону бытия. Вечный старик и вечный пример, как и Николай Константинович Рерих, которого Михаил тоже не мог представить себе молодым вроде своего любимого деда, на которого в пожилых годах очень походил младший из клана Рерихов – художник Святослав Николаевич. Дед же Михаила был выдающимся каллиграфом, владельцем древнего искусства, в котором все менее и менее нуждалось современное общество и о котором вспоминали разве только в случаях, когда требовалось оформить какую-либо из торжественных поздравительных бумаг в нарочито архаическом стиле. Приобретения цивилизации всегда сопровождалась безвозвратными потерями. Каллиграфия, по-видимому, не являлась самой значительной из них, но и ее утрата из общественного обихода заставляла задуматься о цене развития в более общем плане – перекрывают ли новые ценности те, которые были оставлены и забыты? Если судить по итогам развития – вряд ли. Люди век от века не делались счастливее и здоровее. Жизнь, правда, становилась удобнее и легче для малой части населения Земли – это да. Для большей же части она усложнялась и не делалась ни спокойней, ни безопасней, ни осмысленней, чем в прежние времена, и дикость из нее никак не уходила. Позорный голод из-за бездумной перенаселенности – равно как и из-за гнусности и эгоизма правителей-тиранов; новые религиозные войны между адептами не только резко отличающихся, но и близкородственных конфессий, повсеместный упадок морали и искусств; гражданская апатия жителей благополучных стран по отношению ко всему, что не связано прямо с их благополучием, и фанатично-изуверская активность завистливых и корыстно устремленных сторонников убогих и лживых идеологий, с помощью которых направлялась к грабежу и разбоям основная масса обывателей бедных стран, в которых все от мала до велика ненавидят процветающих «богачей» – вот каковы были общие итоги развития человечества. И это – не говоря

о том, что во всех государствах люди всегда дружно портили земли, воду и воздух, а если где-то уже и не портили, то настолько немного, что в глобальном масштабе это пока ничего в лучшую сторону не изменило. Хотя говорить о подобных случаях все-таки стоило, даже надо было звонить во все колокола, чтобы хоть что-то пробуждало общественное и индивидуальное беспокойство – «не спрашивай, по ком звонит колокол – он звонит по тебе!» Но нет – и колокола не дозваниваются. Куда там! Не слушают даже Махатм и Махариши из Шамбалы. Рерихи, посланные ими, так и не достучались ни до кого из правителей. На что тогда может рассчитывать человечество? На свой так называемый коллективный разум? Или на авось? Или на Милость Господнюю? Но разве оно заслужило право рассчитывать на Милость своего Творца, лишь в ничтожно малой степени выполняя свой долг быть с Ним, служить Ему не только в качестве рабов, но и сотворцов? Или согласно Промыслу Божьему так и должно быть, чтобы из миллиардов особей продолжили существование только единицы или сотни, или максимум тысячи высокоразвитых душ – и тем бы ограничился «выход годного» из людского сырья?

Определенных ответов на эти вопросы, естественно, не имелось. Михаил знал только, что за будущность детей и внуков нельзя быть спокойным. Незначительное влияние на их жизнь и воспитание он еще мог оказать, но не больше. Вечные проблемы неизбежно должны были переключаться из прошлого к ним, и чего они будут заслуживать сами при их разрешении в глазах Всевышнего, как можно было заранее узнать? Другое дело, насколько некомфортно уходить в Мир Иной с мыслью, что за твоими потомками новых потомков больше никто не появится, что непрерывности для воспроизводства породы и вхождения в вечность не получится. Что тогда? Значит ли, что тогда вся история была напрасна? С точки зрения человека – да. Но у Всевышнего могли быть на этот счет совсем другие планы и возможности. Он был в состоянии уничтожить и возродить, так же, как уничтожить и не возродить, а возвести на своей Вечной Мыслеоснове что-то в другом роде, возможно, с прежними целями, а, возможно, и с совсем другими. Его, Предвечного, была воля, больше ничья. Что прикажешь в таких условиях делать со своей любознательностью и любопытством? Умерять или напротив – пытаться развить и сделать более продуктивными? В отличие от детского стремления узнать максимум неизвестного об окружающем мире, которое, безусловно, осталось у Михаила в полном объеме – это и тянуло его в походы как прежде – его новая любознательность устремляла ум к постижению невидимого, лишь интуитивно и логически угадываемого и в повседневности и – особенно – в экстремальных условиях. Знания такого рода давались с особенным трудом. Вразумить себя зачастую удавалось только после получения встрясок и ударов. Ученические способы приобщения к тайнам невидимого, как правило, не годились. Негде было найти Учителя с большой буквы, которому захотелось бы полностью вверить себя. Здесь была Россия, а не Тибет и не Гималаи. Да и Михаил был не буддист и не индуист, просто верующий сам по себе, и не был готов, подобно Елене Петровне Блаватской или парижской оперной примадонне Александре Давид-Неэль (совершенно уникальная женщина!) в зрелом возрасте начать обучаться у Посвященных тому, что тибетские и монгольские мальчики изучают при Наставниках – монахах и отшельниках – с раннего детства. К тому же из-за лавинообразного размножения житейских проблем и благодаря развитию и дифференциации конкретных наук, нужных любому воспитаннику Западной цивилизации, представить себе единственного Учителя по всему Универсуму знаний было просто невыносимо. Знание Истин, покрытых тайной, конечно же, могло сделать жизнь и праведней, и интересней, и достойней – в это Михаил верил свято. Однако на деле ему, как и всем непосвященным (а их-то как раз и тьма!) приходилось решать задачи и делать выбор при недостатке знаний, зато при избытке срочно требующей ответов суеты, в условиях переизбытка не вразумляющей или вредной, глупой и фальшивой шумовой информации, испытывая дефицит в досуге. И все это на фоне угрожающего роста народонаселения планеты, вынуждающего людей все больше подчиняться проти-

воестественным стандартам и в образе жизни и в образе мыслей, главным объектом которых в подавляющей массе случаев становилась не Идея, а Вещь, равно как и способ овладения ею. Поэтому и культура делалась по преимуществу вещной даже у многих творчески одаренных людей. Когда перед ними вставала дилемма – следовать ли только зову призвания, тем самым обрекая себя на бедность и неизвестность, или пойти по пути карьерного успеха, отступаясь, где НАДО, от призвания и морали – они выбирали карьеру, полагая, что ПОТОМ займутся настоящим делом, когда станут независимы, обеспечены и известны. Детская наивность взрослых умников! Им не доставало бесчисленных примеров и из истории, и из воочию наблюдаемых явлений, явно говорящих, что служение Сначала вещному миру, а Потом призванию, то есть Богу, напрочь отрезает творчески способного человека от того, что он лелеет где-то в непроявившейся глубине самого себя! Нет, примеров хватало. Не хватало желания и воли жить без удобств и удовольствий, без известности и славы. К тому же только сугубые теоретики (прибегая к сравнению с миром искусств, только абстракционисты науки) могли эффективно трудиться в одиночку как писатели, композиторы, живописцы, отчасти скульпторы. Все остальные научные работники зависели в своих делах от посторонних лиц и организаций. Это тоже отчасти оправдывало отступничество от прямого исполнения призвания. Зачастую достаточно было сделать всего один, зато решающий шаг – и недостижимые блага становились доступны, а высокие критерии и вкусы совершившего этот шаг человека оставались прежними и еще не страдали ущербностью, но только на первый взгляд. Как справедливо утверждалось в романе Стругацких «живописец Квадрига становился халтурщиком Квадригой» – и это было необратимо. Это равно касалось и биологов, и физиков и кого угодно еще. Всевышний не прощал измены и отступничества от Назначенного Им Пути (а именно это Предназначение мы ощущаем как свое призвание) никому. И этим людям уже никогда не удавалось придти в ту точку, в которой они раньше мечтали оказаться. Значимость этой утраты не всегда замечалась сразу. Часто ее обязательно сознавали в конце жизни, при подведении итогов всего, что достигли, когда даже мысленно уже нельзя как-то исправить после покаяния. Когда остается только уйти – и уйти практически ни с чем.

Наблюдая эволюцию многих хорошо знакомых ему людей, Михаил не находил никаких исключений, никаких изъятий из таких результатов отступничества от исполнения своего высшего долга. Правда, не все правильно понимали этот Высший Долг, принимая за свое дело нечто им принципиально недоступное, – но принимали-то всерьез. Еще Библия предупреждала, что наряду с настоящими Пророками будущего, посланными Богом, появлялись и будут появляться лжепророки – просто потому, что многим очень хочется прорицать, дабы прославиться и преуспеть. Ну, а если снизойти с уровня подлинных пророчеств на простой житейский земной, разве не хватало примеров лжепризваний, невероятно высокой переоценки своих способностей и потенциала? Мало ли людей мечтали первыми взойти на Эверест или первыми достичь географических полюсов или разработать универсальную физическую теорию, создать затмевающие все написанные ранее стихи и романы, картины, скульптуры, музыкальные произведения, здания и сооружения? Трудно даже подсчитать, во сколько раз – тысяч или даже миллионов раз – число действительно выдающихся творцов и способных свершить небывалое людей оказывалось меньше числа претендентов, мечтавших о том же самом. Большинство вообразивших свое призвание (да, только вообразивших – ведь это возвышает в собственных глазах, когда ты знаешь, чувствуешь, что рожден для успешного решения Сверхзадачи или задач) не оставляли поприща, на котором напрасно, все, собирались оставить самый значительный след, и пополняли собой неистощимую армию завистников, старающихся при малейшей возможности остановить, обобрать, ошельмовать, низвергнуть и уничтожить тех, кто действительно решал Сверхзадачи – и достигал цели. Масштаб Сверхзадачи при этом не играл существенной роли. Он мог быть вселенским, но мог быть и куда более скромным,

локальным. Все определялось тем, на овладение каким поприщем посягал поднявший свой флаг «до места» претендент.

Михаилу довелось наблюдать достаточно яркие примеры поведения неумеренно претенциозных, но занявшихся не своим делом людей приблизительно его же возраста или лет на десять-пятнадцать моложе. Именно таким – тридцатипяти-сороколетним – надлежало завершить борьбу за овладение местом под солнцем, от которого открыт путь в высшие сферы государства и общества. Раньше – до тридцати лет – обычно сделать карьеру люди не успевали, позже сорока, максимум сорока пяти, достичь желаемого поста было уже просто невозможно, раз не потрудились расстараться в положенный срок.

Первым таким героем своего времени предстал перед Михаилом его ровесник – молодой директор только что созданного межотраслевого научного информационного центра Генрих Трофимович Антипов. Своим попаданием на место директора он был обязан воистину чудесному счастливому случаю. Высшее начальство правительственного органа, курирующего группу важных отраслей, поручило полковнику госбезопасности, отвечающему за подбор и комплектование кадрами нового центра, руководствоваться прямо-таки революционными критериями в определении компетентности претендентов на руководство. Это должен быть активно работающий доктор наук в области создания систем управления, не старше сорока лет, разумеется, коммунист. Таких кандидатов на должность в номенклатуре ведущего министерства нашлось всего два человека. Остальные молодые доктора находились уже при деле и при местах, от которых не собирались отказываться. Выбор высшего начальства пал на Антипова, поскольку тот был математиком – прикладником, участвующим в разработке систем управления серьезных технических комплексов, в то время как другой доктор показался специалистом, более отдаленным от информационных проблем.

Антипов взялся за новое для себя дело с энергией и жаром, достойным лучшего применения, очевидно, считая необходимым доказать кому угодно, что его не зря назначили директором Всесоюзного научно-технического информационного центра первой категории. Прочитав пару-тройку книг (больше в неустоявшейся научной и практической дисциплине – будущей информатике – еще не было), Антипов решил, что это как раз то почти девственное поле, на котором именно ему надлежало возвести небывалое сооружение. Он сходу выдвинул идею создания системы массовой переработки документальной информации в фактографическую, в макроштрихах набросав и технологию такой переработки. Идея вызвала странную реакцию – ее сочли эксцентричной и нереалистичной, но Антипова это не смутило.

Он расчленил гипотетическую систему на блоки и каждому из значимых по должности или по наспех определенным способностям новых сотрудников дал им задание разработать состав системы и технологию более подробно. Сразу из этой затеи единого равнопрочного проекта не получилось. Однако не потому, что идея Антипова была совсем не годна. Михаил понимал – опыта уже хватало – что она осуществима, если на нее дадут достаточно денег, хотя и очень сомневался, что их дадут, ибо расходы на эксплуатацию предложенной Антиповым системы должны были возрасти не менее, чем на порядок в сравнении с традиционной документальной системой того же охвата. Но хозяева – руководство группы могучих отраслей – располагались громадными средствами. Поэтому была вероятность, что под серьезный проект, если сочтут его для себя полезным, деньги найдут, и Антипов знал об этом. К тому же ему очень понравилось, как Михаил проработал закрепленный за ним блок. Поэтому он привлек Михаила к разработке всей системы в целом в числе группы из четырех человек, включая самого Антипова. Кончилось тем, что из четырех разработчиков работу фактически провели только двое: Генрих Трофимович Антипов и Михаил Горский. Работая с директором, Михаил убедился, что тот способен творчески мыслить и не гнушается работы, к которой директора обычно не прикасаются. Это было очень приятное чувство – сотрудничать с человеком, стоящим на несколько уровней выше его в служебной иерархии, но вполне доступным для обмена

мыслями и оценками. Все совершалось уважительно и по-честному. В очень сжатые сроки они сделали то, что следовало. Антипов понял, что может опираться на Горского. Поэтому когда Михаил попросил директора вывести его из подчинения начальнику отдела, который много мнил о себе как о системном разработчике, но оказался практически никчемным в конкретном серьезном деле, Антипов понял его и обещал подумать. Начальник отдела, уже успевший возненавидеть Михаила за особое расположение к нему директора и старавшийся загрузить своего сотрудника опережающими заданиями, чтобы, когда придет время, явиться к руководству с готовыми материалами от собственного лица, остался с носом. Антипов перевел Михаила в подчинение своего сотрудника по прежней работе, а главное – одноклассника и друга детства Виктора Белянчикова, которому лично покровительствовал и вполне доверял. Когда Михаил разговорился с Белянчиковым и выяснил, что тот учился в Механическом институте на одном курсе с ним, хотя и на другом факультете, то вдруг вспомнил, откуда ему знакома округлость головы и сама фамилия Белянчиков. Восемнадцать лет назад Михаил ходил в зимний поход с ребятами – однокурсниками именно с того факультета, на котором учился его нынешний шеф. Он даже помнил, как после похода зашел к походным знакомым, и одна из спутниц – Тамара Кудряшова – окликнула проходившего мимо коротко стриженного плотного парня: «Витька! Белянчиков! Подойди сюда»!. Оказалось, что они с Тамарой учились в одной группе.

Ко времени их новой встречи Белянчиков стал еще более плотным, солидно произносящим слова кандидатом технических наук (Михаил не стал кандидатом никогда), бывшим мастером спорта по мотокроссу, что чувствовалось по тому, как он водил свой автомобиль. Как и Антипов, Белянчиков был новичком в информационной тематике и потому держался скромно, стараясь не делать лишних шагов, дабы не попадать впросак, что представлялось Михаилу вполне разумным. Белянчиков внимательно прислушивался к нему в те дни, очень внимательно – и особенно к тому, как Михаил разговаривал с «корифеями», то есть обладателями напусковых авторитетов, немного выпуская из них воздух.

Следующей крупной работой Михаила, на этот раз без участия Антипова, была разработка методик и технологии обзорно-аналитической деятельности. Ему удалось выделить совершенно новые подсобные приемы и новые критерии оценки качества этой достаточно традиционной и даже консервативной области подготовки сжатой информации. Для реализации общей идеи Антипова по переработке документальной информации в фактографическую это было как раз то, что надо. Однако реакция Антипова на нее оказалась достаточно странной. Ничего не критикуя на научно-техническом совете по существу, он предложил ее переработать до запланированной отсылки на отзыв. Михаил был уверен, что работа сделана хорошо и поэтому стал искать причину, по которой Антипов вдруг застопорил рассылку, не в ней, а вокруг нее – и быстро нашел. Хорошая работа была сделана без прямого участия Антипова и даже без консультаций с ним. То, что директор не сделал никаких конкретных замечаний, означало лишь, что ему и нечего было бы посоветовать, если бы Михаил обратился к нему с каким-нибудь вопросом во время разработки. Оставалось одно объяснение – Антиповым руководила зависть и досада, что он как будто остался не при чем, и остальным подчиненным это видно. Открытие оказалось не из приятных, поняв, в чем дело, Михаил пошел к Антипову и, ничего не говоря о том, что работу незачем переделывать, спокойно спросил лишь о том, как быть с отчетностью. В плане НИР значился пункт – рассылка на отзыв, плановые службы вышестоящих инстанций должны были за этим следить. Антипов на секунду задумался. За выполнение плана НИР перед хозяевами центра по всем его позициям отвечал не какой-то Горский, а только он, директор Антипов. Это было ясно как Божий день.

– «Нет, – наконец, произнес Антипов, – материал надо разослать. Я внесу поправку в решение НТС». Расписка в правильности выводов Михаила была получена из первых рук.

С этого времени Михаил стал еще более пристально всматриваться в поведение директора. Тот и раньше любил подчеркивать, что является сильной личностью. Наряду с подоб-

ными декларациями в его голосе очень скоро появились нотки величественной, прямо-таки стальной директивной безапелляционности, а в лексике – новые словечки типа твердо произносимого и инвертированного против традиции «День добрый» вместо приветливого «Здравствуйте», небрежно-командирское «Ну, есть» вместо нормального «До свидания», указующее «задействовать» вместо «привлечь к делу» и иные полусамодельные выражения собственного «новояза», правда, еще не того, который был принят в высших аппаратных партийно-советских кругах вроде: «Давайте обменяемся» вместо «Давайте обменяемся мнениями», «коммунизм» вместо «коммунизм», кондовое «каждый» вместо «каждый».

Сделавшись директором, Антипов познакомился со многими другими лицами того же ранга, занимавшими посты руководителей отраслевых органов научно-технической информации. Коллеги почти все до одного показались ему столь примитивными, необразованными и неинтересными, что он сразу решил, что превосходит их не на голову, а на две. Разумеется, Антипов судил о себе по льготной шкале. На самом деле его действительное умственное превосходство было много скромнее, но, видимо, именно тот факт, что оно имело место, пробудил в честолюбивом Антипове желание быть не одним из толпы этих малоценных, по его мнению, людей, а в качестве сильной и значимой личности сделаться их начальником, в перспективе – даже заместителем председателя Госкомитета по науке и технике, то есть фактически членом правительства.

Естественно, он понимал, что одного умственного превосходства мало. Как правило, решающий успех в карьере достигался только при поддержке высокопоставленного покровителя или родственника. Высший круг номенклатуры формировался исключительно по принципу личной преданности членам политбюро ЦК КПСС или родства. Таковых связей в активе у Антипова не было. Обзавестись же нужным покровителем было более чем сложно. Для этого надо было сначала обратить на себя внимание, безусловно оправдать интерес к себе, доказав свою полезность именно нужному лицу, а это можно было сделать только подняв на невыразительном мелководье высоченную волну – и с ее гребня прыгнуть в нужное кресло. Сама по себе идея Антипова создать систему массовой переработки документальной информации в фактографическую поднять такую волну не могла. И не только из-за возражений оппонентов. На нее просто не дали бы столько денег, чтобы она смогла сколько-нибудь заметно проявить себя. Но даже если бы дали, советская система управления финансами встала бы непреодолимой стеной для любого, кто рассчитывал обеспечивать оплату труда привлекаемого со стороны внештатного корпуса специалистов, работающих по своему основному профилю в соответствующих организациях, по всем охватываемым системой направлениям науки и техники, из так называемого «безлюдного фонда», то-есть из денег, выдаваемых по собственной воле менеджеров системы «внештатникам», а не в соответствии со строго контролируемым штатным расписанием. Финансисты не без основания видели в этих «безлюдных фондах» в первую очередь способ расхищения государственных средств. Бесполезно было доказывать им, что так платят аналитикам-внештатникам в Америке, что только так можно обеспечить постоянную компетентность работников, отбирающих, оценивающих и обобщающих факты.

Антипов сообразил, что эту стену ему не пробить ни при каком покровителе, тем более одному. Все, что могло ему подфартить, по-прежнему зависело исключительно от случая. И новая удача как будто снова улыбнулась ему. Госкомитет по науке и технике комплектовал делегацию директоров информационных учреждений для ознакомительной поездки в США, и Антипов был включен в ее состав. Вот из этой поездки в Америку Антипов вернулся уже действительно другим человеком. Метаморфоза свершилась исключительно быстро по двум причинам. Во-первых, если раньше только он сам ставил себя выше других коллег-директоров, то теперь его выделили из их рядов не кто-нибудь, а мировые лидеры в информатике – американцы. Его компетентность в задаваемых вопросах и суждениях и апломб, с которым он отпускал критические замечания в адрес лидеров у них дома, производил впечатление не только

на американцев, но и на советскую делегацию. Коллеги увидели в нем не просто случайного амбициозного выскочку (они и сами являлись такими), но и действительно опасного конкурента, готового все переиначить и, главное, запустить дело по-новому и уже без них. Сгоряча Антипов с самодовольством заметил только то, что коллеги поняли, наконец, кто из них настоящий специалист, в то время как гораздо важнее было понять другое – что им такой лидер был вовсе не нужен, и это сразу сплотило всех против него.

Во-вторых, при посещении Смитсоновского института Антипов на свое счастье (конечно счастье!) увидел в реальности тот вариант своей затеи, который мог организовать в одном своем штате информационного центра, правда, расширенном. Там за персональными дисплеями большой ЭВМ сидели аналитики, и каждый из них по своему узкому профилю формировал машинный файл фактов со ссылками на документы. Строго говоря, это была не собственно фактографическая система, а нечто, предшествующее ей, поскольку выдача из ЭВМ все равно состояла из вторичных документов, а не собственно фактов как таковых, но это был уже существенно обогащенный фактами материал.

Появившись у себя на работе, Антипов немедленно собрал близких ему по духу людей и, кратко проинформировав их об увиденном, раздал им несколько срочных заданий. Небольшую группу он засадил за перевод тех материалов, которые хотел включить в свой отчет. Задание было сверхсрочным. Михаил понял, что горячка здесь порется неспроста, и что Антипов хочет представить свой отчет о командировке в ГКНТ как отчет от имени всей делегации, хотя на самом деле эта работа была поручена не ему. Раз он решил работать на опережение, значит, собрался представить высшему начальству свою идеологию с опорой на американский опыт не просто оперативнее своих коллег, но и так, чтобы их отчет выглядел бледным на фоне той картины отечественного будущего, которое обрисует он.

Михаил был включен в другую группу, которой надлежало организовать технологический процесс обработки информации в самом центре – уже не во всей межотраслевой системе. Сначала ему пришлось оценить, какой нагрузке подвергнется по такой технологии центр, какие для этого потребуются людские и машинные ресурсы, чтобы не вышло так, что гора родила мышь. Однако Антипов желал другого – немедля, до проведения какого-либо проектирования, засадить всех имеющихся в институте специалистов по разным тематическим направлениям за работу в качестве аналитиков вне зависимости от их интеллектуального уровня и действительной компетентности. Чтобы активизировать порядком обалдевших от организационной перетряски людей, придать им уверенности и заинтересованности, Антипов приказал называть их не просто аналитиками, а эрудитами и прибавить рублей по пятнадцать-двадцать против того, что они получали до чудодейственного появления эрудиции в их головах по одному только приказу директора.

В качестве прототипа информационно-поискового языка, которым должны были пользоваться эрудиты, Антипов распорядился принять комплект предметных рубрикаторов все того же Смитсоновского института. Язык был примитивен и годился разве что для формирования документальных досье по тому или иному профилю, но отнюдь не для прямого поиска фактов. Антипов против такой оценки не возразил. Но с ним произошла еще одна перемена. Если раньше он готов был доказывать свою правоту, отбиваясь от чужих аргументов и отчасти соглашаясь с ними, то теперь перед сотрудниками это был не их старший коллега, а повелитель, не затрудняющий себя разъяснением причин своих предпочтений, и в то же время мэтр, изрекающий только абсолютные истины. Ни возражений, ни сомнений он уже не слышал. Группе, писавшей для него отчет, он устроил скандальный разнос с криком и угрозами, поскольку она не совсем укладывалась в сроки.

Короче, все свидетельствовало о крайнем нетерпении шефа и о том, что он сделал главную ставку в карьерной игре. Взлет на гребень волны он решил совершить немедленно и во что бы то ни стало. Очевидно, он очень боялся, что иначе найдется другой умник, кото-

рый на той же американской основе предложит то же самое, но уже от себя, а если у него к тому же найдется высокопоставленный покровитель или родственник, то плакали расчеты Антипова сделать молниеносную карьеру, а другой возможности у него могло и не быть. Увязнуть на старте означало проиграть. Восхваляемая в свое время Сталиным американская деловитость сейчас – увы! – не опиралась на большевистский размах. Убожество ресурсов, которые находились в распоряжении Антипова, неизбежно должно было перелиться в убожество реализации его затеи. Спешка могла лишь усугубить профанацию.

Михаил написал Антипову докладную с предложениями вернуться к нормальному проектированию системы их центра, чтобы впоследствии не пожалеть о просчетах, но, прежде чем передать ее Антипову, показал своему непосредственному начальнику Белянчикову. По тому, как менялось в процессе чтения выражение его лица, Михаил понял, что Белянчиков чувствует крайнее неудобство для себя перед лицом дилеммы – поддержать Горского (как человеку неуверенному и осторожному аргументы Михаила должны были показаться ему серьезными и весомыми) или отмежеваться от предлагаемой линии поведения, поскольку она явно не соответствовала намерениям его школьного друга и шефа, огорчать которого своим несогласием Белянчиков безусловно не собирался. Отогнать от себя неприятности можно было только одним путем, и Белянчиков тут же отыскал его. – «Я не советую вам подавать такую докладную, – сказал он Михаилу. —Подумайте еще раз». Михаил подумал. Профанация дела, если не прямой провал, казалась ему неизбежной. Раз так, то будет учинен поиск виноватых. Кого Антипов найдет? Безусловно, не себя. А кого конкретно? Того, кому была поручена разработка технологии, определение пропускной способности системы и так далее, и того, кто не сумеет из-за бедности придать американский блеск компьютеризации по-советски. То есть Михаила и, возможно, кого-то еще. Белянчиков в любом случае останется в стороне и потому, что он приятель Антипова, и потому, что к докладной Михаила не будет иметь никакого отношения. Зная, насколько Антипов устремлен к обеспечению своего второго карьерного взлета, можно было не сомневаться, что он будет разгневан. Подавать писульки вместо того, чтобы заниматься экстренно насущным делом! Этого он от Михаила, который прежде за один квартал выполнил четыре годовых объема работ старшего научного сотрудника Академии Наук, не ожидал. Но и Михаил не хотел подставляться под чьи угодно глупости, в том числе и Антиповские, как ответственное лицо.

Он передал докладную через секретаря. Реакция последовала на следующее утро. В начале рабочего дня Белянчиков вызвал Михаила к себе и протянул ему докладную с резолюцией Антипова. Там Белянчикову предлагалось рассмотреть вопрос о дальнейшем использовании Горского в качестве начальника лаборатории. Когда Михаил поднял от бумаги глаза и посмотрел на Белянчикова, тот напомнил: – «Я же вам не советовал подавать эту бумагу». – «Да» – подтвердил Михаил. Белянчиков помолчал, видимо, ожидая, что Михаил поинтересуется у шефа, что он услышал от директора еще. Уволит? Понизит в должности? Если так, пусть сам и говорит. Кончилось, правда, не увольнением и не понижением, а лишь отстранением Михаила от роли ведущего разработчика системы. За ним оставили только руководство разработкой рубрикаторов «эрудитов».

Михаил решил добиться создания частных фасетных классификаций, и при этом ему пришлось решить некоторые задачи цифрового и систематического индексирования, не описанных даже у самого Ранганатана. Дополнительная сложность состояла для него еще и в том, что Антипов выбрал для машинного ведения досье эрудитов весьма убогое, но зато уже готовое программное обеспечение, в котором заключалась куча противоестественных ограничений. В детали своего представления об использовании этого программного обеспечения Антипов Горского больше не посвящал. Поэтому однажды Михаил оказался виновником задержки хода дел по созданию рубрикаторов. Он потребовал от эрудитов, чтобы в каждой нижестоящей рубрике содержалось описание классификационных признаков подчиняющей ее руб-

рики плюс описание того признака, который конкретизировал состав подчиненной рубрики. Оказалось, что программное обеспечение допускает на каждом уровне использовать в качестве ее наименования только одно слово естественного языка. Поэтому иерархию классификационных признаков Антипов собирался фиксировать только с помощью цифрового индекса, без словесной формулировки. Когда Антипов обнаружил, в каком виде представляются рубрикаторы, он вызвал Белянчикова и велел все срочно переделывать. Белянчиков передал это распоряжение Горскому совсем как обвинительное заключение. Михаил понял, что Белянчиков настолько созрел к принятию административных репрессий против своего строптивого подчиненного, что если Антипов сам не потребовал его увольнения, то Белянчиков наверняка будет настаивать на этом по своей инициативе. Но о чем говорили насчет него начальники, Михаил от Белянчикова не узнал. Его вызвал к себе директор. Тот принял Михаила вежливо и внешне даже доброжелательно. Это выглядело странно истораживающее. – «Скажите, Михаил Николаевич. То, что эрудиты в каждой рубрике давали полное словесное иерархическое описание их содержания, это их инициатива? Вы знали об этом?» – тон директора так и побуждал заявить о своей невинности. Но Михаил не поддался.

– Генрих Трофимович, как я мог об этом не знать, если сам распорядился делать так, как они сделали, и следил за этим.

Лицо Антипова не изменило доброжелательного выражения. И тут Михаил окончательно удостоверился, что только что миновал западню. Если бы он принял ложно протягиваемую спасительную руку и сам в свою очередь соврал, будто он не при чем, директор пришел бы к выводу, что он ни на что не годный трус и выгнал бы его, как на том настаивал Белянчиков.

– Хорошо, – сказал Антипов. – Я понимаю, что с точки зрения классической классификации вы делали верно. Но нам действительно нельзя действовать иначе, чем добавляя на каждом нижнем уровне только одно слово к описанию верхней рубрики.

– Не все признаки можно описать одним словом. Бывают необходимы и словосочетания, – заметил Михаил.

– Бывают, – согласился Антипов. – Но надо будет как-то исхитриться.

На этом инцидент с директором оказался исчерпан, но, как выяснилось без промедления, к величайшему разочарованию Белянчикова. С этого времени его отношение к Горскому радикально переменялось. Вместо уважительного внимания выражалось полупрезрение. Очевидно, Белянчиков решил, что он уже во всех делах научился разбираться лучше Михаила. Этому сопутствовал менторский и взыскующий тон хозяина, едва выносящего присутствие рядом с собой опасного и вредного человека исключительно из нежелания спорить с шефом, однако с неослабевающим желанием в нужный момент добиться своего. Перемена отношения Белянчикова к Михаилу была столь разительна даже на фоне антиповского нерасположения, что Михаил не находил удовлетворительного объяснения его мотивам. Обычным административным хамством дело явно не ограничивалось – если бы все заключалось только в нем, то Белянчиков не забегал бы в своем усердии избавиться от Михаила вперед паровоза, то есть Антипова. Объяснение нашлось неожиданно и случайно. У Михаила где-то в транспорте вытащили кошелек, а в нем незначительную, но в то время очень нужную сумму – около пятидесяти рублей. От этой потери он испытывал острую досаду, которая только усиливала общее плохое настроение на работе. При мысли о работе в памяти всплыла и фигура Белянчикова, рьяного в ненависти и вполне самодовольного – и вдруг Михаил понял, в чем дело. Если его самого так расстроила и даже слегка выбила из колеи такая однократная и в общем незначительная потеря, то с какой силой должен был ненавидеть его Белянчиков при мысли, что если бы он поддержал позицию Горского (а, видимо, сделать так его все-таки подмывало), то он, возможно, рисковал потерять от немилости Антипова много-много больше. Если директор во гневе, вызванном нелояльностью и бесполезностью своего школьного друга, разжаловал бы его из начальников направления в начальника сектора или, того хуже, в старшего научного сотрудника

(а такие случаи уже бывали), то он терял бы не пятьдесят рублей, а втрое или даже вчетверо больше и не единожды, а ежемесячно. Тут уже действительно было за что ненавидеть Горского, если не как вора-карманника, то как провокатора, по милости которого он рисковал лишиться минимум трети зарплаты или даже больше того. Пока что Белянчиков вынужден был из-за умеренности Антипова ограничиться мелкими пакостями. Однажды он отказал Михаилу в просьбе отпустить его с работы (раньше Белянчиков разрешал это с готовностью). Больше Михаил к нему ни с какими просьбами не обращался. Нередко он проверял, на месте ли Горский, когда до конца работы оставалось секунд десять или вызывал к себе после работы для специально спланированного на это время разноса или под предлогом срочности дела. Все говорило о том, что Михаилу в интересах собственного спокойствия надо скорее уходить.

Между тем затея Антипова взлететь на фоне американского уважения к его компетентности и готовности действовать по-американски в своей стране была дружно провалена коллегами-директорами и даже более высоким начальством. Отчет Антипова в высшие сферы не проник. Туда отправился отчет, написанный другими лицами, стоящими на позициях реализма и неприемлющими выскочку-наглеца. Лобовая атака на рутинную организацию информирования специалистов самого разного уровня и положения провалилась. Неудача сильно задела самолюбие Антипова, но не заставила опустить руки. Он решил провести фланговый маневр, и если не удалось захватить главную господствующую высоту, то надо постараться оседлать другую высоту, контролирующую подходы к главной, и это каким-то образом ему удалось. Антипов очаровал критической настойчивостью руководство ВАК^а и был назначен председателем экспертного совета по диссертациям в области научно-технической информации. Теперь мимо него, не заплатив (в переносном, конечно, смысле) какой-либо дани, не мог проскочить никто из его амбициозно настроенных коллег. Они должны были поддерживать миф о его лидерстве и в той или иной степени принадлежать к «школе Антипова» – к единственной, заслуживающей права на существование в СССР. Несогласным оставалось лишь пытаться получить вожацкую ученую степень в смежных областях, где положение контролировалось другими Антиповыми, которые были вряд ли лучше его. Теперь Антипов мог вести себя как сильная личность. Он – и только он – регулярно возглавлял оргкомитеты всесоюзных конференций по информатике и выступал на них с основными пленарными докладами. В его власти было допускать или не допускать к печати чьи-то доклады и тезисы, которые шли в счет необходимых перед защитой публикаций, и ему уже стало казаться, что обходная дорога приведет его к овладению и главной высотой, как вдруг..... Та монополия, которую он взлелеял для своего успеха, сыграла с ним злую шутку. На очередной всесоюзной конференции в Сибири заинтересованные в его поддержке хозяева места ее проведения угостили Антипова, а с ним и еще нескольких важных членов оргкомитета номенклатурной баней в загородном пансионате. Разумеется, баня была там не единственным угощением для сильной личности. Антипов и в самом деле был в ударе, молодецки, не хуже сибиряков, хлопал стакан за стаканом. Он действительно умел хорошо держать градус, но на этот раз «термы» в сочетании с водкой оказались сильнее его организма. С тяжелым инфарктом он был перевезен перепуганными хозяевами из пансионата в реанимацию, где он и пробыл несколько недель, прежде чем смог вернуться в Москву. А там ему скоро дали понять, что для напряженной работы по руководству системой НТИ для ряда отраслей он со своим подорванным здоровьем не подходит.

Его сняли с поста директора центра, потому что он надоел хозяевам не столько «западными» увлечениями (хотя и ими, конечно, тоже), сколько тем, что они так и не ощутили никаких значимых изменений в своем информационном обеспечении за то время, пока он отвечал за это – а прошло с тех пор, как его назначили, ни много ни мало около двенадцати лет. Колоссальные затраты своих собственных и чужих сил, громадные, хотя и недостаточные для получения эффекта затраты государственных ресурсов и финансовых средств – все пошло для него прахом. Если что созданное им и осталось на пользу дела, то работало уже не на него, а на тех,

кого он и в грош не ставил, поскольку давно уже привык считать, что его интеллекта с лихвой достаточно для всего информационного центра, и потому оставлял рядом с собой только тех, кто без собственных закидонов делал, как он приказывал, а непрошенных инициатив не проявлял. Надо сказать, что своих подхалимов и льстецов Антипов не уважал никогда и мог обращаться с ними вполне бесцеремонно, зная, что такая публика выдерживает любое обхождение с собой, хотя при смене господина обязательно старается вцепиться прежнему повелителю сзади в штаны. Но без льстецов и подхалимов он давно разучился жить и без их славословия просто плохо себя чувствовал.

Видимо, самым главным своим достижением в карьере и вообще обретением в жизни Антипов считал власть над людьми. Он привык ощущать себя повелителем сотен людей, работавших в его центре, и весьма влиятельным лицом в глазах еще двух-трех тысяч людей, собирающихся защитить и утвердить в ВАК»е свои диссертации. Он совсем не пресытился сладостным чувством власти, когда его отлучили от нее, и вовсе не собирался от нее отказываться. У него под рукой остался очень скромненький запасной аэродром – должность профессора при кафедре высшей математики в учебном институте, даже не заведующего кафедрой. Конечно, он получил возможность рассчитывать на благосклонность хороших студентов, пренебрегавших изучением точной науки, в обмен на приличную оценку в зачетной книжке, или аспирантки, которой мог понадобиться научный руководитель по теме, требующей применения серьезного математического аппарата, но это в принципе была весьма краткосрочная власть, а ее корыстная – с одной стороны, – и весьма смахивающая на вымогательство – с другой стороны – природа была очевидна до неприглядности даже ему самому. Не этого требовательно жаждало его честолюбие. Женщины сами должны были желать сближения со столь сильной личностью, почти сверхчеловеком, каким он себя представлял – пожалуй, кем-то вроде Наполеона, имевшего неограниченное предложение со стороны дам, заинтересованных в близости с ним.

Остатки возможностей выглядели скудными и жалкими. Слишком малое осталось в руках еще далеко не вполне развернувшегося в полную меру директора, когда он перестал быть директором. Теперь ему трудно было чем-то серьезно утешить себя.

Белянчиков был самым близким из приближенных Антипова. Считая себя уже крупным специалистом в информатике, поскольку солидным тоном повторял сентенции шефа, он на самом деле давным-давно превратился в простого диспетчера и передатчика директорской воли, не проявляя никаких инициатив и лично не участвуя ни в научной, ни в практической деятельности центра как разработчик. Михаил не помнил ни единого случая, чтобы Белянчиков, когда это зависело от него, принял бы какое-либо решение из нескольких вариантов, кроме самого-самого худшего. В конце концов это стало раздражать – нет, не Антипова – а нескольких новых и более карьерноустремленных сотрудников, которые стали доказывать Антипову, что Белянчиков должен был бы много лучше воплощать в жизнь идеи и волю директора, чем он делал. И в конце концов они сумели предметно доказать Антипову свою правоту. В то время Михаил уже давно не работал в центре, но знал, что против Белянчикова были пущены в ход и его аргументы. Антипов предложил бывшему другу неподобающе низкую должность и тот вернулся в институт, в котором прежде работал с Антиповым по инженерной специальности. Десятилетнее служение личным интересам Антипова как своим собственным дорого обошлось Виктору Белянчикову, когда-то нормальному студенту, человеку с собственной головой, смелому, умеющему рисковать мотокроссмену. Если не считать денег, получаемых у Антипова, он ни в чем не преуспел и вернулся на прежнее поприще, отстав от специальности почти на целую эпоху. Снова надо было доучиваться вместо того, чтобы сразу идти вперед. Хорошо еще, что по старому знакомству его взяли обратно после такого перерыва. Но жизнь, столь быстро набравшая карьерные обороты в кильватере у Антипова, оказалась растраченной впустую, и эту потерю уже ничто не могло восполнить. Видимо, он

проклял новую специальность, в которой не преуспел. Иначе чем было объяснить, что он категорически отказывался встречаться с теми, кто пытался о чем-то расспросить его по тематике Антиповского центра. Куда только девался былой апломб. Впрочем, за это его можно было даже уважать. После утраты иллюзий и должности он все-таки постарался восстановить свое собственное достоинство в том деле, которым успешно занимался раньше и которое впрямь мог надеяться двигать вперед своим умом не хуже многих.

Как ни странно, но со временем Михаил стал вспоминать об Антипове и Белянчикове даже с неведомо откуда взявшейся жалостью. Продолжай Антипов заниматься прикладной математикой, глядишь, на всю жизнь стал бы уважаемым лицом среди коллег, а не просто скороспелым доктором наук, о трудах которого в кругах специалистов по его тематике даже не вспоминали – Михаил специально узнавал. Но он, похоже, отдал всю силу ума и духа переходящим ценностям, суете, умеренно преуспел в своем сомнительном предприятии и довольно капитально обанкротился. О Белянчикове и говорить было нечего. Если человек перестает быть творцом по своей воле, выбрав в качестве своего пути следование в кильватере за сильным лидером, то он напрочь теряет себя и становится куда более зависимым, чем когда был победнее, да самостоятельней в выбранном деле.

Михаил ушел из Антиповского центра с чувством облегчения. Найти подходящую работу долго не удавалось, пока ему не помогла Люда Фатьянова, которая сделала это по двум причинам – во-первых, потому, что собираясь прыгнуть наверх, освобождала свое место (кстати, бывшее место Михаила перед уходом к Антипову), и, во-вторых, потому что продолжала его любить, хотя Михаил от своего увлечения ею давно отказался. Но все равно Михаил никогда не жалел о пяти с лишним годах работы в Межотраслевом центре, о достигнутых успехах и о полученных ударах, о том, что нравилось и о чем не нравилось вспоминать по одной причине – именно на работе в этом центре он познакомился с Мариной, полюбил ее и соединился на всю дальнейшую жизнь.

Вместе с любовью ему было легче поддерживать свое достоинство, хотя кое – в чем и сложнее, поскольку на их отношениях Белянчиков и его клеветы в конце концов попытались сыграть. Достоинства он не уронил, о чем ему сообщил не кто-нибудь, а секретарь партийной организации центра, вполне официальное лицо, который наблюдал за ним, за Антиповым и Белянчиковым со стороны, не вмешиваясь в их дела, поскольку его об этом не просили. Это признание кое-чего стоило, тем более, что этот партийный секретарь знал, что против вступления в партию Михаил имеет стойкое предубеждение, поскольку не хотел дать властям еще один способ вмешательства в свою жизнь и судьбу, еще один рычаг принудительного управления его личностью и волей.

Очевидно, именно по иронии Бытия, что раз он не хотел вступать в партию, его туда четырежды приглашали партийные функционеры. В их числе были и двое весьма высокопоставленных: оба друзья его первой жены Лены по учебе на философском факультете университета. Один стал секретарем ЦК ВЛКСМ, другой – секретарем Московского комитета партии. На их вопросы, почему он до сих пор не в КПСС, он отвечал по-приятельски откровенно, что ему претит попасть в общество карьеристов и подлецов, старающихся преуспеть в жизни за счет эксплуатации неких идеалов. На это партийные деятели достаточно резонно замечали ему, что если порядочные люди не будут вступать в партию, то кто же там в конце концов окажется, кроме карьеристов и подлецов? С их рекомендациями он мог получить вожеленное членство вне всякой очереди, в то время как многие охочие управленцы и научные работники ждали этого годами, ведь только рабочих принимали сразу, как только они об этом заикались или соглашались на уговоры, так мало их было в «рабоче-крестьянской партии трудящихся». А вот занять сколько-нибудь заметный и выгодный пост, не имея в руках партбилет, было более чем проблематично. Исключений было крайне мало, таких, например, как великий авиа-конструктор Андрей Николаевич Туполев, которого, конечно же, приглашали в КПСС самые

высокие люди в партиерархии, но который предпочел не забывать, по чьей милости он дважды оказывался в заключении в компании с лучшими представителями культурного слоя страны. Видимо, на него махнули рукой и даже решили указывать пальцами иностранцам: вот, мол, пожалуйста, не коммунист, а каких служебных высот он у нас достиг!

У Михаила не было столь весомых личных причин отказываться от членства, как у Андрея Николаевича Туполева, хотя он не только из книг и из прессы знал об издевательствах над гордостью отечественного авиастроения. Один из сотрудников в ОКБ стандартизации, Александр Никитович Свистунов, в годы войны молодой техник-конструктор, рассказывал Михаилу: «Помню, помню Андрея Николаевича на Омском авиационном заводе в сорок третьем году, как ходил в телогреечке под конвоем». Эти простые слова, от которых щемило душу сильнее, чем от квалифицированных рассказов посторонних лиц, запали в память Михаила навсегда. Но сам он отказывался вступать в КПСС не столько из-за того, что не забывал о таких людях, как Туполев. У него имелся, так сказать, и свой семейный повод. Однажды, когда Михаил был уже инженером, мама проговорила, что отец еще в послевоенные годы подал заявление в партию, но ему отказали. Должно быть, из-за того, что его отец был полковник царской армии. Если партия действительно нуждалась в честных людях, чтобы в ней не преобладали карьеристы и подлецы, то почему туда не приняли безусловно порядочного человека, особенно дорогого ему? Этому Михаил прощать не собирался. Он знал, что определенно вредит своей карьере, особенно когда в партию зовут не какие-то далекие высшие функционеры, о близком знакомстве с которыми на работе никто и не подозревал, а свои, местные партийные секретари, которые, вероятно, и должны были сообщать наверх о тех, кому была предложена «высокая честь» и кто от нее отказался, чтобы тому затем воздали поделом. «Тот, кто не с нами, тот против нас». Этот лозунг был не просто словесной формулой. Он служил прямым руководством к действию. Михаил помнил об этом и потому не формулировал отказ с откровенной и грубой прямоотой. К несказанному удивлению партийных секретарей он ссылаясь на то, что в соответствии с уставом член партии обязуется ставить партийные интересы выше личных, а он, если говорить правду (и он действительно говорил правду), такому высокому критерию членства, увы, еще не отвечает. Иногда ему казалось, что на него смотрят как на идиота – ну кто ж идет в партию не ради достижений своих личных интересов? – однако прямо разьяснять ему, что партийную демагогию не стоит понимать буквально, никто не решался. Проще было не выполнить поручение, нежели дезавуировать идеологическую догму. Поэтому последнее слово оставалось за ним: НЕТ, НЕТ, НЕТ и НЕТ. Самое смешное, что ему совсем не мешала партийность обеих жен. И Лена, и Марина не вызвали никаких сомнений в своих высоких человеческих качествах ни у кого, кто их знал. Пожалуй, Лена вступила в партию потому, что сам род ее занятий обязывал ее быть членом партии. Философия, марксистско-ленинская философия, считалась матерью всех идеологических дисциплин, и потому в этой области контроль за партийностью кадров осуществлялся особенно строго. Но главное, что влекло в партию порядочных девушек и женщин, и не думавших делать таким путем свою служебную карьеру, был, с одной стороны, романтизм, сохранившийся в сознании общества со времени революции, несмотря на то, что она собой представляла, и исчезнувший в результате бесчисленных репрессий времен советской власти; а, с другой стороны – столь же чистая, сколь и наивная вера в то, что партийность открывает им путь к активному участию в улучшении жизни общества. Должно быть, партийных секретарей, читавших анкеты Михаила, в которых он по обязанности сообщал о партийности жен, удивлялись, как это они не содействовали его вступлению в КПСС. Нет, они со своей стороны содействовали. Было время, еще при Лене, когда Михаил, смеясь, рассказывал некоторым знакомым, что и жена, и любовница (в то время Оля – кстати тоже член партии) советовали ему вступить в КПСС, но тщетно. Он НЕ ХОТЕЛ, а, значит, и любые выгоды не имели значения. Да, он был в комсомоле, повинувшись душой принятому в обществе стандарту для молодых и будучи стандартно

подготовлен к вступлению в комсомол унифицированной партийной пропагандой. Но тогда у него все-таки не было самостоятельно развитого мышления, а когда появилось, он стал наблюдать, кто же на самом деле идет в партию. Если говорить о мужчинах, то они обычно не производили ощущения наивных людей, чаще даже совсем не наивных, а наоборот – расчетливых и трезвых, отнюдь не романтиков коммунистической идеи. Безусловно, на первый взгляд эта идея имела немалое обаяние. Все объявлялись равными. Любой человек поэтому имел право считать себя не хуже того, кто на самом деле был лучше или гораздо лучше. Обаяние заманчивой лжи о равенстве качеств и достоинств предполагала и равенство всех прав и состояний каждого индивида в идеальном обществе, в котором была обещана только необременительная и приятная работа по призванию и по способностям. Трудно было не признать такую жизнь действительным идеалом любого человека, желающего попасть в рай, не стараясь заслужить право на это. Конечно, коммунисты обещали райскую жизнь на Земле только потомкам, когда будет повержена и рассеяна в прах мировая буржуазия, когда нынешние поколения завершат тяжкий труд по созданию материального фундамента коммунизма. Однако они уверяли, что так обязательно случится, потому что иначе не может быть. Постоянное пропагандистское противопоставление коммунизма гнусному со всех сторон капитализму породило блестящий анекдот – пожалуй, самый любимый Михаилом из разряда политических. «Чем отличается коммунизм от капитализма?» – «Тем, что капитализм – это эксплуатация человека человеком, а коммунизм – как раз наоборот!»

Михаилу было совершенно очевидно даже без знаний порядков, установленных в архипелаге ГУЛАГ, что потогонная система на советских предприятиях была ничуть не менее изнуряющей, выматывающей и жестокой, чем на капиталистических. Это он сам наблюдал на многих заводах. Защита интересов трудящихся, не только рабочего класса, которой так гордилась советская власть, на поверку оказывалась чистой фикцией. Крестьянам (колхозникам – как было принято говорить) платили за непомерный труд так называемыми «палочками» – трудоднями, за которые полагалась крайне скудная или вовсе символическая натуральная плата, настолько недостаточная для поддержания жизни, что власти разрешали людям кормиться с небольших приусадебных участков, что было, конечно «гуманной» уступкой мелкобуржуазному сознанию земледельцев. Интеллигенции, называемой «классовой прослойкой» между классом «гегемонов» рабочих и низшим классом крестьян (его низшим, разумеется, не называли, но относились к нему воистину как к низшему) – приходилось выдерживать наибольшие издевательства власти над ее интеллектом, устремлением к свободному творчеству, к высокому духовному развитию. Михаил отвергал трескотню пропаганды о том, будто все материальные блага мира создаются руками рабочих. Как и в прежние времена, но особенно в двадцатом веке эти блага начинали создаваться в умах ученых, инженеров, изобретателей в лабораториях, технических и конструкторских бюро, в мастерских – и лишь потом становились предметами, которых касались руки промышленных рабочих, поскольку все чаще работу выполняло сложное автоматическое оборудование, облегчающее труд или вовсе его заменяющее. Весь прогресс производительных сил, перед которым так преклонялись марксисты, определялся трудом интеллигентов, которым платили мизерные деньги – меньше, чем рабочим средней квалификации, да при этом еще приговаривали, что они – ничто в сравнении с пролетариатом. Рабочим такая декларация была очень и очень по вкусу. И они, разумеется, считали очень правильным, что инженерам и мастерам платят меньше, чем им. Многие в цехах смотрели на инженеров свысока. Конечно, среди рабочих находилось немало людей, которые уважали инженеров за умственные умения, но таких было вовсе не большинство. Михаилу запомнился один случай в цеху завода электросчетчиков. Там был слесарь-наладчик примерно его возраста, который не только обливал его молчаливым презрением, но даже проходил мимо него, выпячивая пузо вперед, чтобы казаться более значительным. Этот слесарь считался изобретательным, подавал рационализаторские предложения по оснастке, в том числе и по приспособ-

соблению для намотки токовой катушки. Михаил спроектировал полуавтомат для этой операции. Слесарь с выпяченным пузом и презрительной миной подошел посмотреть, как работает эта глупость. Вся ручная работа сводилась только к тому, чтобы вставлять концы отрезков медной проволоки в гнезда. Остальное совершалось «само собой». Несколько минут слесарь смотрел молча. Собственно, за все время, пока он стоял, губы его не разжимались. Но зримо менялось выражение его лица. Сначала в нем проявилась легкая растерянность, затем явное мыслительное напряжение, удивление и, наконец, Михаил прочел в нем признание слесаря самому себе, что такого он бы сам ни за что не придумал. С той поры этот слесарь стал здороваться с Михаилом первым, и его пузо при этом больше не выпячивалось.

Нет, в его родной стране издевались не только над такими великими инженерами как Рамзин, Туполев, Королев, Лангемак, издевались и над такими, которые находились и в середине, и в самом низу инженерской иерархии. Издевались размером зарплаты, посылкой в колхоз на уборку урожая овощей, а затем на их переборку на овощных базах, где они гнили из-за ненадлежащего хранения. Уж это Михаил знал предметно по собственному опыту. Но достаточно быстро выяснилось, что подобный опыт имел каждый советский интеллигент, в какой бы сфере он ни трудился. Врачи знали, что хирургу академику Юдину ломали его творившие волшебные операции пальцы, что много раз сажали и высылали хирурга академика Войно-Ясенецкого. Биологи знали, как власть расчищала дорогу полуграмотному академику Лысенко, посадив и уморив голодом крупнейшего ученого академика Николая Ивановича Вавилова. Химики знали, что светило подобной величины в области химии Ипатьев остался во время командировки в США, поскольку руководство советской делегации пообещало за его «поведение», разобраться с ним после возвращения домой. Писатели могли сходу назвать десятки фамилий своих исчезнувших из их окружения коллег. И то же самое могли сказать о ситуации в своей среде деятели театра, кино, а также военные и всевозможные управленцы.

В каких странах, кроме «стран мира и социализма» происходило такое? Очевидно, что ни в одной, ибо о таких случаях советская пропаганда кричала бы и кричала. Но насчет подобного «у себя» был молчок.

Михаил постепенно переходил в сознании от частного к общему, прежде чем завершил свою оценку действительной системы советского социализма. В решающем факторе соревнования социальных формаций – в развитии производительных сил – вопреки прогнозу Маркса – Энгельса – Ленина социализм последовательно проигрывал якобы обреченному на скорую гибель капитализму. Эту картину не в силах были перечеркнуть даже такие выдающиеся советские достижения как запуск в космос спутников, космических кораблей с людьми и мягкая посадка автомата на Луну и возвращение его оттуда с лунным грунтом, неслыханной мощи водородные бомбы и самые большие в мире автономные подводные крейсера. Однако в скором времени в мире капитала в достатке оказывалось нечто подобное и плюс к этому имелось многое такое, чего не было или о чем даже слыхом не слыхали в советской стране. Сплошная автомобилизация, компьютеризация и видеоманитофонизация всех слоев общества, не говоря об избытке каких хочешь продуктов питания, одежды, обуви, бытовой техники – и даже каких не хочешь.

Михаил, конечно, радовался, когда Советскому Союзу удавалось в чем-то вырваться вперед – знай наших! – но в целом в пользу СССР ничто от этого не изменилось. С какой стороны на его практику и идеологию ни смотри, коммунизм не выглядел жизнеспособным без террора. Шаг влево, шаг вправо считается побег....

То была ранняя стадия его философского созревания. С одной стороны, он уже начал критически оценивать свой более или менее сложившийся под влиянием среды обитания менталитет, с другой стороны, приступил к радикальному освобождению сознания от лжи и заблуждений, которых придерживался прежде.

И ему уже делалось стыдно, что он живет в стране с ее нынешним устройством, но храбрости, которая требовалась для выступления против существующей системы, у него не было. Михаил знал, что посягни он на нее, система раздавит его в два счета. И не его одного, а всех, кто ему дорог и нужен. В этом он видел свой грех, но совершать безусловно опасное и одновременно совершенно бесполезное все равно не мог и не хотел.

Глава 9

Нельзя сказать, чтобы Михаилу хотелось вернуться в тот институт, из которого пять лет назад он ушел к Антипову – слишком уж хорошо он знал, как там ведутся дела, каким конъюнктурным изменениям в угоду сильным промышленным министерствам подвержена политика госкомитета, которому принадлежал институт. Вместе с тем, там уже не было того невыносимого заместителя директора Смирнова – Ачкасова, садиста и демагога, долго имевшего безграничную власть – его сменил на посту другой человек, внешне как будто более уравновешенный и заинтересованный в успехе дела. А главное, Люда Фатьянова собиралась оставить пост начальника отдела, который прежде возглавлял Михаил, с тем, чтобы в скором времени возглавить группу отделов по совершенно новой тематике и, стало быть, сделаться заместителем директора. Еще перед уходом к Антипову тогдашний директор Пахомов, сменивший Беланова – покровителя Ачкасова – сказал на прощанье, что если Михаил передумает, то в любой момент сможет вернуться обратно. И все-таки, не будь у него с Людочкой довольно странной, но нежной любви, с одной стороны, и ее особых приятельских отношений с директором Пахомовым, сложившихся во время их работы молодыми специалистами на агрегатном авиационном заводе, возможно, его возвращение в прежний институт так бы и не состоялось – так много народу в институтской верхушке воспротивилось этому. Во главе их был зам. директора по кадрам и режиму, который лично Михаила раньше не знал. Однако Люда, используя все доступные ей средства, добилась, чтобы её преемником стал именно он, Михаил Горский.

А началось все примерно за шесть лет до этих событий и притом со знакомства не с Людой Фатьяновой, а с Ниной Миловзоровой. Тогда, приехав в смежный информационный институт по общему делу, Михаил был встречен в нужном отделе молодой женщиной с добрым, открытым, хотя и немного грубоватым на вид лицом под пышной гривой волос цвета темного красного дерева и приятной крепкой фигурой. Он почувствовал по обращению Нины, что сразу понравился ей, и сам нашел ее симпатичной. Но само по себе первое знакомство не имело никаких последствий для них, пока примерно месяц спустя Михаил не столкнулся с Ниной на лестнице в своем институте, и она сказала, что теперь работает здесь. Время тогда шло к лету. Отношения же Михаила с Леной в тот период можно было назвать только временным полным взаимным охлаждением. Каждый из них вел свою жизнь как считал нужным почти без оглядки на другого. Но до разрыва еще не дошло. Михаил, однако, все-таки поинтересовался у Лены, пойдет ли она с ним в поход. Лена не захотела (это его не удивило), и тогда он сказал, что в таком случае он пойдет с другой женщиной. И этой другой женщиной опять-таки с радостью согласилась стать именно Нина. Казалось бы, все было ясно. Что еще можно подумать о женщине, которая уходит с мужчиной в поход только вдвоем на целый месяц, кроме того, что она готова стать его любовницей? И, тем не менее, казалось бы, вполне предопределенной близости не суждено было сбыться. По совершенно непонятным причинам (Михаилу казалось, что не только он, но и Нина их не понимает) она отказалась от сближения в их первую же походную ночь. Предприняв затем еще две попытки овладеть ею, не применяя грубой силы, он понял, что по доброй воле она не согласится, и пришел в состояние холодного бешенства и против нее, и против себя. На черта ему понадобилась охочая с виду женщина с таким комплексом? В этом следовало разобраться еще до похода, теперь же исправлять положение было поздно. На черта ей понадобился мужик, ради поездки с которым ей пришлось очень изобретательно обмануть мужа, а в итоге испортить отпуск не только Михаилу и своему мужу, но и себе? Кое-как справившись с гневом, Михаил решил на месяц смириться с дурацким положением, в котором оказался по собственной вине, но в отместку больше ничего не добиваться от женщины, которая в простоте своей даже не выглядела коварной. И в целом Михаил выдержал эту линию до конца. Лишь однажды он едва не нарушил данный себе зарок,

глядя на Нину, которая в одном бикини улеглась на толстый ствол поваленного дерева, держа перед собой книгу. Он в деталях обдумал, как взять ее против воли, не допуская возможности сопротивления, и с большим трудом вернул себя к сознанию недопустимости той гнусности, которую всегда про себя принципиально отвергал. Он признался в этом Нине уже после возвращения в Москву, и тогда услышал от нее, что ближе к концу похода она уже была не против, но он ее уже больше не добивался. И лишь год спустя Михаил сумел догадаться, почему Небеса были против их связи, хотя они с Ниной оба как будто были к ней совершенно готовы. К этому времени они с Мариной полюбили друг друга, и именно Нина предоставила им для первых любовных встреч свой дом. Но это случилось потом. А всего через месяц после возвращения из похода, зайдя проведать Нину к ней в отдел, Михаил увидел там молодую золотоволосую женщину, живо напомнившую ему собственную маму с фотографии ее студенческих лет. Нина сказала, что это ее новая начальница отдела. – «Как она?» – спросил Михаил, не имея в виду ничего кроме оценки ее качеств в отношении подчиненных. – «Во!» – просто ответила Нина, подняв большой палец вверх. – «А как зовут?» – «Людмила Александровна». После нескольких мимолетных встреч они с Людой стали здороваться. И однажды после работы Михаил пошел проводить ее домой. Оказалось, она едет к сестре помогать чертить дипломный проект. Часть пути они прошли пешком, потом ехали в метро и снова шли, потому что хотелось спокойно говорить, а не толкаться в автобусах. А потом она предложила ему познакомиться с сестрой, и они поднялись в квартиру. Сестра оказалась не похожей на Люду ни внешне, ни по обаянию, ни, насколько успел узнать Михаил, по уму, хотя внешне была недурна, а бюст у нее порядком превосходил Людин. Появление Михаила она встретила с настороженностью и неприязнью. Михаил распросил ее о теме дипломного проектирования, тем более, что она училась в том же МВТУ, который кончили в разное время и Михаил, и Люда. Вскоре он распрощался и ушел, чтобы не мешать сестрам работать.

Вскоре им с Людой захотелось встречаться еще. Их прогулки заканчивались где-нибудь в центре. Люда старалась ехать к дому одна. Из этого Михаил сделал вывод, что пока ее муж в Москве, его туда не пригласят. В один из вечеров они зашли в кафе, которое выбрала она и в котором раньше явно бывала. Там были грузинские вина, но совсем не тех сортов, которые любил Михаил. Тем не менее, он заказал бутылку, и они за разговорами выпили ее, и все выглядело вполне обнадеживающе. Однако, когда они шли по бульвару из кафе к метро, и Михаил попытался ее поцеловать, Люда умело выскользнула из объятий. Потом она не согласилась, чтобы он поехал с ней до ее станции и снова уклонилась от поцелуя, когда они прощались перед дверью вагона. Но самое обидное случилось, когда она вошла в вагон и напоследок даже не подумала взглянуть на него. В том, что она сразу устремила взгляд вдоль поезда, Михаил углядел совершенно нарочитую и наперед хорошо рассчитанную холодность и понял, что его задевают сознательно. Цель могла быть только одна – чтобы он крепче сел на крючок и стал послушен своей избраннице во всем. Так с ним поначалу еще никто не обращался. И тогда, даже не покинув места, на котором стоял, провожая глазами проходящий мимо поезд метро, он твердо пообещал себе, что по-Людиному не будет, и что такая любовь ему не нужна. Через несколько дней досада прошла, а затем и забылась, но его решение осталось неизменным.

Как раз в это время Михаил перешел на работу в Антиповский центр. Люда перестала вспоминаться. И тут вдруг обнаружилось, что Люда интересуется его делами и даже ищет встречи с ним. Он бы и не поверил, что холодная и расчетливая кокетка отбросила вдруг все свои приемы и стала жадно ловить любую возможность разузнать что-то о нем, но сомневаться не приходилось. В сектор Михаила поступила на работу Людина приятельница Нонна. Ему было несложно установить, что ее разговоры с ним о Люде не случайны и их цель, заказанная Людой, – дать ему понять, что его появления ждут, и он желанен. На эти слабо замаскированные призывы Михаил откликнулся вежливо, но очень сдержанно. Да, – соглашался он с Нонной, – Люда прекрасный человек. И очень красивая женщина. Безусловно, с хорошим умом.

И он всегда рад возможности передать ей привет, поскольку людей с такими достоинствами встречается очень немного. И все.

А еще через пару месяцев Нонна наверняка должна была сообщить Люде по долгу дружбы, что у Михаила на работе начался новый серьезный роман. В ответ на расспросы приятельницы о новой избраннице Михаила – Марине – Нонна явно не могла сообщить ничего утешительного – женщина красивая, культурная, умная. Правда, замужем. Но и в этом Люда ее не превосходила. Окончательно же убедило его в равнодушии Люды, даже много больше, чем в равнодушии, когда узнал от своего кузена Володи – сотрудника Людиного мужа, что он был приглашен к ней домой, и там она расспрашивала о Михаиле. Это уже смахивало на вопль отчаяния. Люда хваталась за последнюю соломинку, чтобы вызвать Михаила к себе каким угодно путем. Это выглядело очень странно. Он совсем не собирался ни мстить Люде, ни привлечь к себе напускным равнодушием. Она не захотела честных отношений, прямых проявлений чувств – ну что ж, ее право. Зато его душа и сердце как нельзя более кстати освободилось от ненужной страсти, и это позволило ему без всяких внутренних помех пойти навстречу Марине. За такой поворот событий он мог только благодарить и благодарить судьбу. Переживания Люды не доставляли Михаилу никакого удовольствия, в душе он даже сочувствовал ей, но там для нее не осталось никакого места. Так он тогда полагал – и почти не ошибался. Но новая встреча с Людой убедила его, что и она, зная о Марине, все равно по-дружески расположена к нему, хотя он и не проявлял никакой готовности к интимному сближению, и она тоже перестала об этом думать – так по крайней мере казалось. Это открыло период встреч, во время которых сексуальное влечение друг к другу составляло только некий отдаленный фон, придавая особую искренность ее исповедальной откровенности. Михаил не уклонялся от этих встреч и разговоров. Он вновь ощутил радость отношений с интересной женщиной, которая не отягощалась ничем. Однажды он без обиняков спросил: – «Людочка, вы давно созрели для близости со мной?» – «Ой, Мишенька! – ответила она. – Так давно, что я уже, кажется, перезрела!» Этот обмен репликами вполне устроил обоих. Фактически они подтвердили, что теперь могут любить, не нуждаясь в постели. Марина была в курсе их отношений и не делала Михаилу по этому поводу никаких представлений. Иногда она улыбалась, находя запоздалыми и наивными некоторые действия Люды, но никогда не высмеивала ее и не возражала против их дружбы. И эти отношения сложились у них еще до того, как Михаилу понадобилось срочно уходить от Антипова (Марина ушла оттуда несколькими месяцами раньше, когда на их с Михаилом близости уже пробовали играть клеветы Белянчикова). Тут-то Люда и предложила Михаилу свое содействие, которое требовало от нее хоть и не самопожертвования, но все-таки готовности принять бесповоротное решение по поводу перехода на новую тематику, которую Михаил считал достаточно искусственной и конъюнктурной. Сам он по своей воле не стал бы с такой связываться, чего не скрывал и от Люды. Но у нее были свои предпочтения, и она перешла Рубикон, правда, как выяснилось спустя пару лет, сильно себе во вред. Но откуда людям знать свое будущее? Тем более, сначала ей все удавалось, судя по тому, как выходили постановления, проекты которых она готовила, как организационно разворачивалось новое дело, как быстро формировались новые отделы института в соответствии со структурными схемами, которые она разрабатывала «под себя». Сама Люда уже получила под свое начало головной отдел и рассчитывала, что ее вот-вот назначат заместителем директора института, и она выйдет из подчинения Баурсакова, сделавшись по рангу равной ему. Однако ее не назначили. И повинна в этом была прежде всего конкурентка, проигравшая ей в борьбе за пост секретаря парторганизации отделения института, которая постаралась отомстить Люде за свое поражение – особа без морали и комплексов, которая делала карьеру через ту или иную нужную ей постель, умело комбинируя методы интриганки и проститутки. Она была обладательницей грузноватого здорового тела (именно о ней Михаил однажды услышал суждение одной сотрудницы, которое нашел справедливым – «кусочек толстомяса»). Она

обычным для себя путем сделалась confidentкой Баурсакова и быстро убедила его, что Фатьянова не просто хочет вывести новые отделы из-под его подчинения, но и вообще собирается вытеснить и заменить его собой как главу нынешнего отделения. Баурсаков, весьма чувствительный к опасным рейдам по своим тылам, принял меры, и еще одного заместителя директора в госкомитете решили не назначать.

Люда не опустила руки, но все-таки это было для нее ударом. К тому времени Михаил уже хорошо представлял, насколько ценна для нее успешная служебная карьера. Ему навсегда запомнился один разговор с Людой, когда она неожиданно спросила, какой брак для него более счастливый – первый или второй? – «Конечно второй!» – ответил Михаил. – «А почему вы спрашиваете?» – «Потому что все мои знакомые, которые завели вторую семью, дружно утверждают, что были больше счастливы в первом». – «Странно», – заметил Михаил. – «Почему странно?» – в свою очередь удивилась Люда. – «Мне думается, что после первого брака люди уже лучше разбираются в том, что им действительно нужно для счастья, и кто для этого больше подходит. Разве не так? Вам так не кажется?» – «Мне кажется, что первый брак был для меня лучше». – «Разве вы не первый раз замужем?» – «Нет, Мишенька. Правда, я второй раз замужем за первым мужем.» – «Вот так? Я не знал». – «Немудрено. Я ненадолго уходила к другому.» – «И были с ним счастливы?» – «Да, была». – «Так почему?...» – «Я вам давно призналась, что променяла любовь на карьеру». – «Я этого не понял буквально. Думал, что ваш муж или другой мужчина просто ушел на второй план». – «Может, вы и правы, что так поняли. Или что так пожелали понять. Дело в том, что муж после моего ухода совершенно взбесился. И стал терроризировать меня с разных сторон. Кричал, что сделает меня невыездной, что сообщит в парторганизацию, как я поступила с семьей. И, самое худшее, он устраивал дикие сцены при дочери, настолько дикие, что с ней уже начали происходить нервные припадки. Я не выдержала и вернулась». – «А тот?...» – «А тот спился». – «Да, грешно!» – выдохнул Михаил. – «Ох как грешно! – серьезно подтвердила Люда. – Плохо я выгляжу после этого?» – в упор спросила она. – «Нет, – ответил Михаил, – хотя безусловно вы сделали плохо человеку, которого любили и который любил вас. Но еще хуже, по-моему, вы сделали себе. Вы вернулись к мужу незадолго до нашего знакомства?» – «Да. Только-только начала приходить в себя» – «Пожалуй, по вашему поведению что-то такое чувствовалось. И теперь я, наконец, понимаю, почему ваша сестрица так негативно отреагировала на меня и на мое появление в ее доме. Думаю, она откровенно высказала вам свое неодобрение после моего ухода». – «Высказала». – «Вид у нее был такой, словно она одна – и уже во всяком случае лучше старшей сестры – знает, как надо вести себя порядочной замужней женщине. Кстати, ее собственный муж показался мне совершенно бессловесным. Она совсем подавляет его». – «Да, вы правы. Там заправляет она». – «Боюсь, как бы она таким методом не дозаправлялась до полного краха своей власти». – «Почему вы так думаете? Он с ней счастлив». – «На моих глазах уже не раз происходило такое, когда вполне послушный очарованный женой муж, добровольно лишивший себя какого-либо приоритета в семейных делах, неожиданно для жены преображался, делал финт ушами и заводил другую женщину, с которой чувствовал себя свободным». – «Ну, такое с моей сестрой вряд ли случится», – усомнилась Люда. И вновь оказалась неправа. Не больше, чем через три года муж – таки покинул ее сестру, обладательницу завидного бюста. Покинул ради женщины, с которой его чувство мужского достоинства не умахалось, а сам он перестал страдать.

Странно сложилась семейная жизнь обеих сестер. Одна хотела навсегда покинуть мужа – и не покинула; другая же и мысли не допускала, что ее могут оставить, но ее оставили. Если бы надо было доказывать кому-то, что семейные узы возникают и распадаются отнюдь не только по воле супругов – и даже не столько по их воле, потому что к этому в первую очередь причастны Небеса, то более убедительного примера не стоило бы искать. Впрочем, вся дальнейшая Людочкина жизнь, к великому огорчению Михаила, напоминала слишком прямолинейное назидание любому, кто размышлял, что ему выбрать – любовь или карьеру.

Едва из института ушел директор Пахомов, который всегда поддерживал Люду во всех начинаниях, ее положение сильно осложнилось. Новый директор – Болденко – был членом бюро райкома КПСС и еще большим конъюнктурщиком, чем прежний. Ему очень хотелось безостановочно продвигаться наверх. Поэтому он крайне заинтересовался, как он считал, вполне многообещающим лозунгом «Пятилетке качества – отличную документацию!», придуманным сотрудником Людиного отдела. Этот сотрудник обладал отличным политическим нюхом, но его дарование на данном лозунге практически иссякло. Наполнять формулу хоть каким-нибудь смысловым содержанием по должности пришлось прежде всего Люде. Болденко поручил ей обеспечить идейную обработку первого секретаря одного из центральных районов Москвы. Без его поддержки нельзя было начать кампанию по выдвижению всесоюзной инициативы, венчаемой настолько красивым лозунгом, что на него непременно должны были бы клонуть в ЦК КПСС. Болденко уже прикинул, на какую высоту он сможет взлететь после соответствующей раскрутки дела. Там, в ЦК, таких инициаторов ценили, брали на учет и при первой открывшейся вакансии в партноменклатуре назначали на более ответственный пост.

На беду Люды Фатьяновой, наполнять лозунг было нечем. Это Михаил откровенно объяснил ей заранее. Люде было нечем возразить, но он видел, что ей хочется, чтобы лозунг заработал на карьере – и не только Болденковскую, но и ее собственную. Заместитель директора Баурсаков тоже не хотел, чтобы поезд ушел без него. На раздувании пустого пузыря сосредоточились интересы всего руководства института – с позволения сказать – научного, а также партийного. Низовая партийная организация всегда обязательно должна была находиться в гуще событий и создавать творческую атмосферу, в которой, по мысли высшего партийного руководства, только и могла возникать всесоюзная инициатива, идущая снизу, от масс. Желаящих получить дивиденды от задуманной спекуляции оказалось более чем достаточно, однако доказывать первому секретарю райкома, чем отличная документация должна отличаться от нормальной, ни трусоватый Болденко, ни многоопытный Баурсаков сами не стали, а выставили вперед себя на авансцену коммуниста товарищ Фатьянову. Первый секретарь райкома (или попросту «первак»), выслушав Людины доводы в пользу продвижения инициативы, сразу почувствовал, что кроме демагогии ничего в предложении института нет. Конечно, он знал, что демагогия в таком деле – это самое важное, и он готов был бы ее поддержать, если бы она действительно обещала дать хоть что-то, похожее на реальный эффект в деле повышения качества продукции, однако ничего обещающего не почувствовал. Его собственный опыт подсказывал, что с инициативами опасно ошибаться, что тут надо действовать наверняка. А как он сам будет убеждать секретаря московского горкома или, к примеру, самого заведующего промышленным отделом ЦК, если ему ничего вразумительного не могут сказать сейчас.?

Видя, как Фатьянова «поплыла» на простых вопросах, заданных «перваком», Болденко и Баурсаков даже не подумали придти ей на помощь. Впрочем, это-то было не удивительно, – им вообще нечего было сказать. Мыльный пузырь лопнул в первой инстанции. Хорошо еще, что Болденко провел апробацию инициативы не в своем райкоме по территориальной принадлежности института, а в соседнем, поэтому провал завиральной идеи не должен был сильно замарать его в глазах своего «первака», даже если соседний «первак» по телефону или при встрече на каком-нибудь совещании расскажет, как опозорились перед ним институтские пустозвоны, которые – подумать только! – собирались на такой туфте раздуть всесоюзное кадило! Хуже, если бы он еще заключил свое сообщение обидным назиданием: «Ты бы, это, повнимательней следил за своими архаровцами! Ведь не в бирюльки играем!» – или чем-то вроде того.

Короче, Болденко и Баурсакову, да и секретарю парторганизации института было отчего придти в ярость, и виновник был очевиден – Фатьянова! До ее сотрудника с политическим нюхом их гнев, естественно, не дошел. Что с него взять? Кандидат наук, старший научный. И идею выдвинул в общем-то подходящую и проходную. Так Фатьянова исхитрилась все про-

валить. Надо делать оргвыводы. Оргвыводов, то есть понижения в должности, Люда дожидаться не стала. Хорошо еще, что ей сразу удалось найти подходящую работу, правда, в совершенно иной предметной области, но все равно в сфере информации. Время от времени Михаил встречался с Людой в рамках каких-либо общих официальных мероприятий, чаще же она сама приезжала к нему на работу, и они уходили в какой-нибудь сквер и там беседовали на скамейке – почти как парочка, лишь недавно ощутившая тягу друг к другу. Михаил замечал, что Люда выглядит большей частью усталой и удрученной. Ее по-прежнему влекла к себе и административная, и партийная работа, хотя какой смысл был в их сочетании, Михаил не мог понять. Или Люда таким образом пыталась упрочить свое положение, понимая, что быть просто научным работником и самой участвовать в разработке автоматизированных информационных систем ей уже просто скучно и даже чуждо? Со временем у нее везде появлялись враги, сперва на одной работе, потом на другой, наконец, на третьей. Этому-то как раз Михаил совсем не удивлялся. Люда многих задевала простым фактом своего существования, будучи и образованной, и культурной и по-женски более привлекательной, чем большинство окружающих. Все это она, конечно, понимала и принимала как данность, а потому на уговоры Михаила найти себе занятие поспокойней, лишь с чуть меньшей зарплатой, она с грустной улыбкой отвечала, что, к сожалению, сама на такой шаг не способна. И отец у нее всегда был таким, а она на него очень похожа. Странно, но Люду совсем не настораживала и не страшила участь ее отца. Еще прежде она рассказывала Михаилу, что отец был необычайно деятелен, энергичен, всегда жил работой, но кончил тем, что впал в детство и делал все под себя. Казалось бы, что еще могло бы предостеречь ее от искусственной и суетной интенсификации активности, не дающей никакого творческого удовлетворения? Но нет, не предостерегло. Она по-прежнему сжигала свою свечу с обоих концов – административного и партийного. Михаил чувствовал, что с ней творится что-то неладное, но Люда об этом не говорила, а сам он не мог понять. Их встречи становились все реже. Потом Люда совсем перестала звонить. Михаил пытался соединиться с ней со своей стороны, но никогда не мог застать Люду на месте. В какой-то момент выяснилось, что до нее не может добраться никто из знакомых. Самое большее, что им удавалось узнать, что Людмила Александровна нездорова. Михаил не имел о ней других сведений в течение примерно трех лет, пока его двоюродный брат Володя – тот самый, которого Люда когда-то пригласила к себе, чтобы через него как-то попытаться воздействовать на Михаила – не спросил случайно при встрече, знает ли он, что его знакомая и бывшая сотрудница Люда Фатьянова умерла? – «Как умерла?» – оторопел Михаил – «От какой-то сложной болезни, – пояснил Володя. – Вроде бы от опухоли в мозге. Муж ее совершенно извелся, прямо стал на себя не похож. Ты ведь дружил с ней?» – «Дружил, даже очень нежно. И никак не мог понять, почему она вдруг так изолировалась от всех». – «Она долго болела». – «Вообще-то я так и предполагал». – сказал Михаил. Ему живо вспомнились прежние дурные предчувствия насчет того, что Люду может ожидать судьба ее отца. Поэтому Володино сообщение о ее смерти не стало для него совершенной неожиданностью. Но все, что было раньше связано с ней, теперь окрасилось горечью утраты обаятельной женщины, которую он отказался любить, но которая сумела все осознать и вернуть себе его расположение, только уже не прежнее – с обычными желаниями и страстями, а новое, прежде ему неизвестное, замешанное не прямо на сексуальном влечении к красивой и умной женщине, а на какой-то удивительной его сублимации, приведшей к непосредственному соприкосновению их душ без помощи стриптиза и постели.

Из всех соблазнившихся прелестями и выгодами служебной карьеры людей, кого Михаил хорошо знал и наблюдал рядом с собой, Люда Фатьянова осталась единственной, о ком он вспоминал только с симпатией и теплотой.

Еще двоих, кому, кстати сказать, помогла начать оперяться как будущим администраторам именно Люда – как секретарь партбюро отделения – Михаил относил уже к совсем другой категории искателей Фортуны на служебном поприще.

Первый, Григорий Вальцов, имел вполне приличные умственные способности. Более того – он даже выглядел как плакатный молодой ученый. Темноволосый, со слегка непослушной, чуть взлохмаченной шевелюрой, выдающий ершистый и самолюбивый характер, с красивым лицом, которому шел волевой подбородок, с решительным взглядом глаз сквозь стекла очков, обладатель спортивной фигуры выше среднего роста, физик, способный поддержать любой разговор.

Он удачно, то есть в достаточно молодые годы, подготовил и защитил диссертацию на степень кандидата физико-математических, а не технических наук, как большинство его коллег, отступившихся от физики и выбравших более легкий путь получения заветного кандидатского диплома (чем нескрываяемо и гордился). Тем не менее, других физиков с честно заработанными степенями рядом с ним оставалось слишком много, чтобы в их среде можно было рассчитывать скоро занять какой-нибудь приличный пост в академическом институте. Там доктора наук годами ждали очереди на получение должности заведующего сектором. Кандидат мог затратить на это лет десять – двенадцать. Вальцова это не устраивало. Поэтому свой следующий после защиты диссертации ход он сделал как шахматный конь – на три клетки в сторону от физики к информатике, но зато и сразу вперед на одну, то есть в зав. сектором. Такому выбору способствовал случай. Вынужденный самостоятельно обрабатывать на ЭВМ результаты своих экспериментов, когда еще никто не слышал о готовых пакетах пользовательских программ, он занялся программированием исключительно как подсобным делом при подготовке диссертации, но скоро открыл для себя, что продвинуться на кормную должность на поприще программирования можно гораздо дальше и выше, чем в любой другой доступной ему области физики. В этом он ничуть не заблуждался. Многие физики, математики и инженеры-электронщики, испытывая давку в тесноте исконной профессии, предпочитали уходить в профессиональное программирование, если их способности в исконной профессии особо не выделялись среди дарований других коллег. В программировании же в те годы можно было достаточно легко отхватить себе очень хорошие места, даже не будучи корифеями этого дела – настолько велик был кадровый голод в специалистах, которые должны были обеспечивать работу ЭВМ в массе только что открывавшихся вычислительных центров. Дисциплинированный математиком ум легко воспринимал правила и условия построения алгоритмических процедур. От прикладного программирования требовалась скорее память, сосредоточенность и скромная изобретательность, чем способность к научным новациям. И все равно прикладное программирование казалось им (но еще больше несведущим посторонним) неким таинством и искусством, а не сложным в исполнении ремеслом.

Поступив в информационный институт старшим научным сотрудником, Гриша Вальцов при поддержке Люды Фатьяновой всего через полгода стал заведующим сектором, а еще через год уже заведующим отделом разработки программного обеспечения для институтского вычислительного центра. В этом качестве он утвердился достаточно добросовестным образом, хотя порой позволял себе ловчить, доставая через знакомых пиратские копии программ и выдавая их за свои. Впрочем, подобное происходило повсеместно и считалось вполне в порядке вещей, поскольку начальство, как правило, ни черта не понимало в программировании, а в авторском праве тем более. Михаил тоже не считал это большим грехом, тем более, что чувство меры Вальцову не изменяло, и он вовсе не пытался создать у собеседника впечатление, что здесь, в отделе программирования, он занимается наукой, а не интеллектуальными поделками ради денег и карьеры. До науки и в самом деле было достаточно далеко.

Почти одновременно с Григорием Вальцовым в тот же отдел занесло еще одного физика, переделавшегося в программиста, правда, помоложе и не кандидата каких-то наук – Вален-

тина. У него тоже была заметная внешность, только не плакатная, как у Вальцова, а скорее слегка карикатурная – высокий рост, толстое туловище, непропорционально маленькая на его фоне голова с мясистым, однако, лицом, в складе которого угадывалось нечто восточно-азиатское. Тем не менее он подчеркнуто старался выглядеть исключительно человеком западной культуры. Михаил услышал от Вальцова, что на прежней работе Феофанова лишили будто бы темы диссертации, над которой он начал было работать, и это стало причиной его закомплексованности; как только речь заходила о чьих-то успехах в диссертационных делах, в его лице проявлялась страдальческая и одновременно презрительная гримаса. Он явно чувствовал себя незаслуженно обойденным, и Михаил допускал, что это действительно было так, поскольку Валентин ему нравился. Несмотря на громоздкость фигуры и большой вес, Феодосьев двигался свободно, вертелся легко, словно был горнолыжником (хотя на самом деле не был), выражал вслух либеральные соображения на грани диссидентства (правда, никогда не за гранью) и отличался на удивление высокой производительностью как программист, несомненно, в первую очередь благодаря отличной памяти. Григорий Вальцов, начальник и приятель Валентина, щедро нахваливал его и, как только сам стал начальником отдела, рекомендовал Феофанова на свое прежнее место. Валентин, интенсивно занимаясь программированием, находил на работе время и для трепа, и для шахмат, за что кадровики по чьей-то наводке исправно преследовали его. Михаил же всегда считал, что человек вправе заниматься на службе чем угодно, если он более чем успешно справляется с заданиями. А Валентин справлялся за троих. И очень много читал.

Разумеется, и Вальцов, и Феодосьев свысока смотрели на большинство других работников института – и как люди, посвященные в недоступные обывателям глубины серьезной науки – физики, и как члены пока еще узкого круга программистов, чей снобизм стал в стране общепринятым знаком принадлежности к этому клану. Однако разработчиков информационно-поисковых языков они считали людьми своего уровня, поскольку те тоже естественным образом входили в свой элитарный интеллектуальный круг. Проблемы, которыми они занимались, по существу были много более сложными, нежели задачи прикладного программирования. Поэтому задирать перед ними нос программисты не могли и предпочитали приятельствовать.

Первым нащупал для себя дальнейший путь вверх, как и следовало ожидать, Гриша Вальцов, уже не в институтском, а главном ведомственном вычислительном центре, но не все ли было равно, где, лишь бы стать заместителем директора. Он с таким энтузиазмом занялся делами на новом месте, что это немедленно вызвало у его директора подозрение, не собирается ли этот умник из физиков подсидеть его самого. Подозрение такого рода было почти равносильно обвинению в интриганском коварстве, и оно сразу же сильно осложнило положение Григория. Что можно было сказать по этому поводу? Сам виноват, потому что слишком умен, но все же еще не знает, что по правилам номенклатурной игры это свойство ума надо маскировать. Иначе, как говорил баснописец Крылов, будет «не дело, а только мука».

Уход Вальцова снова освободил место для Феодосьева. Последнему даже не пришлось ни о чем хлопотать. Он казался единственным достойным претендентом из всех имевшихся в наличии. Валентину оставалось только постараться, чтобы никого не позвали со стороны. Автоматически сделавшись преемником Вальцова на посту заведующего отделом, он первым делом обзвонил всех коллег на стороне, чтобы сообщить, кем он стал. С одной стороны это выглядело даже немного комично, но с другой настораживало. Неужели для него не было ничего важнее, чем дать знать знакомым, что он не просто достойный человек, но и ровня большинству из них по рангу? Может, ранг даже значил для него больше, чем все остальное? Пока Михаил не спешил давать ход сомнениям, однако внутренний голос предупреждал, что если человек рассматривает такое событие как чрезвычайно знаменательное и для себя, и для других, то с его психикой и честолюбием далеко не все в порядке. Таким людям на памяти Миха-

ила всегда оказывалось важнее казаться кем-то, чем кем-то стать по существу. И наоборот – постоянного и всевозрастающего уважения заслуживали исключительно те, для кого кем-то значиться не доставляло никакой радости. Для них было важно только и именно кем-то БЫТЬ. Однако такие люди встречались крайне редко. К их числу Михаил с полным правом мог отнести своего старшего по возрасту коллегу, именно коллегу, а не подчиненного (хотя он был подчиненным до ухода Михаила к Антипову) Михаила Петровича Данилова. С его интеллектом и эрудицией вообще мало кого можно было сравнить, а уж на поприще информатики и подавно. Но сейчас Михаил Петрович работал в другом месте. Унаследовав отдел от Горского, он руководил им немного больше года и ушел после хамской выходки дирекции в свой адрес. Выходка, как догадался Михаил, была целенаправленной – так директор Пахомов, проводя очередную реорганизацию в институте, хотел поместить на пост зав. отделом разработки информационно-поисковых языков свою давнюю приятельницу Люду Фатьянову. Рафинированные интеллигенты таким, как Пахомов (тем более, тем, кто был хуже Пахомова) не требовались, видимо, потому, что рядом с подобными Данилову они чувствовали себя ущербно.

Феодосьев, конечно, оказался порождением другой культуры, и хотя он в должности заведующего отделом продолжал заниматься программированием, некоторым посторонним очень скоро стало ясно, что, во-первых, он посвящает этому меньше времени и сил и, во-вторых, программирует медленней и хуже. В этом Михаил убедился вполне определенно, видя, что новая программная продукция Феодосьева, предназначенная для машинного ведения лингвистического обеспечения, дает сбои и ошибки много чаще, чем прежняя, и что Валентин даже не всегда в состоянии самостоятельно понять, в чем состоят его ошибки. Феодосьев делался все капризней и все чаще нарушал обговоренные сроки. Из человека слова, каким ему вполне удавалось казаться раньше, он на глазах превращался в нечто совершенно другое – в обычного администратора советского учреждения, меняющего компетентность на упрочнение карьеры и власти. Теперь основной его заботой стало стремление завязать программное обеспечение всех создаваемых в институте автоматизированных систем в один общий узел, в котором мог бы разобраться только он один – и тем гарантировать свою незаменимость. По логике вещей универсальное программное обеспечение для разнородных задач могло быть в каких-то условиях сопоставимо по эффективности с набором специальных программ – и сама по себе такая идея не была порочной, но факт состоял в том, что дела с универсализацией давались Феодосьеву плохо. Сложность задач возрастала, способности точно и правильно действовать в таких условиях убывали. Стало ясно, что как честолюбивый профессионал Валентин Феодосьев мечтал шутя раскалывать проблемы, чтобы слава о нем вознесла его на новую высоту, но проблемы поддавались решению крайне неохотно, а его мозг работал на пределе своих возможностей и большего обещать не мог.

Однако именно в это время произошло еще одно обыкновенное советское чудо, благодаря которому Феодосьева снова автоматически вознесло на новую высоту, и для этого ему совсем не потребовалось демонстрировать феноменальные способности, которых, как оказалось, у него все же нет. Как программист-профессионал Валентин уже начал пускать пузыри.

Причиной воистину судьбоносного свершения в жизни Феодосьева явился очередной уход на другую работу – только на этот раз не Вальцова, а заместителя директора Максимова, который в то время курировал разработку и лингвистического, и программного обеспечения. Снова срочно решался вопрос, кого ставить на его место – своего или чужого? Чужой всегда представлялся котом в мешке, если раньше сам не был хорошим знакомым директора, в то время уже не Болденко, ставшего крупным чиновником в госкомитете, а Пестерева. А из своих в первом приближении подходил только Феодосьев, как единственный человек, по роду занятий знакомый с деятельностью всех отделов, для которых его отдел разрабатывал программное обеспечение. Выбор сделали в пользу своего. Так Валентина Феодосьева в возрасте чуть за тридцать назначили исполняющим обязанности заместителя директора. Песте-

рев не сомневался, что Феодосьев будет землю носом рыть, лишь бы закрепиться в должности, которая свалилась на него как снег на голову.

Несомненно, это событие потрясло Феодосьева до глубины души. Он узрел в этом хоть и запоздалое, но зато безусловное признание его заслуг и даже мистический знак, предопределяющий его карьерный прогресс после внезапного вывода его персоны на начальную номенклатурную орбиту. Он мог поклясться, что лучшего выбора не смог бы сделать никто. Это был для него Перст Судьбы. Михаил отнесся к появлению над собой нового, но уже знакомого заместителя директора с настороженным интересом. Все-таки он считал, что Валентин, став начальником, еще может остаться приличным человеком. Он даже хотел, чтобы вышло именно так.

У Феодосьева тоже имелись свои планы относительно Горского. Он сходу призвал Михаила к себе в советники, поскольку на первых порах был еще не в состоянии трезво и адекватно оценивать весь распахнувшийся перед ним горизонт. Но прежде чем давать советы по тематике работ, Михаил заметил, что новое положение обязывает Феодосьева к двум вещам. Во-первых, он должен будет срочно вступать в коммунистическую партию (в которую он раньше как будто принципиально вступать не собирался). Во-вторых, ему надо поторапливаться с подготовкой и защитой диссертации, над которой, судя по его словам, Валентин уже трудился несколько лет. Говоря все это, Михаил пристально следил за реакцией Феодосьева на его первые рекомендации. Тот без промедления кивнул головой. И приступил к их реализации тоже без промедления. Это уже был окончательный выбор. Как ответственный работник, он без очереди получил возможность сделаться кандидатом в члены КПСС (как он, наверное, жалел, что нельзя вступить в члены партии немедленно!). Кроме того, он срочно оформил соискательство кандидатской ученой степени в смежном институте, где был соответствующий и правомочный ученый совет. Дальше все пошло как по маслу. Он уже больше не бравировал рискованными либеральными высказываниями, не вспоминал о своих соображениях относительно рационального общественного переустройства. Этим мог баловаться еще не вполне созревший обладатель чересчур беспокойного ума, которому до всего есть дело – в том числе и до того, на что не следовало тратить ни мыслей, ни времени. Жизнь в состоянии изменять только те, в чьих руках оказывается власть. А взять в свои руки власть он мог, лишь выбросив глупости, в том числе благоглупости, из своей головы. Это Валентин решил бесповоротно, правда, полагая про себя, что никакого ухудшения в его существе из-за этого не произойдет. Напротив, перед ним открывалась перспектива стать еще более высокоразвитым интеллектуалом и интеллигентом, чем он был до сих пор.

Для Валентина почти сразу перестала существовать личная жизнь, настолько много времени он теперь проводил на работе, причем почти без всякого видимого смысла, поскольку все восемь часов официального рабочего дня он проводил в нескончаемых разговорах с Михаилом, силясь объяснить, насколько он образованнее и умнее своего подчиненного. В ход шли любые аргументы: – от его любимого офицерского (отец Валентина был подполковником) «ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак» до аналогий, не имеющих никакого отношения к рассматриваемому делу. Между этими крайностями новый зам. директора использовал якобы логические доказательства, основанные на ложных посылах, которые Михаилу не составляло труда изобличать. Все это было бы даже забавно, если бы не поглощало такой уймы времени. Но ведь не зря же Феодосьев с маниакальным упорством продолжал свои атаки, которые наверняка называл про себя «мозговым штурмом». И не из-за одного же только чудовищного честолюбия, жаждущего немедленного удовлетворения. Должно было скрываться за этим что-то еще. И Михаила, наконец, осенило – да этот тип нагнетал свой прессинг с вполне определенной целью! Раз Михаил однажды согласился написать книгу в «соавторстве» с директором Болденко – и в самом деле написал, а «соавтор» лишь обеспечил ее издание, то все можно будет повторить, только заказчиком будет он, Феодосьев, а продуктом труда Горского

будет его, Феодосьева, диссертация и, может быть, книга от имени двух соавторов. В лучшем случае от обоих. А то и одного, понятно от какого. Феодосьев делал все, чтобы Горский поскорей догадался и сдался. Сдался на условиях шефа. То есть делал бы всю работу и не смел возникать вслух со своими идеями, оценками, суждениями. Он должен был строго воплощать идеи Феодосьева. Будьте уверены, он выдать идеи Горского за свои безусловно сумеет. Поэтому главное – так хорошо поставить Горского на место, чтобы он и не пикнуть никогда не посмел, будто это он написал диссертацию и книгу, а если даже и пикнет, чтобы никто ему не поверил. План можно было признать превосходным. Единственное, что пускало его под откос – так это издательское нежелание Горского. Поэтому в наказание надо было пустить под откос Горского. В особенности сильно кулаки у Феодосьева зачесались после заседания научно-технического совета, на котором он докладывал о своих диссертационных намерениях, чтобы получить официальное одобрение. В состоявшейся дискуссии кто-то назвал Феодосьева практически готовым кандидатом. Соискатель после этих слов расплылся в улыбке как блин на сковородке. Но эта улыбка исчезла с его лица, когда заговорил Михаил. Он заметил, что неверно сравнивать Валентина Ивановича с готовым кандидатом. На самом деле знаний у него хватило бы на трех кандидатов (здесь Михаил не кривил душой, поскольку начитанность и память были у него действительно большими), однако до сих пор он не выдвинул ни одной собственной оригинальной идеи, которая могла бы стать элементом научной новизны, которая согласно положению ВАК требуется от каждого диссертанта. А потому ему хотелось бы знать, что Феодосьев может сообщить о своих намерениях в этом аспекте? Валентин едва дождался, когда ему дадут заключительное слово. В нем он сразу откликнулся на обвинение в отсутствии какой-либо новизны, но предметно возразить Михаилу и указать, что его оригинальная идея состоит в том-то и том-то, не смог. Естественно, что он этого не забыл.

Через несколько дней он в обвинительном тоне заявил Михаилу, что не ему принадлежит идея создания комплекса информационно-поисковых языков. – «Что вы говорите?!» – деланно всплеснул руками Михаил. Он тут же полистал собственную книгу и передал ее Феодосьеву, указав нужный абзац. Там значилось «В 1967 году идея построения комплекса информационно-поисковых языков на основе дескрипторных словарей, связанных посредством полииерархической классификации, была выдвинута М. П. Даниловым». – «Вы этому собирались меня научить?» – в упор спросил Михаил. – «Все равно вашего там ничего нет», – грубо отрезал Феодосьев. Он явно хотел поставить Михаила вровень с собой. – «А вот на этот счет вы ошибаетесь, – улыбнулся Михаил. – Идея параллельного функционирования эталонных и рабочих дескрипторных словарей – моя. Идея построения и функционирования информационно-сопоставительного тезауруса – моя. Идея автоматического сопряжения рубрикаторов на основе тезауруса, описывающего лексику рубрик – моя. Можете узнать из библиографии. Это ваших работ по данной тематике нет.» – «Будут!» – угрожающе произнес Феодосьев. – «О, не сомневаюсь! Все так просто! Вы не подписываете мне акт экспертизы на право публикации моих статей, а себе, как я догадываюсь, все же подпишите? Или я неправильно понимаю величайший стратегический замысел? Ведь есть же мысль, что через четверть века можно будет идеи Данилова, Влэдуца, Горского представить как свои?» Феодосьев, злобно набычившись, смотрел в свой большой замдиректорский письменный стол. Вот так примерно наливался злобой рабоче-крестьянский поэт Рюхин, думая о поэзии Пушкина в «Мастере и Маргарите». Бессмертный образ, созданный Булгаковым, несколько не устаревал. Что было, то и будет – во все времена. Зависть и наглость. Ненависть и бессилие в творчестве. Готовность ограбить и вознестись в недостижимость. Все как всегда.

На том данный сеанс и закончился. Но он не был последним. Началась эра безумия, исходящего от пышущего ненавистью и ненасытной жадой поработления человека, как будто совсем недавно принадлежавшего к тому же кругу, к которому относил себя Михаил, а ныне тривиального представителя правящего класса в его самом нижнем слое, однако истово веря-

щего в достижимость для него настоящего крупномасштабного успеха, если он будет твердо придерживаться правил поведения номенклатурного клана – и никаких других. Он занял достойное место среди тех, кого по незрелости ума еще недавно презирал, повторяя разные интеллигентские глупости.

Именно такие, как Феодосьев, заставили Михаила впервые усомниться в правильности привычного марксистского стереотипа «бытие определяет сознание». Не менее справедливо выглядело обратное – «сознание определяет бытие», тем более, что только сознание лежит в основе грядущих изменений бытия, будь то жгучая мечта о славе, о власти, о богатстве или о великих свершениях совсем другого рода. Каждого сдает свое основное устремление, оно-то и заставляет в подходящий момент делать решающий выбор.

Феодосьев дождался своего часа и сделал выбор насчет себя, а также насчет Михаила. Ни келейно, ни прилюдно он не мог прищучить Горского и заставить плясать под свою дуду. А играть в свою дуду, да так, чтобы все вслушивались и обмирали от восторга, хотелось до смерти. Лесть подчиненных – всех без исключения – нужна была ему не меньше, чем тем, кому по правилам карьерного продвижения на новую высоту обязан был льстить он. Никакого изъятия в пользу Горского из этого принципа нельзя было допустить. И если состязательные методы, принятые среди интеллектуалов, не годились для того, чтобы оседлать этого мерзкого упряма, что ж, он имел полную возможность и право прижать и раздавить его административными воздействиями. Самыми разными, лишь бы оказались эффективными. Тем более, что обстановка для этого в институте сложилась вполне подходящая. В качестве преемника ушедшего в ведомственный аппарат с повышением Болденко был поставлен Пестерев. В институте его никто не знал. С трудом удалось навести о нем справки через знакомых, работавших в Зеленограде. Сведения были неутешительными. Очень серенький доктор технических наук в области элементной базы ЭВМ или чего-то в этом роде. Подсидел в своей фирме заместителя директора. Постарался очистить поприще от более умных людей. Кто предложил его в директора института, принадлежащего другому ведомству, не знал никто.

На первых порах Пестерев особенно не вмешивался в ход институтских дел и больше слушал, чем говорил. Единственное, что в его поведении сразу насторожило Михаила, была чрезмерная похвала, публично и неоднократно высказанная Пестеревым в адрес нескольких человек, не сделавших и даже не предложивших чего-то особенно серьезного. В этом заключалась некая загадка. Но она разрешилась через месяц с небольшим, когда выступавшие с тривиальными речами люди, ждавшие новых похвал, были в упор безжалостно и бессовестно сражены хлесткими, прямо-таки издевательскими оценками Пестерева. Вывод напрашивался сам собой. Заставить людей поверить в свое доброжелательство и в деланное проявление уважения, а когда они доверчиво раскроются перед ним, врезать им по самому чувствительному и незащищенному месту. От такого фрукта можно было ждать что угодно.

Феодосьев постарался проявить себя полезным директору человеком прежде всего лестью. Зная, как обычно радуются люди, попавшие на незнакомое поприще, всякой возможности показать свою компетентность в прежних профессиональных делах, Валентин несколько раз угодливо предлагал директору вопросы, касавшиеся элементной базы ЭВМ, нисколько не сомневаясь, что Пестереву будет в высшей степени приятно в подробностях ответить на них перед подчиненными. Но реакция была совсем не та, на какую рассчитывал подхалим Феодосьев. Пестереву явно не хотелось говорить что-либо по предложенной теме. Он едва-едва выдавливал из себя неопределенные по смыслу общие фразы, недотягивающие даже до уровня описаний соответствующих вещей в научно-популярных изданиях типа журнала «Наука и жизнь», и старался как можно скорей перевести разговор на другие рельсы.

Это могло означать только одно. Что он не просто серый доктор, но и вообще никакой, а лишь обычный грабитель чужого интеллекта, защитившийся на чужой диссертационной работе, которую сумел у кого-то отобрать, пользуясь своим административным положением.

Видимо, он даже не мог в полной мере понять, что написано в «его» диссертации – иначе безусловно был бы более красноречив, дабы все знали, как далеко он сумел продвинуться в неведомое по прежней специальности и, следовательно, как он еще сумеет показать себя в новом деле.

Ничего этого он ни проявить, ни доказать не сумел. Однако это не имело никакого значения для его устремления к высотам официальной науки. Пестерев был безусловно убежден, что получение ученого академического звания – это и есть главная цель любой научной работы, а то, что приводит к званию члена-корреспондента или академика – это, собственно, и есть научная работа – независимо от того, чем в действительности был занят соискатель – получением новых знаний или интригами, или грабежами продукции чужих умов – лишь бы Великая Мечта осуществилась. Подходящих примеров возлестной карьеры перед глазами Пестерева было хоть отбавляй. Но он не был просто мечтателем. В институте появился весьма опытный инструменталист своего дела, страстный поклонник идеи, что весь коллектив должен работать прежде всего на его личный успех. Это была даже не идея, а маниакальная убежденность психически ненормального человека, что только так может и должно быть. Противоположная постановка дела – что директор должен трудиться ради успеха институтского коллектива – была для него совершенно абсурдна и недопустима. Каждый сотрудник института в меру его сил и возможностей (а на самом деле даже больше) должен был работать на его научную репутацию, на увеличение его личных денежных доходов, на удовлетворение его страстей и капризов. Видимо, Пестерев подозревал, что не обладает ни неотразимой внешностью, ни чарующим умом, ни душевным обаянием, но зато он точно знал, что институт должен поставлять ему любовниц столько, сколько надо – и надо сказать, что насчет этого почти не заблуждался, поскольку всегда для достаточно большой доли дам любого коллектива директорский пост – сам по себе чарующее украшение мужчины, и поэтому его дело – лишь выбирать из их числа ту, которая представляется привлекательней других в данный период времени, с тем, чтобы в следующий период воспользоваться услугами другой, а там и третьей – и так далее. В глубине души он был убежден, что ему может принадлежать любая подчиненная. Но вот с этим у него получалось не всегда, и тогда психозность его состояния обострялась. Михаил очень быстро понял, что зацепляет болезненное само – и честолюбие директора сразу по трем статьям. Во-первых, он мог мыслить и умел писать, о чем свидетельствовала оригинальная, а не компилятивная книга, которую он издал в «соавторстве» с Болденко, но не проявлял никакого желания вступать в подобные отношения с ним, новым повелителем. Это была, несомненно, дерзость. Правда, сам предложить такое же «соавторство», какое было у Горского с Болденко, Пестерев не решался, видимо, прослышав, что эта пара условилась написать и издать еще одну книгу. Страх перед прямым ведомственным начальником, разумеется, лишал Пестерева возможности действовать напролом, но мысль о том, что кто-то в ЕГО институте смеет работать не на него, была для его нервного устройства непереносима.

Во-вторых, оказалось, что дама, которую он счел особо сексуально притягательной для себя, заинтересована в Горском. Доверенные лица, которых Пестерев сам привел в институт, да и штатные стукачи тоже, докладывали ему, что связь между объектом его вождельний и Горским, несомненно, есть, хотя узнать, где и когда они встречаются вне института, им не удавалось. В институтских же помещениях, кроме как за беседами, их так и не сумели накрыть. Это для Пестерева было уж слишком. Нередко признавая на словах правоту Горского в его постоянных стычках с Феодосьевым, Пестерев, тем не менее, в итоге поддерживал Феодосьева. Иногда, правда, директор подкалывал своего заместителя аргументами Михаила, но делал он это просто из любви покрепче сталкивать лбами начальников с подчиненными (равно как и наоборот), полагая, что из таких соударений обязательно посыпятся искры все равно от кого, но которые окажутся полезными для разжигания огня, согревающего его, директора. Одна из конфиденток Пестерева, которой тот создал необременительную сине-

куру и которая по должности могла совать свой некомпетентный нос в дела Михаила, однажды с деланным участием поинтересовалась причиной, по которой директор так равнодушен к нему. Прекрасно зная, с кем говорит и не желая оставлять нападки Пестерева без ответа, Михаил ответил ей грамматически нарочито усложненной фразой: «Потому, что я пользуюсь благосклонным вниманием дамы, благосклонным вниманием которой хотел бы пользоваться директор». Высказавшись, он еще полминуты с интересом наблюдал, как доносчица, напрягая от избытка усердия мускулатуру лица, вслух слово за словом, медленно воспроизводила эту фразу, постигая в уме ее очевидный смысл и стараясь один к одному обеспечить ее передачу Пестереву. Удостоверившись, что процесс постижения и запоминания его высказывания завершился, Михаил пожелал ей успеха как раз в тот момент, когда ей сильнее всего хотелось услышать подтверждение из первых уст имени той дамы, при виде и даже при мысли о которой темперамент директора просто вспыхивал огнем. Разумеется, Михаил переходил таким образом все допустимые пределы – и так считал не только Пестерев с его камарильей, но и сам Михаил. Он совершенно четко представлял себе, что его все равно выживут из института в достаточно скором времени – иначе это будет не возглавляемое маньяком Пестеревым советское учреждение, но ярость, в которую впадали начальники, сталкиваясь с сопротивлением и насмешками Горского, могла подталкивать их делать глупости, а уж это можно было использовать для продления его пребывания в институте, покуда не найдется другая работа.

Наконец, в-третьих, за весь период пребывания у власти Пестерев не получил от Горского ни одного признания его умственных способностей, тем более интеллектуального превосходства. Пестерев не бился с ним за это, как Феодосьев, однако нежелание хвалить и одобрять все равно должен был расценивать как вызов. Подчиненный на то и подчиненный, что обязан следовать курсу руководства, каким бы этот курс и само руководство ни были бы. Феодосьев об этой административной премудрости не забывал никогда. В глаза и за глаза (поскольку знал, что сообщат) отзывался о знаниях директора благоговейно, никогда не скупясь на преувеличения. Например, он сообщал подчиненным, что Пестерев в совершенстве владеет английским, хотя тот ни разу не решался выезжать за границу без личного переводчика средней руки или самому беседовать по-английски с иностранцами дома, в институте.

Нахвалявая директора, Феодосьев не забывал заботиться о сокрушении Горского. После выхода в свет книги, написанной Михаилом, он прямо-таки вникал в ее текст глазами в поисках ошибок, заранее приготовившись разоблачать и уличать. Его особенно взбесило, что книгу действительно издали на хорошей финской бумаге (об этом позаботился Болденко), что в ней было двадцать авторских листов, что Михаил не поднес ни ему, ни директору экземпляра с верноподданнической надписью (хотя тем, кого уважал, Михаил дарил книгу сам, и Феодосьеву было об этом известно) и, наконец, что в ней не нашлось ничего, что можно было изобличить по существу. И нашел он всего одну ошибку, одно криминальное место, но зато какое! О большем бывший полудиссидент по убеждениям не мог бы и мечтать!

Вызвав Михаила к себе, он без обиняков объявил ему: «Вы исказили Ленинское определение материи». Голос его звучал торжествующе и зловеще. Поскольку это было единственная цитата из классиков марксизма-ленинизма во всей книге, Михаил во избежание придинок к этому обязательному компоненту в любой книге советских авторов постарался воспроизвести ленинский текст точно и полностью, без расхожих купюр. Изобразив на лице неподдельный интерес (а не испуг, как рассчитывал Феодосьев), он с улыбкой произнес: «Очень интересно!» – Феодосьев, слегка озадаченный его реакцией, но еще не сбитый с толку, раскрыл криминальную книгу на заложенной странице, потом нарочито долго, рассчитывая испытывать терпение Горского, рылся в толстом энциклопедическом словаре, положенном ему как заместителю директора, близоруко шурясь в поднесенные к лицу страницы. Наконец, он решил, что выматывающая нервы пауза достаточна, а психическое давление достигло предела, и зачитал вслух определение из словаря. – «Ну и что?» – откликнулся Михаил. – «А то, что после слов, – Фео-

досьев назвал слова, – вы внесли отсебятину,» – и зачитал текст по книге Михаила. – «Вы полагаете, что это мои слова?» – не пряча иронии, отозвался Михаил. Феодосьев впервые взглянул на него с некоторым беспокойством за успех своей затеи. – «Продолжайте свои похвальные изыскания, продолжайте, – поощрил его старания Михаил. – Возможно, вы найдете еще что-нибудь полезное для себя». – «Что вы хотите этим сказать?» – буркнул Феодосьев. – «Что вы не утруждали себя знакомством с ленинским текстом. Больше ничего». – «Я процитировал точно». – Голос Феодосьева вновь зазвучал угрожающе и надменно. – «А мне кажется – нет. Как образцовый марксист, притом еще и кандидат в члены партии, вы обязаны знать, что цитировать классиков марксизма-ленинизма полагается по первоисточникам, а не по вторичной и справочной литературе. В книге же указан том собрания сочинений и номер страницы. Не пойму, что сбило вас с толку?» – «Но ведь Ленина не могут цитировать неточно в энциклопедическом словаре!» – защитился Валентин. – «Неточно? – почти наверняка не могут, – подтвердил Михаил, – а вот неполно – другое дело!» Феодосьев снова уткнулся в словарь. Когда он выискивал в текстах что-то нужное, он просматривал их от начала и до конца, а потом обратно – от конца к началу. Так было и на этот раз. Наконец, не отрываясь от словаря, он пробормотал: «Действительно, тут после слов (он снова назвал слова, за которыми следовал псевдокриминальное продолжение) есть... многоточие». – «Вот видите, – ласково укорил его Михаил, – а вы претендовали на то, что воспроизводите верно!» – «Ну, положим, при чтении вслух многоточие не произносится». – возразил Феодосьев, но Михаил уже резким тоном оборвал его: «Как программист вы обязаны знать, что каждый символ в тексте имеет определенное значение, и оно должно приниматься в расчет. Но вы горите слишком сильным желанием обвинить меня в идеологической диверсии, а потому и позволили себе небрежность в своем, с позволения сказать, анализе. Я думаю, моему соавтору будет небесполезно знать, в чем нас с ним подозревали, да еще с каким рвением».

Феодосьев долго не отзывался. Михаил прямо-таки чувствовал, как тяжелыми гириями перекатываются туда-сюда в голове Валентина напрягшиеся мозги в попытке найти сколько-нибудь пристойный путь назад. В эту минуту его лицо напоминало корову, тупо пережевывающую жвачку. Сверхсамолюбивый и сверхбидчивый, он теперь не решался и слова сказать в свое оправдание, опасаясь, как бы ни оно было использовано против него «на уровне Болденко». Он мучился страхом за судьбу карьеры, которой не имел права рисковать. «Подделом, – мелькнуло в голове Михаила. – В следующий раз семь раз подумай, прежде чем меня обвинять».

– «Хорошо. Можете идти», – наконец, изрек Феодосьев, по-прежнему глядя в стол.

После этого случая он окончательно оставил попытки что-либо доказать Михаилу и перенес борьбу из плоскости умственных столкновений в плоскость закулисных игр. Он знал, что при таком директоре как Пестерев, проиграть компанию по изгнанию Горского из института невозможно. В этом они были заодно. Конечно, им требовалось перед решающей атакой нейтрализовать Болденко, сделав так, чтобы тот отказался от своей моральной обязанности поддержать соавтора в трудный для него момент, но Михаил сознавал, что это не представит для них особого труда. Не мог же Болденко совсем спокойно жить рядом с настоящим автором книги, в которой сам далеко не все понимал – и при этом не соблазниться предложением избавиться от присутствия того, в кого окружающие тыкали пальцами – «на самом деле писал только он!»

Пестерев нюхом чувствовал, что надо делать – и делал. В успехе его предприятия сомневаться не приходилось. Тем более, что, добравшись до номенклатурного директорского кресла, Пестерев вообще перестал беспокоиться, что есть силы, которые способны его остановить – ведь он уже мог творить чудеса! Именно такую способность порождало его абсолютное верховенство в подведомственном ему научном учреждении. Он мог сформулировать любую задачу, какую ему будет угодно, в том числе и неразрешимую, и потребовать от избранного им

в исполнители подчиненного, чтобы тот решил ее к такому-то сроку или убирался из института ко всем чертям, раз он окажется неспособен. Припирять людей к стенке под угрозой увольнения как раз и означало творить чудеса. Пестерев был уверен, что человек, оказавшийся в безвыходном положении, обязательно сумеет найти выход ради собственного спасения или спасения близких. В подобных представлениях о чудотворстве Пестерев был совсем не одинок. Даже имеющий с ним крайне мало общего настоящий смельчак, прекрасный подлинный писатель, гуманист и талант Антуан де-Сент-Экзюпери в своей повести «Военный летчик» предлагает в принципе точно такое же решение, как Пестерев, для ликвидации проблем в самолете-разведчике, возникающих при полетах на больших высотах. Пилоты той части, в которую он прибыл служить в начале войны с Германией, предупредили, что на высоте 10000 м у него замерзнет гидроуправление горизонтальным рулем и замерзнут пулеметы. Так и произошло. В сердцах пилот Экзюпери, взбешенный этими пороками, действительно делающими самолет легкой добычей противника, думает, что для ликвидации неполадок всего-то требуется вызвать толкового техника унтер-офицера и объявить ему: «Вот вам неделя срока и или вы устраняете дефекты систем, или идете на каторгу» – как все будет исполнено. Право слово, великий гуманист и талант готов был зайти даже дальше бездари Пестерева в своих рецептах обеспечения чудотворчества, хотя и в условиях войны.

Эскалация требований и претензий к Михаилу и его отделу, а затем и сектору (когда с согласия Болденко упразднили отдел информационно-поисковых языков – прогноз относительно Болденко полностью сбился) показывала, что выживание Горского из института вступило в решающую стадию. Пестерев вынашивал идею переориентировать институт из информационного в институт по разработке персональных ЭВМ. С этой целью он уже два года в тайне от своего ведомства, которому данная тематика была абсолютно несвойственна и чужда, держал группу во главе со своим сотрудником по прежней работе Мотылевым, который в кустарных условиях старался воплотить в металле и полупроводниках мечту своего шефа. Михаилу поневоле приходилось вспоминать, что разрешение на создание института было дано госкомитетом по науке и технике при условии, что тематика, по которой работал Михаил, должна быть центральной во всей его научной деятельности. Будущий первый директор института, в прошлом генерал политического управления армии, Беланов клятвенно заверил высшее начальство ГКНТ, что так и будет. Институт учредили, Беланов, долго не думая, совсем не так распределил штатный состав, как приказывали из ГКНТ, и не так, как предусматривал перспективный план на пятилетку. Большую часть штатной численности генерал перебрал с тематики информационно-поисковых языков на то, что было ближе его насквозь политпропагандистскому сердцу – на организацию ведомственного пресс-центра, отделов печатной, радио – и телевизионной пропаганды. В своем госкомитете – не в чужом ГКНТ – Беланова за эту вольность не ругали. Наоборот – Глава госкомитета был очень доволен, что у него есть свой пресс-центр, который подготавливал с ним «интервью», писал от его имени статьи для публикации в центральных газетах, снимал с его участием в главных ролях телевизионные и слайдфильмы, короче всячески пропагандировал его деятельность и укреплял репутацию в глазах хозяев страны в ЦК КПСС. Впрочем, это была иллюзия председателя госкомитета. В ЦК такого рода авторитеты не признавались. Там знали истинную цену тем, кто себя таким образом пропагандировал, и зорко следили за тем, чтобы в этом деле не было излишеств сверх установленных партийным руководством нормативов. Начальник прессцентра шепотом делился с Михаилом на совещаниях своими трудностями. Председатель требовал, чтобы его статьи появлялись в «Правде» и «Известиях» чуть ли не ежемесячно. – «Ну не могу я их пробивать с такой частотой, хоть тресни. Мне там прямо заявили, что как министр СССР он имеет право на два «подвала» в год – и все!». И тут уже не имеет значения, знаком мне главный редактор или нет – ему самому так и так нельзя подставляться!» Государственные мужи весело и дружно обманывали родное государство и не чувствовали за собой при этом никакой вины.

А в чем им, собственно, было виниться? Что они делали точно то же, что и другие, кто в больших масштабах, кто в меньших? Такова была их игра. А решалась ли общегосударственная проблема, им было мало дела. Какие-то исследования проводились, какие-то идеи выдвигались и обсуждались, а тот ли размах придавался делу, чтобы оно привело к практической реализации всесоюзной системы информации, комитетских и институтских руководителей занимало мало. Там больше думали о других задачах. О СВОИХ. Пахомов, второй директор, преемник Беланова, уже и знать не хотел, о чем клялся в ГКНТ Беланов. При нем штатное расписание вновь и не раз пересматривалось, и почти не было случая, чтобы при реорганизации чего-нибудь не отщипывали бы от численности отдела информационно-поисковых языков. Болденко, унаследовавший институт от Пахомова, придерживался примерно той же линии. Если он не видел политической выгоды в какой-либо тематике (включая сюда, конечно, и личную выгоду для себя), она переставала его интересовать и переходила в разряд нежелательных. Пока Михаил писал книгу, все было относительно спокойно, и отдел считался занятым очень нужным делом. Но еще до прихода Пестерева интересы Болденко сместились в другую сторону, хотя и не очень резко. Но зато при Пестереве процесс сведения тематики ИПЯ на нет, начатый еще Белановым, был практически доведен до конца. Нельзя сказать, что соответствующие чины в ГКНТ ничего не замечали. Нет, они смотрели и даже время от времени делали окрики. Но, поскольку эти окрики никакими серьезными санкциями в адрес институтского и комитетского руководства не сопровождались, на них не обращали внимания. В конце концов, все определялось позицией отдела промышленности и отдела науки в ЦК КПСС. Там знали истинные приоритеты власти, вот их и обеспечивали ресурсами. А тому, что не входило в число приоритетных тем, давали в лучшем случае тлеть, но для хорошего костра дров не отпускали. Ну, а тлеть оставляли из соображений государственной предусмотрительности (кстати сказать, не лишней) – ведь из искры при надобности можно быстро раздуть большое пламя.

Все как один директора института были достаточно беспринципными конъюнктурщиками. Очевидно, иных в номенклатуру не зачисляли. Все они неплохо понимали, куда дует ветер и как лучше подставлять под него свои паруса. Каким бы курсом они ни шли, институту от этого лучше не становилось. И все-таки в нем удалось, скорее вопреки дирекции, нежели с ее помощью, воспитать немало грамотных специалистов, каких ни в одном вузе страны тогда не готовили. С ними можно было бы решать сложные вопросы в информатике, если бы Родина этого хотела. Но так как Родину олицетворяли Белановы, Пахомовы, Болденко, Пестерева разных калибров на разных местах, ей постоянно хотелось иметь от науки нечто другое, а именно то, чему по-настоящему честный научный работник не соглашался служить ни под каким видом (или только делая вид) – подстраивать результаты исследований под конкретные нужды карьеры начальника – и как можно скорей. Вот как раз – то для этого тематика информационно-поисковых языков совершенно не подходила. Как нельзя вырастить строевой лес за пять или даже десять лет, так невозможно было выстроить и полноценную систему обеспечения общения локальных систем друг с другом и со множеством потребителей информации, очень по-разному опирающихся даже на один и тот же естественный язык, за меньший срок, чем вырастить лес, да еще и при большей нехватке специалистов, чем в лесном деле.

Михаил всегда смотрел на свою работу только как на способ зарабатывать деньги, а не как на исполнение призвания, но это вовсе не означало, что ему было все равно, что из этого получается – хорошее или плохое. Мысль Паскаля о том, что все, что имеет смысл делать, имеет смысл делать хорошо, была справедлива и в его случае. Информационно-поисковыми языками безусловно имело смысл заниматься, ибо общество и понятия не имеет, сколько оно теряет без них из того, что могло бы служить на пользу его членам, в том числе и властителям – и даже прежде всего именно им. Поэтому было обидно не только за себя. Не нравился Горский, но прежде чем его самого, собирались уничтожить тематику, которой он занимался. Значит, и то ценное, что ему удалось сделать, обречено было пойти жирным котам под хвост.

А поиски новой работы затягивались, и его могли выставить вон еще до того, как он сумеет найти пригодный для себя аэродром.

Приближался съезд КПСС. Михаилу было известно, что в соответствии с партийной демагогией именно он считался высшим правящим органом страны, что по логике вещей – и с точки зрения практики советской власти тем более – было лишено всяких оснований. Но догма есть догма, и единственная партия страны не раз оказывалась в положении жертвы собственной демагогии. В адрес каждого партийного съезда направлялось множество обращений от коллективов и от отдельных граждан, и об их числе секретариат каждого съезда сообщал трудящимся по телевидению и радио. Оно было астрономическим. И по любому обращению от имени съезда следовал тот или иной ответ – не обязательно тому, даже почти всегда не тому, кто обращался – как правило в ту инстанцию, которая могла принять меры по фактам, приведенным в обращении. Процедура выдачи ответов затягивалась надолго, далеко выходя за время действительной работы съезда. И откуда из этой инстанции, в которую секретариат съезда переправил обращение, не будет дан ответ в ЦК КПСС, того, кто ждал ответа из высшего органа партии и страны, побаивались трогать. Обращение в адрес съезда сулило дать возможность растянуть время пребывания в институте худо-бедно месяца на два, а то и на четыре. Прибегать к этой технологии все равно не хотелось, но выбора они Михаилу не оставили. Уходить в никуда означало всерьез подорвать семейный бюджет. В угоду своему чистоплюйству перекладывать все тяготы добывания средств к существованию на Марину Михаил не собирался.

И он написал «на съезд». Весь огонь он сосредоточил на Пестере и Феодосее как авторах липы о сданных в промышленную эксплуатацию четырех институтских автоматизированных информационных систем.

Каждое слово там было правдой, но Михаил наперед знал, что первое, что сделает институтское начальство – это постарается обвинить его в клевете. Ну, что ж, обеим конкурирующим сторонам присуще свое суждение об истинности – в свете тех интересов, которые у них есть. И еще было ясно, что никаких видимых изменений к лучшему в институте не произойдет, даже если проведенное по обращению расследование «вскроет имеющие место отдельные (или серьезные – смотря как предпочтут решить в госкомитете) недостатки». Ведь в государственной машине страны визжала или скрипела без денежной смазки и хорошего управления и ухода каждая кинематическая пара, каждый шарнир, а другой машины в стране уже почти семьдесят лет как не было. За счет чего же можно было бы улучшить работу одного узла или агрегата этой машины, не ухудшая работу других узлов? Нет, на положительный сдвиг надеяться было нечего.

Отправив свое писание «на съезд» заказным письмом (для этого на почте понадобилось предъявить паспорт), Михаил сразу проинформировал об этом секретаря партийной организации института. Эта дама девять лет назад была в его отделе заместителем. Сообщая ей о своем шаге, он убивал сразу двух зайцев – уведомлял ее саму, чтобы могла наперед подготовиться к звонку из райкома, и освобождал себя от нужды выдумывать, каким путем дать знать Пестеру о том, что он, Горский, до завершения разбирательства остается на своем месте.

Ждать реакции секретариата съезда КПСС пришлось четыре месяца. Проявилась она в том, что Михаила уведомили о приказе госкомитета создать комиссию по рассмотрению его обращения. В ее составе оказались: в качестве главы – чиновник из управления Болденко (стало быть, недоброжелатель), два члена, в человеческом и профессиональном плане вполне симпатизирующих ему (о чем Болденко мог и не знать, но все равно это были люди подневольные, и от их участия вряд ли можно было ожидать принципиальной неуступчивости официальной установке от Болденко) и две давних недоброжелательницы, от которых понятно чего следовало ожидать.

Комиссия приступила к работе в институте, и через какое-то время его вызвали туда. По существу и по форме задаваемых вопросов он понял, что там уже поработали и Феодосьев, и Пестерев – чтобы он, Горский, «поплыл» в своих объяснениях. «Претензии к руководству – претензиями, но что, дескать, он сам от себя предлагает? – Ничего!» С этим было нетрудно справиться. Михаил заявил, что свое видение рациональной деятельности института по своей проблеме он изложил в соответствующем разделе прогноза на следующую пятилетку, который был составлен по приказу госкомитета, и насколько ему известно, этот раздел без правок и купюр вошел в итоговый прогноз. В свое время и Пестерев, и Феодосьев оставили этот материал без внимания, никак не считая себя обязанными вспоминать через шесть-семь лет о том, насчет чего они когда-то расписались. С другой стороны, Михаил предъявил комиссии в копиях свои многочисленные докладные записки на имя Феодосьева и Пестерева по поводу текущих безобразий, творимых по административному произволу Феодосьева и оставленных Пестеревым без принятия мер. – «Вы передавали свои докладные через канцелярию?» – поинтересовался председатель комиссии, очевидно, уже зная, что в канцелярии никаких следов докладных нет. – «Я передавал их лично Феодосьеву и директору во время приема по существу затрагиваемых вопросов. Поскольку по устному докладу решений, удовлетворяющих меня, не было, я оставлял им заранее подготовленный письменный текст». – Председатель признал, что это вполне допустимо. Пока что комиссия не влезала в подробности по поводу обвинений в том, что ни одна из автоматизированных систем, сданных а промышленную эксплуатацию, не работает. Пикантность этих вопросов состояла в том, что Пестерев и Феодосьев подсовывали липу, а комиссии, присылаемые Болденко, принимали и «активировали» ее. Но вот что все-таки заинтересовало и председателя, и двух членов, которые могли оказать сильное содействие Михаилу – так это намерение Пестерева в недрах института полу-конспиративно вести разработку персональных ЭВМ. Это был вызов государственной системе управления научно-техническими разработками и её прерогативе заказывать технику в высочайше определенных компетентных организациях. – «От кого вам известно о разработке в институте персональной ЭВМ?» – напрягшись как пойнттер на стойке, спросил председатель. – «От самого директора. На совещании, где я ставил вопрос об установке в отделе дисплея для непосредственного ввода словарной информации в память ЭВМ. Пестерев сказал, что группа Мотылева вскоре сделает опытный экземпляр персональной ЭВМ и что программное обеспечение для нее создается в другом отделе – кстати сказать, не в отделе Феодосьева». Михаил видел, что все его ответы подробнейшим образом записываются. Это означало, что Пестеревская затея переориентации института на новую тематику накрылась.

Михаилу уже было через его доброжелателей известно, что с момента образования комиссии и по сей день в институтском вычислительном центре без выходных идет работа по завершению якобы давно уже сданных систем и что с Феодосьевским программным обеспечением все никак не ладится. Несомненно, комиссия об этом тоже знала. Но вот о существовании целой группы Мотылева, о ее планах и отчетах в госкомитете и понятия не имели.

О том, как реагировали на это открытие комиссии «в верхах», Михаил узнал уже через день. Перепуганный Пестерев немедленно уволил Мотылева, дабы тот не мог быть допрошен комиссией. Расправа с Мотылевым, да еще такая бесцеремонная, в намерения Михаила никак не входила. Не Мотылев был виновником кражи ресурсов и штатов из других подразделений института, причем больше всего из отдела Горского. Но, как всегда, когда паны дерутся, не у них, а у холопов чубы летят. Пестерев получил жестокий, но всего лишь устный нагоняй, а лишился работы буквально в одночасье Мотылев, виновный лишь в том, что связал свою судьбу с Пестеревым и работал по своей специальности не там, где надо, а, главное, совсем не там, где полагалось. Михаил не хотел считать себя виноватым в увольнении Мотылева и формально имел на это право – но в душе все равно остался неприятный след. Оказывается, его борьба за свои законные интересы не получалась безупречной. Впрочем, в абстракции

он все это представлял себе очень давно – в столкновении с мерзавцами поневоле окажется с ними в одной плоскости, иначе противостояние невозможно.

Никаких других острых вопросов комиссия Горскому не задавала. Снова потянулось ожидание. Через два месяца, в течение которых Михаил так и не нашел новую работу, ему позвонил давно знакомый заместитель Болденко и сказал: «Михаил Николаевич, я должен согласовать с тобой проект приказа по комитету, в котором подводятся итоги работы комиссии по твоему обращению к съезду партии» – «Согласовать со мной?» – усмехнулся в трубку Михаил, и собеседник этот тотчас понял. – «Ну скажем так, условно. Там же сказано о мерах, которые комитет обязывает принять, и руководству надо знать, что ты думаешь на этот счет». И собеседник зачитал текст. Суть его была и смешна и печальна в одно и то же время. Там говорилось, что из четырех неработающих автоматизированных систем, на самом деле не работают две. Что срок для ликвидации недостатков определен такой-то. О незаконной разработке за казенный счет персональной ЭВМ говорилось, что информация не подтвердилась. За выявленные упущения и недостатки в работе директору института Пестереву объявлялось замечание. Тут Михаил чуть не прыснул от смеха. В КЗОТ, е, насколько он знал, не существовало такого вида взыскания как «замечание». И снова собеседник уловил по телефону некую реакцию Михаила, поскольку, разумеется, ее ожидал. – «У тебя есть возражения?» – спросил он. – «По поводу взыскания? Что вы, Аркадий Андреевич! Это ваша компетенция! Ваше право и благодарность объявить!» Тот понял и больше не спрашивал. Зато спросил Михаил: «А мне будет послан приказ после его подписания?» – «Нет, он уйдет в ЦК. А там – как они сочтут, направлять тебе ответ или нет. Ты же туда обращался». В словах Аркадия просквозила маскируемая деланной корректностью обида. – «Понятно», – сказал Михаил. Процедура пришла к завершению. Теперь ему осталось работать от силы месяц с небольшим. Пока подпишут приказ, отвезут, по-видимому, с какими-то еще бумагами в ЦК, прождут еще сколько-то, пока их там прочтут, и если оттуда не выскажут неудовольствия (а на какой черт их оттуда высказывать – что, у ЦК мало других, куда более важных дел?), кандидатуру Горского провалят на конкурсе, который уже был объявлен, поскольку из должности заведующего отделом его перевели приказом в должность исполняющего обязанности заведующего сектором, и пора было решать вопрос, оставаться ли ему «и. о.». Ответ был заранее известен. Ни в коем случае нет. И все же спектакль получился немного интереснее, чем рассчитывал Михаил.

Начать с того, что среди других кандидатов на конкурсные должности, ждавших в очереди вызова на заседание научно-технического совета института, Михаил был единственным, кто чувствовал себя совершенно спокойно. Особенно нервничали дамы. Две из них, хорошо знакомые с Михаилом, даже поделились с ним своими проблемами и спросили, как им поступить. Их маята была вызвана вещами совершенно ничтожными в сравнении с теми, с какими вышел к своему конкурсу Михаил, но он ничего не сказал им об этом, понимая, что каждому своя рубашка ближе к телу. Он дал им несколько советов, а, главное, убедил, что их карьере ничего не грозит.

Отрицательные результаты голосования были заранее предопределены только по его кандидатуре. Михаил был уверен, что за него проголосуют два человека, невзирая на обработку и инструктаж со стороны Пестерева и заместителя директора по кадрам и режиму Картошкина, которому поручали как полуявному представителю органов госбезопасности все тайные и грязные дела. Михаил был уверен, что подготовкой его провала на конкурсе Картошкин занимался не только по обязанности, но и, если так можно выразиться, по велению души. О том, как он относится и в чем подозревает «ненадежного начальника отдела» (свои подозрения и информацию, их подкрепляющую, Картошкин, бесспорно, воспринял еще от предшественника на посту зам. директора по кадрам и режиму Плешакова), Михаил получил представление из одного как будто совсем малозначущего происшествия. Как-то раз сотрудница Михаила, отвечавшая как член профкома за физкультурно-спортивную работу в институте, спросила

его, хочет ли он участвовать в очередных институтских соревнованиях по пулевой стрельбе. Михаил еще со студенческих времен любил этот вид спорта, и потому сразу дал согласие на включение в список для посещения тира. Достаточно быстро сотрудница вернулась к нему, и, явно обескураженная, сообщила, что Картошкин вычеркнул его из списка, предварительно спросив, зачем вообще она включила туда Горского. – «Он хорошо стреляет». – объяснила она, и в ответ на это после паузы услышала: «Он начальник отдела и в рабочее время должен быть в институте», хотя в качестве члена профсоюза Михаил мог участвовать в соревнованиях, как все. Он успокоил сотрудницу, сказав, что понимает, откуда растут эти ноги и что не собирается по этому поводу «качать свои права». Несколько времени спустя Михаил удостоверился, что Картошкин не только запретил его участие в стрельбе, но еще и через своего специального подосланного доверенного стукача пожелал удостовериться, что Горский не ушел самовольно в тир.

Все было предельно ясно. Как сотрудник системы органов госбезопасности Картошкин прекрасно знал, для чего его коллеги из КГБ обязаны посещать тир – для того, чтобы метко стрелять по врагам советской власти. Ему и без того было неприятно узнать, что потенциальный враг режима, так называемый интеллигент, уже хорошо стреляет. Поэтому допустить, чтобы Горский с его разрешения получил возможность повысить свою стрелковую подготовку, он безусловно не мог. К тому же он наверняка полагал, что после стрельбы Михаил, как и все другие, не вернется из тира в институт и, может быть, даже рассчитывает в это время на интимную встречу с дамой, «благосклонным вниманием которой хотел бы пользоваться директор» (дама в прошлом была мастером спорта по стрельбе – ага! Вот еще одна ниточка, подтверждающая связь, мысль о которой так нервировала Пестерева!).

Этого из сексуальной корпоративной солидарности с директором его зам. по линии госбезопасности Картошкин тоже никак не хотел допустить. Не стоило сомневаться, что он носом рыл землю, чтобы исполнить волю Пестерева немедленно изгнать Горского из института. Состав научно-технического совета был таков, что в принципе обработать его было совсем нетрудно.

Явные «неуправляемые» – в первую очередь сам Горский – были уже давно выведены из его членов. Остальные были людьми, вполне зависимыми от дирекции и казались безусловно послушными. Заместителем председателя был Григорий Вальцов, вернувшийся не так давно из отраслевого вычислительного центра и занявший пост заместителя директора по науке, обязанности которого до него исполнял Феодосьев. К слову сказать, Валентин Феодосьев воспринял возвращение Вальцова не только как личную катастрофу для своего честолюбия, но и как предательство со стороны давнего приятеля. Впрочем, Вальцова возникшие моральные коллизии с судьбой карьеры Феодосьева несколько не взволновали. Он и прежде был начальником Валентина, да и по разуму и административному опыту безусловно превосходил его – в этом у Григория не могло быть ни малейших сомнений. Попытки Феодосьева проводить мелкие акции служебного саботажа Вальцов, как правило, быстро подавлял. Но это не значило, что в отношении Горского их позиции особенно различались. Конечно, в то время как Феодосьев ненавидел Михаила всеми фибрами своего существа, Вальцов всего лишь полагал, что Горский способен только к научной работе, а к административным обязанностям относится совсем не так, как следует. Но даже не это определило его решение присоединиться к диктату директора и голосовать против Горского, хотя пост заведующего сектором по сути исполнения какой-либо административной функции не предусматривал – просто Григорию совершенно незачем было конфликтовать из-за Михаила с Пестеревым, на которого и так нельзя было в достаточной степени полагаться. Рядовые же члены совета либо не любили Михаила за самостоятельность, какую не могли себе позволить, либо просто боялись, что в случае сопротивления с ними расправятся точно так же, как с Горским – даже проще.

И все-таки в двух голосах членов НТС в свою пользу Михаил был уверен. Согласно положению в состав совета с правом решающего голоса входил секретарь комсомольской организации института. Им была молодая красивая, по слухам, еще незамужняя женщина, как и Михаил, закончившая МВТУ им. Баумана, только лет на тридцать поздней. Звали ее Алла, работала она в другом отделе, но иногда они по-дружески перебрасывались несколькими словами, как выпускники одной альма матер. Однажды Михаил вышел из своей комнаты на лестничную площадку и, посмотрев вниз, увидел чудный идеал молодости и чистоты. Аллочка была в простом, удивительно идущем белом летнем платье, и от нее исходило такое сильное ощущение полноты своей готовности к счастью и любви, что и Михаил с первого взгляда тоже проникся искренним убеждением, что да, все это так, она нисколько не ошибается, и сказал первое, что пришло на ум: «Здравствуйте, ваша свежесть!» И Аллочка сразу поняла, что он заметил именно то, что надо, и вместо ответного: «Здравствуйте!» или «Доброе утро!», выдохнула из глубин груди: «Спасибо, Михаил Николаевич!» Михаил был уверен, что этого она не забыла и не забудет. И будет голосовать «за», к чему бы ее ни обязывали.

Вторым человеком, на поддержку которого вопреки логике служебного преуспеяния мог рассчитывать Михаил, был заведующий отделом из другого отделения института, скромный и деловой человек, с которым у Горского не было никаких служебных соприкосновений. Но как-то раз Михаил случайно услышал, что этот человек увлечен моржеванием, и вскоре зашел к нему, чтобы прояснить для себя способ преодоления неприязни к выходу из холодной воды на морозный зимний воздух, рассказав, что сам уже больше четверти века круглогодично принимает холодный душ. «Трудно ли вам было преодолевать этот барьер? Купания в холодной воде я не боюсь, весной плавал среди льдин, а вот в зимнюю стужу выход после купания на воздух, боюсь, как радость для тела не восприму». В ответ собеседник заверил Михаила, что до нормального моржа ему осталась самая малость и даже посоветовал поменять квартиру, чтобы переехать в район Химкинского водохранилища, где в майне купался сам. Чувство возникшей тогда взаимной симпатии не могло подвести. Но этими двумя людьми список сторонников и исчерпывался.

Рассмотрение конкурсного дела Михаила началось с полубовительных выступлений Вальцова и Феофанова. Говорить о его научной некомпетентности ни тот, ни другой не посмели. Упомянутые же ими административные проступки, в особенности так травмировавшая психику Феодосьева «неуправляемость», строго говоря, относились ко времени его работы в должности заведующего отделом, а не сектором. Других обвинений не последовало. Михаилу предложили ответить на высказанные претензии. К этому времени он уже взвесил все «за» и «против» своей самозащиты. Можно было, конечно, сказать, что среди претендентов на место заведующего сектором нет ни одного, кто имел бы монографию по специальности, не считая многих десятков других публикаций и научных трудов. Но зачем было метать бисер перед свиньями и полу-свиньями? Один из членов совета как-то пришел к Михаилу и, волнуясь, рассказал ему, что в своем научном отчете просто привел большой отрывок из его книги без ссылки на источник. Этот человек, остроумный толстяк, прежде работал где-то на более видной должности, но за что-то был снят и разжалован в зав. отделом в научно-исследовательском институте. На нем висел партийный выговор от райкома КПСС. Михаил оценил тогда, чем рисковал плагиатор – Михаил мог поднять скандал, если бы узнал об этом самостоятельно, не от него. А так, обратившись напрямую, он честно покаялся, без слов взывая к прощению. Такие умники встречались не часто, особенно среди жуликов, и Михаил дал ему индульгенцию. Но это не значило, что теперь этот зав. отделом посмеет нарушить приказ дирекции. Нет, в этом кругу не стоило тратить слов. Поэтому Михаил в заключительном слове отметил только одно – претензии, которые он услышал, относились к его работе в должности заведующего отделом, а не сектором. После этого его отпустили, и он ушел, не дожидаясь объявления результатов голосования, которые знал наперед. И все-таки, когда вечером ему домой позво-

нила сотрудница, узнавшая по своим каналам, чем кончилось конкурсное голосование, он был удивлен. Против было подано шестнадцать голосов, за – целых шесть.

Оказалось, Михаил не вполне точно оценивал публику. Шестеро не побоялись послушаться хозяина, наперед зная, что он – псих и что его заместитель из органов госбезопасности с помощью отпечатков пальцев на бюллетенях постарается выяснить, кто послушался приказа. Значит, он был все-таки более уважаем, чем думал, и это было утешением, правда, слабым. Любопытно, что когда через несколько месяцев конкурс на замещение должности заведующего отделом проходил Феофанов, за него проголосовали шестнадцать членов НТС, а против – все те же шесть, по крайней мере, хотелось думать, что те же. Как-никак, что-то вроде свидетельствовало, что у некоторых есть и стойкие симпатии, и стойкие неприятия, на которые извне невозможно повлиять.

На следующее утро в самом начале рабочего дня Картошкин вызвал Михаила к себе и сразу сказал, что зря тот не дождался окончания заседания НТС. – «А зачем?» – спросил Михаил. – «Чтобы узнать результаты голосования по вашей кандидатуре. Вы не прошли по конкурсу». Видя, что эта новость не огорошила Горского, Картошкин добавил: «Шестнадцать против и только шесть – за». Михаил пожал плечами. Картошкин явно ожидал чего-то другого. Они помолчали. Затем режимник сказал: «Если вы не хотите увольняться из института, вы будете переведены в должность и. о. старшего научного сотрудника с окладом...». – Он назвал сумму на двадцать процентов меньшую, чем сейчас. «Так что решайте», – заключил Картошкин. – «Когда?» – поинтересовался Михаил. – «Как когда? Конечно сейчас!» – стараясь (все-таки стараясь) спрятать улыбку, ответил Картошкин. – «Сейчас – вряд ли, – спокойно сказал Михаил. – В проведении НТС я усматриваю определенные нарушения установленной процедуры и по этому поводу собираюсь обратиться в госкомитет». Этого Картошкин не ожидал. Он сделал строгое лицо и соответствующе строгим тоном ответил: «Никаких нарушений не было». – «А по моему мнению, были». – «Об этом вы скажите председателю совета». – «Ну уж дудки, – подумал Михаил. – Об этом ты доложишь ему сам, как только я выйду из кабинета». Но вслух ничего не сказал. Он поднялся со стула и вышел. Сотрудники сектора сказали, что все это время по местному телефону звонил стукач – конфиденгент Картошкина – заведовавший сектором в том же отделе, в который теперь входил сектор Михаила. – «Мы ему объясняли, что вы уже у Картошкина, но он не верил и требовал, чтобы ему сказали, где вы». – «Во как старался выполнить поручение! – удивился Михаил. – И все же отстал от своего шефа. Картошкин оказался еще нетерпеливее его». – «Что он вам сказал?» – Михаил объяснил. Сотрудники подавлено молчали, думая, конечно, не только о нем, но и о себе. Ничего хорошего их не ожидало. Отношение к ненавистному начальнику руководство почти всегда обращает и против его подчиненных. Особенно против тех, кого он сам отобрал для себя из прежнего большого коллектива. В это время позвонил Вальцов и попросил к себе. Как ни странно, Григорий сразу повел себя как человек, чувствующий неловкость за себя. Это было ново. Он спросил, есть ли у Михаила куда уходить? – «В данный момент нет». – «Тут Полкина, спрашивала у меня, может ли она предложить вашу кандидатуру в...» – Вальцов назвал другой институт, принадлежащий же госкомитету. Полкина была заведующей отделом, которая по жадности и глупости, а самое главное – по уверенности в безнаказанности (у нее была как тогда говорили, своя «волосатая лапа» в комитете – и Михаил даже знал, что это за лапа и какое должностное лицо. Это был руководитель плановой службы, и он уже много лет пользовался квартирой Полкиной для свиданий с любовницей). Однажды она попросила для знакомства две работы Михаила по тематике, смежной с ее собственной. Михаил не отказал, но обратно своих рукописей не получил. Полкина, упиваясь сознанием недостижимости, сообщила ему, что потеряла их и улыбнулась. В институте у нее была репутация человека, у которого не пропадает ни единая бумажка. Михаил тогда ничего не сказал, но и не спустил наглости и хамства. Полкина потом сильно об этом пожалела, потому что Михаил очень умело и аргументировано поддер-

жал человека, который заявил на НТС, что Полкинская диссертация – почти сплошной плагиат из его прежних и действительно приоритетных работ. Несмотря на все ухищрения Полкиной, Михаил попал на ее защиту и выступил там с разгромным отзывом. Полкина не ответила на его обличения ни единым словом. Ей это было ни к чему. С председателем ученого совета уже «поговорили», совет был у него в кармане, и поэтому все его члены единогласно проголосовали за присуждение Полкиной ученой степени кандидата технических наук – что было совсем уже смехотворно, поскольку тема тяготела к лингвистике, а диссертация не содержала даже намека на использование машинных процедур для обработки лексики, идея которых тоже не была предложена Полкиной. Она была уверена, что теперь Михаил ей не помеха. От своей «агентуры» он знал, что на ВАК имеет влияние очень высокопоставленный родственник уже ее собственного любовника. Однако ВАК диссертацию не утвердил. Полкина попыталась защититься в ученом совете в МВТУ им. Баумана. Там ей Михаил уже не мешал. И без него нашли, что работа хорошая (это по дурости), но подтвердили, что никакого отношения к циклу технических наук не имеет. К этому времени Михаил уже знал, что Всевышнему не угодно, чтобы кто-то старался за ограбленных больше, чем они сами старались за себя, а, видя как работает против Полкиной Михаил, они вообще устранились от дела. Поэтому он прекратил преследование плагиаторши, и года через два она после третьей попытки в конце концов защитилась. Естественно, ни благодарить Михаила, ни сочувствовать ему она не собиралась. Все было как раз наоборот. И все же ее предложение помочь Михаилу устроиться на другую работу не было совсем необъяснимым. По-видимому, Полкиной было известно, что Михаил никогда не требовал ее изгнания из института или просто понижения в должности, а этого она когда-то боялась и ждала. Как бы то ни было, Михаил сказал Вальцову, что не возражает – пусть Полкина узнаёт, хотя и не думал, что из ее «помощи» что-то выйдет.

Когда Михаил вернулся к себе, одна из сотрудниц отвела его в сторону и сообщила, что ее близкая знакомая из институтского пресс-центра, хорошо разбирающаяся в политической ситуации (а как раз началась перестройка) предлагала Михаилу помощь в борьбе через прессу за свое место. Она приводила примеры успешных баталий, выигранных через газеты, должным образом вскрывавших скандальные безобразия. Иногда это плохо кончалось для гонимых, в этом журналистка была права. При изменении курса партии в номенклатурных кругах еще не вполне понимали, как повернется ситуация и пребывали в некоторой растерянности, а, главное, в ожидании – будут приниматься против них серьезные меры или нет. Но Михаил знал точно и определенно – не будут. Реформа шла сверху, то есть от той же номенклатуры, и потому проводиться против ее исконных привилегий и интересов просто не могла. Нет, система переставала быть системой, если она не умела себя защищать, а уже советская система всегда бесспорно умела. Так что после считанных сбоев она должна была выработать контрмеры против новомодных покушений на себя снизу. Все это Михаил высказал сотруднице, и очень скоро она убедилась, что он был прав. От фельетонной защиты (или от контратаки методом фельетона) Михаил отказался без сожаления, даже не вполне отдавая себе отчет, почему. То ли от того, что она слишком напоминала процедуры разбирательства по поводу обращения к съезду партии, то ли от того, что чувствовал изначальную ущербность для себя в том, чтобы победить не самому.

В этот день больше ничего не произошло. А на следующий день Михаила уведомили, что он принят в институт патентной информации, и это последнее место работы оказалось наилучшим из всех и по атмосфере, доминировавшей в нем, и по обилию интеллектуалов, подобного которому он не встречал нигде, и по полноте совмещения своих творческих устремлений со служебными. Именно в то время он и на работе, и дома завершил свой главный философский труд. Именно там он, наконец, освободился от нужды все время чувствовать себя как на войне.

Примерно через год после ухода Михаила из прежнего института дела директора Пестерева заметно ухудшились. Чем он перестал устраивать комитетское начальство, осталось неизвестным, но определенно перестал.

Об этом однозначно говорили суровые, то есть строгие выговоры от министра, которые он стал получать даже за сущие пустяки, в то время, как прежде он за серьезнейшие грехи получал совсем пустяковые наказания типа «объявление замечания». Конец этому мог быть один – снятие с должности, как только об этом удастся договориться в ЦК.

Пестерев предпринимал судорожные усилия, чтобы перейти директорствовать в академический информационный институт, пользуясь патронажем со стороны помощника председателя государственного комитета по науке и технике, имевшего ранг заместителя председателя совета министров СССР, но свое ведомство еще долго било и не отпускало его, тираня ничуть не меньше, чем сам Пестерев тиранил своих подчиненных. Наконец, его все-таки отпустили, и свое директорство на новом месте он постарался осуществлять с той же пользой для себя и с таким же вредом для дела, какие были присущи ему прежде. Как обычно, он первые два месяца, вникая в обстановку, сдерживал себя. Как раз в это время достаточно высокопоставленные работники этого академического института через общих знакомых обратились к Михаилу за сведениями о Пестерева. Он дал ему точную, без эмоциональных излишеств характеристику, зная, что в данный период ему не очень поверят или даже не поверят совсем. Так поначалу и вышло, зато еще через месяц до сведения Михаила специально довели, что его прогноз поведения Пестерева сбылся до мельчайших подробностей, до последнего слова. Это было равносильно извинению за первоначальное недоверие. Да Бог с ним, с этим недоверием. Сам-то Михаил точно знал, что не ошибается. Не ошибся и в том, что в попав в академический институт, Пестерев возомнил, что уже оказался на пороге получения вожеленного звания члена-корреспондента. Для начала ему требовалось получить соответствующую рекомендацию от институтского ученого совета. Однако его там дважды прокатили на вороных. Пестерев пришел в бешенство и начал срочно перемещать непокорных на низшие должности или совсем выживать из института, пересматривать состав ученого совета и все прочее, чему его не надо было учить. Не исключено, что третья попытка вырвать у совета рекомендацию в академию оказалась бы успешной, но до нее не дошло. В жизни Пестерева впервые выпал случай крупно сыграть в свою пользу на политическом поле. Едва путчисты из ГКЧП в августе 1991 г объявили, что этот «комитет» берет всю власть в стране в свои руки, Пестерев поспешил издать в институте собственный приказ, обязывая сотрудников неукоснительно выполнять все постановления ГКЧП. Буквально на следующий день путч завершился полным провалом. Шок от краха его политической ставки был столь силен, что Пестерева хватил инфаркт. Он был уверен, что его арестуют как Янаева, Лукьянова, Шонина, Павлова и прочих. Однако его не арестовали. Во-первых, как больного, во-вторых – как незаслуживающую внимания мелочь. Но с директорского поста стряхнули. Оставили, правда, в штате института научным консультантом. В итоге большого приза в карьерной игре он не сорвал, но балластом в советской науке продолжал оставаться.

А Феодосьев при новом директоре, преемнике Пестерева, сперва было даже расправил крылышки, увидев новые возможности для себя в том, что директор сходу возненавидел достаточно умного и потому потенциально опасного Вальцова. Вскоре Григорию пришлось уйти в другой институт той же ведомственной системы, только категорией пониже, хотя все равно заместителем директора. Вероятно, Феодосьев оказал в этом деле директору посильную помощь и вообще был ему полезен. Однако вскоре настроение директора переменялось, и Валентин из фаворитов превратился в гонимого. Директор был совершенный хам и наглец и, по примеру Остапа Бендера, считал, что других хамов и наглецов ему в институте не требуется. Оскорбленный в своих лучших подхалимских чувствах и ожиданиях награды за усердие и полезность, Феодосьев попытался защититься, используя против директора компромат,

который накапливал на всякий случай. Однако это продлило пребывание Валентина в институте лишь месяца на три. Дальше, оказавшись за стенами института и не попав ни в какой другой, Феодосьев основал собственную фирму со скромным названием «Лидер». Ему давно хотелось стать директором, но сделаться директором лидера он, наверное, в прежние времена и не мечтал. Удовлетворив таким образом свое психозное честолюбие, он быстро затерялся среди множества других амбициозных программистов, покинувших государственные организации и пустившихся в вольное плавание на рынке труда. Очень скоро обществу стало ясно, что ему не требуется столько программистов, сколько их кормило и пригревало слабокомпьютеризованное государство развитого социализма. Выжить и существенно улучшить свое финансовое состояние смогли главным образом те, кто сгруппировался вокруг действительного корифея программирования (а таких были единицы, максимум десятки), либо те, кто умел и мог в опережающем порядке доставать за границей готовые пользовательские программы и адаптировать их применительно к нуждам русскоязычных пользователей.

Вальцов при всем своем самомнении и высокой самооценке прекрасно понимал, что он не корифей ни в программировании, ни в физике, точно так же, как и Феодосьев, который, правда, отказывался принимать эту в высшей степени неприятную для себя истину – об этом прямо свидетельствовал титул, которым он лично увенчал свою персону – директор «Лидера». Однако, как выяснилось на практике, это не содействовало достижению коммерческого успеха в его предприятии.

Вальцов раньше многих других осознал целесообразность перехода из начавшей хиреть от хронического безденежья науки на более кормное поприще, поскольку был прагматиком до мозга костей и не видел особого смысла в том, чтобы тратить силы и, главное, время на попытки сохранить свой служебный статус. Он оставил пост заместителя директора института без видимых сожалений (теперь звания такого рода весьма обесценились, поскольку обыкновенный бандюга мог быть и генеральным директором, и президентом компании или банка, не говоря о том, что любая мелочь могла именоваться управляющим, старшим менеджером или директором департамента) и срочно закончил курсы бухгалтеров, поскольку на волне всеобщей коммерциализации спрос на работников бухгалтерской специальности стал воистину ажиотажным, и устроился на хорошее место в частной фирме, не особенно заботясь о том, как скажется на его личной репутации репутация фирмы. Деньги были важнее всего, и он их зарабатывал, обеспечивая хитроумными уловками максимально возможное отклонение конторы от уплаты налогов. Дисциплинированный и тренированный в точных науках ум для этого вполне подходил. Наверно, не в меньшей степени, чем для овладения знаниями о физических основах земного и космического бытия. А то даже и в большей.

Михаил не был уверен, что в лице Вальцова фундаментальная наука потеряла одного из перспективных исследователей, однако совсем этого и не исключал. У него было упорство в достижении целей, он умел выбирать, не поддаваясь соблазнительным, но нереалистическим иллюзиям (впрочем, великие корифеи науки как раз поступали иначе) и пренебрегал знакомствами только с теми людьми, которые уступали ему в интеллекте. Правда, если пользоваться боксерской терминологией, он плохо держал удар и к серьезным принципиальным схваткам за свои убеждения так и не подготовился. И все же его было немного жаль – в отличие от Феодосьева и Пестерева. Эти двое были прямо созданы для процветания в «развитом социализме» с его партхозбюрократией. Вальцов же мог найти себя в любой системе. Капитализм для него даже больше подходил. – «Ну, да мне это все равно, – спохватился Михаил. – И чего это я думаю, где им лучше? Тем более, что в любой социальной формации найдутся условия для существования и завистников, и туповатых, но зато вполне эгоистичных бюрократов, и для истых прагматиков, работающих на умножение суеты вокруг себя – и в себе». На фоне их карьерных преуспеваний он, почти всю жизнь с трудом дотягивавший от зарплаты до зарплаты, имел право чувствовать себя счастливецом. Не отступился от лучшего в себе, при-

званию не изменил. И за это Всевышний дал совершить нечто, с чем не стыдно будет оказаться перед Его лицом с последним отчетом хотя бы за эту сторону прожитой жизни.

Глава 10

Утром Михаил решил продолжить сплав, пока стоит приличная погода и не накопилась усталость, все равно какая – физическая или нервная. После завтрака он часа два возился со сборами, подкачкой баллонов байдарки и спуском всего багажа к воде со своего бивачного «прилавка». Кстати, путь к реке сократился, поскольку ее уровень поднялся примерно на полтора метра. Это означало, что в верховьях прошли дожди и, вероятней всего, пока не слишком сильные. Однако скоро они могли распространиться на весь бассейн. Но сегодня предполагались препятствия средней сложности – десятка два шивер и четыре порога. Впрочем, верны ли эти сведения, предстояло убедиться самому.

Река по-прежнему устремленно шла к северу, лишь с незначительными отклонениями вправо – влево. Не было ни крутых излучин, ни заметных скал, из-за чего ориентирование с воды серьезно затруднялось. Надежней всего было привязываться к крупным левым и правым притокам, но на этом участке их почти не встречалось. Михаил решил, что придется вести счет пройденным шиверам, чтобы во-время подготовиться к встречам с порогами, и успеть, если надо будет, остановиться для просмотров. Позади остались четыре шиверы. Проход среди камней в них был несложен, а высота стояков не превышала метра. Впереди показалась пятая шивера. Михаилу сразу не понравилось ее начало – что-то уж больно много торчало из нее высоких камней – и потому он решил высадиться и посмотреть с берега, что там есть. Предчувствия не обманули. Знакомиться со столь порожистой шиверой сходу было бы, пожалуй, сродни прямому вызову судьбе. Похожие каскады он прежде видел на Кабаньей ниже устья ее притока Улура в Баргузинском хребте и проходил насквозь в нижнем течении Улиты перед ее впадением в Нижне-Туломское водохранилище на Кольском, только здесь было больше воды. Пожалуй, наибольшие трудности состояли не в том, что слалом среди камней был слишком сложен, а в том, что из-за высоты камней затруднялся обзор. С берега, правда, проход был виден достаточно хорошо, но в него сначала надо было очень точно зайти. Он минут пять думал об этом, потом пошел вдоль шиверы вниз, но не до конца, и вернулся обратно к байдарке. Каскад имел протяженность около шестисот метров и, что ни говори, был серьезен. Сев в лодку, Михаил направил ее между двумя намеченными камнями, резко взял влево, проскочил мимо валуна, затем, уколотив его веслом, сделал поворот направо, а дальше и пошло и поехало.

Если бы сплав по горным рекам не дарил бы время от времени подобных минут сказочного полета и перепархивания с одной ступени на другую среди камней и пены, сопровождавшегося веерами брызг, вздымаемых при падениях носа, он бы не любил так сильно этот спорт. А так он с восторгом и уверенностью совершал прыжок за прыжком, нигде не ошибаясь, так как любое неправильное движение не только смазало бы удовольствие, но и вообще прекратило бы сплав надолго, а то и навсегда. Но при ювелирном управлении судном и собой не возникало ни страха, ни аритмии в гребле – оставался лишь пьянящий восторг от процесса, который не хотелось прекращать. И все же после заключительного прыжка, когда Михаил проскочил мимо запирающих порог камней, он ощутил не только заслуженную радость, но и то, какого напряжения потребовал от него этот полет, и поспешил выбраться к берегу, чтобы передохнуть. Впереди слева в реку как раз выдавался уступом утес, и за ним наверняка крутилось улово, которое могло само поднести байдарку к склону. Проскочив мимо утеса и заглянув за него, Михаил увидел, что не ошибся в ожиданиях. Осыпной склон был там не слишком крут, но зато полной неожиданностью стало то, что он уже был занят. У подножья осыпи лежали три вытасченные из воды байдарки. Около одной из них сгруппировались люди. Михаил решительно подгреб к берегу. Он был удивлен, что туристская компания незаметно проскочила мимо него. Хотя ничего невероятного в том не было. С воды его палатку могли не увидеть, да и сам Михаил мог отлучиться из лагеря.

Четверо около разобранной байдарки стояли к нему спинами и не заметили ни того, как он пристал, ни как вылез из байдарки на камни, снял с себя ружье и сунул его под деку, чтобы не пугать народ, закрепил чалку и направился наверх. Приблизившись к людям метра на четыре, Михаил довольно громко произнес: «Здравствуйте!» Это слово будто вздернуло все головы вверх и повернуло лицами навстречу пришельцу. Один из мужчин инстинктивно схватился за топор, двое недружно ответили на приветствие, еще один продолжал молчать, явно пытаясь что-то сообразить.

– Вы кто? – наконец спросил он.

– Турист, как и вы, – ответил Михаил.

– А-а! Значит, вы тот самый, о котором нас предупредил пилот вертолета!

– Предупредил?

– Ну да! Что вы собираетесь спуститься по Реке один. Хотел, чтобы мы обратили на вас внимание.

– Вряд ли я стою вашего внимания, – возразил Михаил и в свою очередь задал вопрос: – А когда вы прилетели на реку?

– По словам пилота, через день после Вас и на то же место. И вот уже оказались впереди Вас.

– Совершенно верно. Ну, а теперь мне удалось вас догнать. Что-нибудь случилось?

– Да так, на выходе из порога одну из байдарок навалило на камень.

– Понятно. Сегодня?

– Вчера.

– У вас все есть для ремонта каркаса?

Во время разговора Михаил разглядывал разломанный остов байдарки «Таймень». Сломаны были в районе миделя обе овальные трубки кильсона, оба фальшборта и два шпангоута. В общем, не так много. Стрингера, видимо, только сильно погнулись и уже были неплохо выправлены. Но ремонт еще явно требовал возни.

– В общем-то все есть. Пожалуй, трудности только со шпангоутами. Но и у вас подходящих трубок или втулок, видимо, нет. У вас ведь надувная байдарка.

– Да. Но для шпангоутов я могу дать вам пару латунных ружейных гильз. Если спилить кант или срезать всё донце, их можно будет загнать внутрь сломанных бимсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.